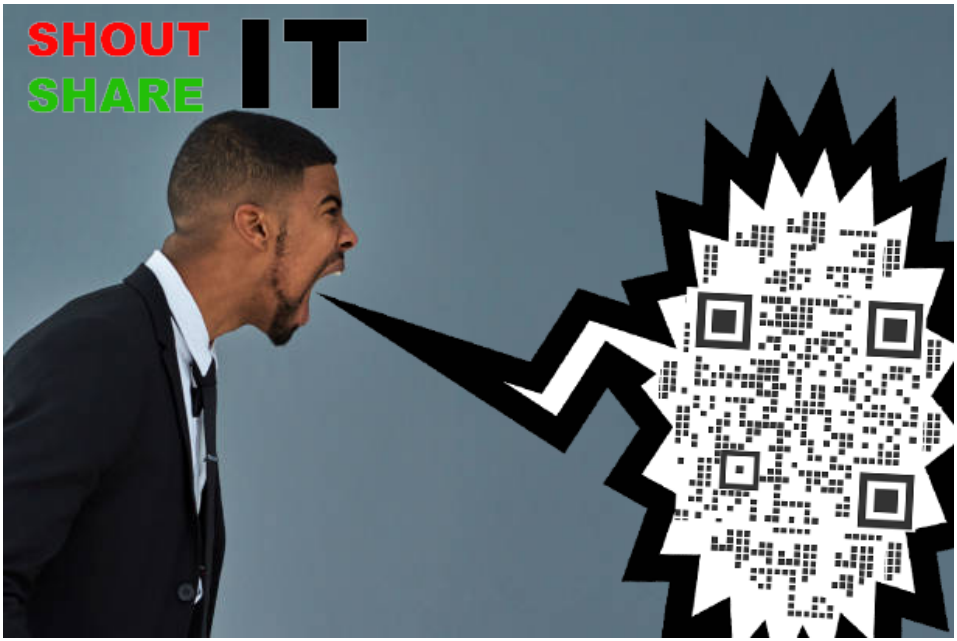
НАСЕР

А. Агарышев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ


SHOUT
SHARE
IT

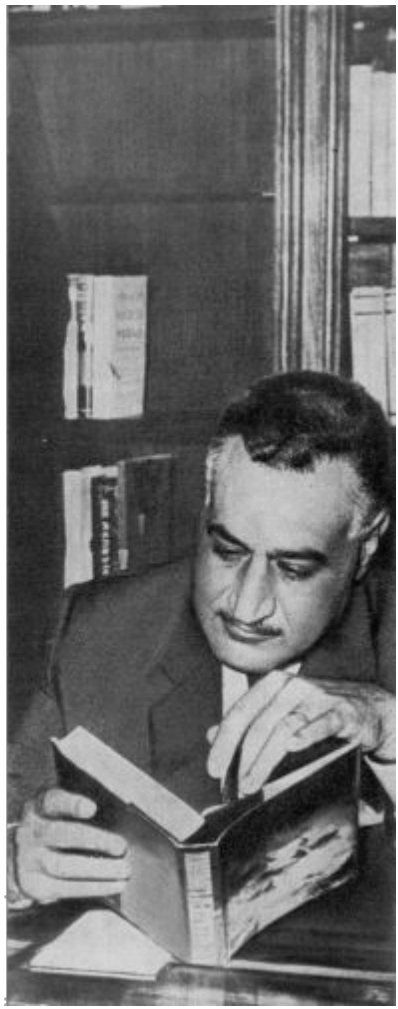
Annotation

Книга рассказывает о жизни и деятельности Гамаля Абдель Насера — первого президента Арабской Республики Египет, выступавшего за прочную дружбу Египта с Советским Союзом. На обширном фактическом материале автор, работавший собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в АРЕ, показывает борьбу Насера за независимость Египта, за сплочение всех арабских народов.

- Анатолий Агарышев
  -
  - Глава 1
    -
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - «Хотим жить свободными людьми»
    -
  - Основные даты жизни и деятельности Гамаля Абдель Насера
    -
  - Краткая библиография
    -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21

Анатолий Агарышев
Гамаль Абдель Насер



Автор выражает глубокую благодарность семье Гамаля Абдель Насера, члену Постоянного Комитета Всемирного Совета Мира, видному общественному деятелю Халиду Мохиеддину, генералу Хасану аль-Бадри, Юсефу Сиддику и другим арабским и советским товарищам за помощь в подготовке этой книги.

Глава 1

Эта книга посвящена Насеру, его огромной и разносторонней государственной и политической деятельности. Но начать рассказ о нем автору хотелось со слов, сказанных Насером в 1962 году советским журналистам:

— Мы хотим быть все ближе и ближе к Советскому Союзу. В этом залог успеха нашего прогрессивного развития. Мы прекрасно понимаем, что, не будь поддержки Советского Союза, ОАР не могла бы решить ни одной сложной задачи, как экономической, так и политической…

Насер был искренним другом Советского Союза, и именно об этом должен помнить каждый, приступая к чтению биографии этого выдающегося политического деятеля.

XX век ознаменовался крупными социально-политическими сдвигами. Эхом русской революции прокатилась по миру волна народно-освободительных движений. Окончательно распалась Оттоманская империя. Эти события отозвались в Египте, бывшей турецкой провинции, перешедшей в 1914 году под протекторат Великобритании, революцией 1919 года, всколыхнувшей египетское общество.

Управлял страной в это время султан Ахмед Фуад. Летом он отдыхал в александрийском пригороде Монтаза, на берегу Средиземного моря, наслаждаясь терпкими запахами кедровой рощи. Зимой султан жил в каирском дворце Кубба за каменной стеной или в окруженном железной оградой Абидине, недалеко от которого находились английские казармы. Его охраняли рослые гвардейцы в красных мундирах. Для прогулки ему подавали красную карету или красный «роллс-ройс». Ему стелили красный ковер под ноги, когда он появлялся в пятницу перед народом в мечети. Красный цвет считался фамильным цветом египетских монархов.

Но этот цвет стал пугать Ахмеда Фуада с тех пор, как в дни революции 1919 года на улицы Каира и Александрии вышли демонстранты с красными флагами.

Египетское общество походило на торт, который подавали на королевский стол к праздникам: розовый крем сверху, затем — тонкий слой серой махаллябии[1] и внизу — пласт залитого синей конфетной помадкой бисквита. Если султан и двор, который состоял из богатых и знатных пашей и беев, щеголявших в красных фесках, являлись верхушкой египетского общества, то египетские крестьяне, одетые в голубые галябии, были его

основой. Между этими двумя группами населения находилась незначительная прослойка чиновничества, предпочитавшего серое европейское платье.

Паши и беи являлись, как правило, потомками завоевателей. Настоящие египтяне были в основном феллахами. До первой мировой войны в государственных учреждениях служили иностранцы, главным образом англичане и французы. И только во время войны египтяне стали занимать чиновничьи посты. В эти же годы окрепла национальная египетская буржуазия. В стране создается военно-промышленный комитет, на основе которого организуется банк. Египет вступает на путь капиталистического развития.

То, что происходило в стране, существенным образом отразилось на семье Гамаля Абдель Насера.

Отец Гамаля происходил из крестьянской среды. Но он смог получить образование, что позволило ему пополнить ряды нарождавшегося в Египте чиновничества. Мать была дочерью торговца углем, тоже выходца из крестьян. Таким образом, семья Гамаля как бы олицетворяла собой союз чиновничества и мелкой буржуазии.

Предки Гамаля по отцовской линии были людьми незаурядными. Процесс обезземеливания крестьян проходил в Верхнем Египте быстрыми темпами. Часть из них переселилась в город. Тех же, кто остался в деревне, тяжелые условия существования и, в частности, огромные налоги заставили искать новых путей. Они уловили веяние времени — стали отправлять своих сыновей в школы. Это был единственный способ избежать нищеты. Так или иначе, но еще в 1890 году в селении Бани-Мур несколько семей на добровольные взносы открывают «мактабу»,[2] где под руководством муллы дети учились читать коран. Одним из инициаторов этого дела был прадед Гамаля — Халиль Султан. Сын его хадж[3] Хуссейн пошел дальше отца. Своему сыну Абдель Насеру он решил дать настоящее образование.

Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, Хуссейн отвез его в Асьют и устроил в одну из христианских школ. Миссионеры, боровшиеся за влияние среди местного населения, не смогли отказать всеми уважаемому в деревне хаджу Хуссейну, несмотря на то, что его сын является мусульманином.

Нелегко было бедному египетскому крестьянину поднять на ноги шестерых детей. Абдель Насер смог вынести тяготы полуголодной жизни вдали от родного дома и закончить школу. Зато надежды хаджа Хуссейна оправдались вполне. Абдель Насер был принят на государственную службу почтовым чиновником с окладом в восемь египетских фунтов. Сам хадж Хуссейн проходил

всю жизнь за плугом в голубой галябии, его сын Абдель Насер стал теперь носить серый сюртук.

В Александрии, куда получил назначение на работу Абдель Насер, жило много «саиди» — выходцев из Верхнего Египта. Они были известны своим трудолюбием, честностью и строгими нравами. Как правило, «саиди» приезжали в большие города почти нищими. С детства привыкшие к крестьянскому труду, они постепенно осваивались в городе. И вскоре должности слуг стали занимать только «саиди». Они всегда готовы были помочь друг другу. У них выработались прочные традиции. Каждый день после обеда «саиди» собирались в одном из кафе. Здесь они отдыхали, обменивались новостями. Этот обычай сохранился и по сей день.

Жители Каира и Александрии, которых удивляли эти качества «саиди», расселившихся по всей стране, сочиняли про них анекдоты. Желая подчеркнуть предприимчивость «саиди», говорили, что их может остановить только море. В то же время, несмотря на все свое трудолюбие и энергию, по мнению горожан, они остались наивными простаками: один из анекдотов был посвящен «саиди», который «купил» у находчивого и хитрого каирца трамвай, принадлежащий городским властям.

Абдель Насер, заняв место почтового уполномоченного на железнодорожной станции Сиди-Бишр в Александрии, по-прежнему поддерживал связи с земляками, словом, вел образ жизни, характерный для «саиди». В 1917 году он женился на Фахиме, дочери Мухаммеда Хаммада, который, приехав из Верхнего Египта, смог быстро выбиться в люди и завести собственное дело.

15 января 1918 года в семье Абдель Насера родился мальчик. Его назвали Гамалем. Вскоре Абдель Насер отправил односельчанам письмо, в котором сообщал о рождении первенца. Деревенский писарь занес Гамаля в списки уроженцев Бани-Мура. Это селение находится всего в четырех километрах от Асьюта, города, который в свое время сыграл особую роль в истории страны. И не только потому, что здесь сходились в древности речные и караванные пути Нижнего и Верхнего Египта. Недалеко от теперешнего Асьюта фараон Эхнатон основал около четырех тысяч лет назад свою столицу Ахетатон, объединив Верхний и Нижний Египет. С тех пор Асьют вошел в историю страны как символ ее единства.

Деревенский писарь почти не погрешил против истины. Гамаль действительно с полным правом мог называть Бани-Мур своей родиной. Здесь родился когда-то его отец, здесь жил до конца своих дней его дед, тут же на деревенском кладбище были похоронены его предки.

Когда Гамалю исполнилось три года, Абдель Насера перевели на работу в Асьют. Теперь впервые он смог показать хаджу Хуссейну и своим братьям сына-первенца. Маленький Гамаль часто гостил в Бани-Муре, играл под раскидистой пальмой, посаженной дедом, с деревенскими мальчишками бегал на поля, где трудился хадж Хуссейн. В четыре года Гамаль начал посещать в Асьюте начальную школу. Здесь в подготовительном классе он выучил буквы арабского алфавита.

В 1923 году отец Гамаля переезжает в маленькое селение Хататба, в 36 километрах к северо-востоку от Каира. Сейчас, в результате освоения новых земель в провинции Ат-Тахрир, Хататба превратилась в небольшой город. В двадцатые годы это была глухая деревушка на границе пустыни и дельты Нила. В школе, построенной для детей железнодорожных служащих Хататбы, заставляли прежде всего зубрить коран, причем начинали с конца, где суры[4] короче. Не такое образование хотел дать Абдель Насер своему сыну…

Через год дядя Гамаля — Халиль, получивший образование с помощью Абдель Насера, поселился в Каире. Теперь настал черед Халиля оказать услугу старшему брату. Жарким сентябрьском вечером 1925 года брат Абдель Насера ходил взад-вперед по платформе Каирского вокзала, поджидая поезд. Приезда маленького племянника он ждал так, словно это был его собственный сын. Лучшие годы своей юности Халиль просидел в тюрьме за участие в революции 1919 года, семьей обзавестись не сумел, детей у него не было. Правда, он воспитывал сына своего товарища, погибшего на баррикадах. Теперь Гамалю предстояло жить у дяди вместе с его приемным сыном Махмудом.

Гамаль, которому не исполнилось и восьми лет, один ехал в поезде из Хататбы в Каир…

Выйдя из здания вокзала, дядя и племянник сели и гондур (так называются черные брички, в которых ездили небогатые египтяне).

Дядя Халиль жил в центре старого Каира. Они ехали с вокзала по пыльной дороге, мимо полуразрушенной крепостной стены. Дядя с увлечением рассказывал племяннику о Салахеддине, который, свергнув ненавистных правителей Египта, не присвоил себе принадлежавших им богатств, а отдал их на оборону города от крестоносцев. Халиль хорошо знал историю. Но племянника уже тогда поразило, что дядя перекинул мост от тех давних лет к современности.

— Настанет время, когда богатства египетских королей тоже будут принадлежать народу, — сказал он.

Дядя хотел, чтобы Гамаль после дороги хорошо поужинал и

отдохнул. Их ждал великолепный кавари — горячий холодец, но Гамаль согласился есть только после того, как Халиль пообещал, что возьмет его вечером с собой на прогулку.

Через два дня Гамаль уже начал ходить в школу «Наххасин», расположенную на улице с тем же названием. Там работали мастера, изготовлявшие из золота, серебра и меди удивительные вещи, жили золотошвеи и плотники, лудильщики и кузнецы; в пыльных узких переулках сверкали витрины ювелирных лавок; шпагоглотатели, заклинатели змей, всевозможные фокусники и маги демонстрировали свое искусство. В дни народных праздников на площади перед мечетью Хуссейна танцевали дервиши.

Несколько часов в день, когда работал дядя, Гамаль был предоставлен самому себе. Вместе с Махмудом они гуляли по улицам, обедали в дешевой закусочной, подолгу прислушиваясь к беседам стариков.

Однажды мальчики видели, как английская военная машина на полном ходу вынырнула из-за угла и понеслась по шумной, многолюдной улице. Прохожие в панике шарахались в стороны. Когда машина промчалась мимо них, на мостовой они заметили лежавшую в крови девочку. Мальчики со всех ног кинулись домой к дяде Халилю. Он молча выслушал их, а потом задумчиво сказал:

— Так будет до тех пор, пока у нас не появится человек, который прогонит англичан и наведет порядок.

В тот вечер дядя Халиль рассказал мальчикам о том, каким был отец Махмуда, как они вместе участвовали в демонстрациях, как он упал, сраженный английской пулей.

Глаза ребят горели. Потом, засыпая, они грезили, воображая себя всадниками Салахеддпна, въезжающими в ворота Каира после победы… Народ ликует… Англичан больше нет в стране… Учитель радостно поздравляет их в школе и… ставит в дневник отличную оценку.

Нравы в школе, где учились дети, были жестокими. Учителя били детей. Школьники устраивали между собой потасовки, для прекращения которых приходилось иногда прибегать к помощи полиции. Гамаль же был малообщительным, замкнутым мальчиком. Вероятно, ему приходилось тяжелее других, ведь он был чужаком. К сожалению, никто из людей, знавших Гамаля, не оставил нам воспоминаний, относящихся к этому периоду.

Некоторые же западные биографы изображают Гамаля ребенком с подавленной психикой, склонным к ипохондрии, демонстрируя тем самым свое враждебное отношение к лидеру арабского национально-освободительного движения. К примеру,

они пытаются объяснить те прогрессивные реформы, которые Насер провел в стране, и ту роль, которую он сыграл в революции, чем-то вроде мщения людям за тяжелое детство. Необъективность подобных рассуждений очевидна, поэтому вернемся к старому Каиру, где в узких переулках ежедневно можно увидеть Гамаля.

Здесь он впервые познал жизнь большого города. Помимо школы, Гамаль занимался также арабским языком и арифметикой со старым другом своего отца — Мухаммедом Гамаа. Они познакомились еще в Александрии.

«В ту пору, — вспоминает Гамаа, — у меня не было даже крыши над головой. Абдель Насер пригласил меня к себе. Я жил в его доме целый месяц на правах члена семьи. Потом приехала моя жена, которая полюбила семью Абдель Насера. Это были люди, с которыми нас связывала дружба. У меня была аль-азхаровская закваска,[5] поэтому Абдель Насер хотел, чтобы я преподавал его сыну арабский язык и арифметику. Гамаль не был похож ни на кого из других детей. Однажды мы были в гостях у одного чиновника министерства просвещения, и он предложил 20 пиастров в награду тому мальчику, который правильно ответит на его вопрос.

— Предположим, мы потеряли дорогу в пустыне, — сказал он. — Направление можно узнать по компасу. По за каждое из четырех направлений надо заплатить по 20 пиастров. Сколько же пиастров надо заплатить, чтобы узнать все четыре части света?

— Восемьдесят пиастров, — закричали дети.

— Всего двадцать пиастров, — сказал Гамаль.

— Почему? — спросили его.

— Потому что, если я узнаю одно направление, остальные я определю бесплатно, — ответил он».

Часто старшие заставали Гамаля одного в задумчивой позе. Случалось, он забывал об обеде и об уроках. Иногда Гамаль ставил взрослых в тупик своими вопросами.

— Мы не пасем овец, а едим мясо, почему же пастухи едят «фуль»?[6] — спросил однажды он своего отца.

Абдель Насер смог только сказать, пожав плечами, что «так уж устроен мир». Но восьмилетнего мальчика не удовлетворил такой ответ. Он продолжал наседать на отца с вопросами. Отец не одернул сына. Ведь в семьях «саиди» с детьми принято обращаться как со взрослыми.

Обычно во время каникул и в праздники мальчик уезжал домой, в Хататбу. Он очень любил свою мать. Она часто писала ему письма, зная его замкнутость. Гамаль всегда старался во всем угодить матери. Внезапно с апреля 1926 года она перестала

писать. Затем Гамаль получил письмо от отца. Он сообщал, что мать была загружена домашней работой, что у Гамаля теперь появилось два младших брата Изз эль-Араб и Лесси. «Кроме того, — писал отец, — твоя мама отправилась в Александрию навестить своих родных».

Только приехав на летние каникулы в Хататбу, Гамаль узнал, что его мать умерла в Александрии, куда она поехала лечиться, тяжело заболев после родов.

Сам Гамаль Абдель Насер скажет потом в одном из своих интервью, что смерть матери явилась «жестоким ударом, который наложил на меня неизгладимый отпечаток».

Гамаль попросил отца отпустить его в гости к родителям матери в Александрию. Мальчик помнил, что она всегда была счастлива в их доме.

Абдель Насер с радостью согласился. Он думал, что поездка успокоит сына.

Особняк деда в Александрии относился к той категории домов, которая и по сей день характеризуется французским словом «респектэ». Он содержался в чистоте и порядке, за который отвечал штат слуг. Дед приехал на вокзал за внуком на собственной автомашине. Еще год назад, когда Гамаль гостил в Александрии с матерью, ему так нравилось жить в этом доме, играть с двоюродными сестрами. Но на этот раз мальчику здесь показалось необыкновенно скучно. В Каире он был свободен. Здесь же бабушка следовала за ним по пятам. Он хотел есть — его заставляли есть сверх нормы. Ему хотелось погулять — бабушка везла его в центр города и сажала за столик в скучном кафе. Он задавал вопросы — на них никто не мог ответить. Ему нравилось ходить в порт, смотреть, как разгружают пароходы, а его одетые в белые кружевные платьица кузины примерно того же возраста, что и он, считали — там толчея и грязь.

Родители матери сделали попытку оставить Гамаля у себя и даже написали письмо отцу о том, что «школы в Александрии не хуже, чем в Каире», но Гамалю уже хотелось вернуться назад в Хататбу, а еще лучше в Каир, где ждал его дядя Халиль, к которому у мальчика накопилось столько вопросов.

Перед началом учебного года он возвратился к отцу, в Хататбу.

Несомненно одно: окончилось детство для Гамаля. Вскоре после того, как он узнал о смерти своей матери, отец увидел, что Гамаль роет яму недалеко от дома. Абдель Насер, велел ему прекратить это занятие, но, вернувшись с работы, обнаружил, что яма стала еще глубже.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он сына.

— Я хочу узнать, что находится там, под землей, куда уходят люди, — ответил Гамаль.

Египетские власти стремились как можно чаще перетасовывать чиновников в своем аппарате, менять их места жительства, не давая возможности обрастать прочными связями. Абдель Насеру, несмотря на то, что он был мелким почтовым служащим, также приходилось вести кочевой образ жизни.

После Хататбы он отправился в Суэц. В это время Абдель Насер вторично женится, что отдалило Гамаля от семьи. Он продолжал жить и учиться в Каире. Вскоре у него появился новый брат Шауки, потом один за другим еще семь. Гамаль приезжал в семью лишь на лето. Но отец тоже стал более замкнутым, купил себе ружье и весь свой досуг посвящал охоте. Родные с нетерпением ждали его возвращения домой, только один Гамаль, погруженный в свои думы, ничего не замечал. Мачеха осуждала Гамаля за невнимание к отцу. В семье возникли напряженные отношения.

Гамаль чувствовал несправедливость упреков. Он любил отца и писал впоследствии, что Абдель Насер был хорошим семьянином.

Вскоре дядя Халиль уехал из Каира. В Суэце же не было подходящей школы для Гамаля. И отец решил перевести его в Хелуан, в школу-интернат. Но и в Хелуане Гамалю пришлось жить недолго. Абдель Насера направили снова в Александрию. Теперь Гамаль стал жить вместе с родителями. Он ходил в среднюю школу Раас аль-Тин, расположенную недалеко от летней резиденции короля.

Александрия с ее доками, биржей и складами хлопка являлась текстильным и торговым центром Египта… Город поражал каждого приезжающего шумом и деловитостью. В центре Александрии жили в основном европейцы. В восточной части Александрии в одной из самых красивых на Ближнем Востоке рощ утопал королевский дворец Монтаза. На западе, напротив моста, где был построен в древности знаменитый Александрийский маяк, располагался другой королевский дворец. С юга к городу примыкали бедные арабские кварталы. Такой застал Александрию Гамаль.

Летом каирцы, которым позволяет достаток, едут обычно к морю, в Александрию. Жители же Александрии перебираются из шумного города в тихий и уютный Мерса-Матрух, где пляжи не так многолюдны и в тихой лагуне море почти всегда спокойно. Здесь Гамаль научился плавать. В Александрии бабушка боялась отпустить его на пляж, где близко подходят к берегу

стремительные морские течения. Зато в Мерса-Матрухе он пользовался полной свободой. Однажды, уже научившись неплохо плавать, Гамаль отправился на пляж. Это был один из тех редчайших дней в году, когда в заливе бушевали волны. Гамаль полностью поддался очарованию моря. Ему нравилось то бороться с волнами, то лежать на их гребне, щурясь от яркого солнца. Он не замечал, что вокруг уже нет купающихся. И вдруг его поразила тишина, та особенная тишина моря, когда не слышно никаких звуков, кроме гула волн и свиста ветра… Гамаль обернулся. Далеко за гребнями волн виднелся берег.

Он понял, что не доберется назад, если поддастся панике. Плыть к берегу было значительно труднее, но он подчинил всю свою волю одной цели и плыл, плыл. Никто не слышал его криков. Никто не видел, как он выходил из воды. Друзья нашли его на песке.

— Пошли в воду! — крикнули ему.

Веселая мальчишечья ватага неслась к морю. Гамаль посмотрел на воду, и у него закружилась голова. Но через несколько минут он уже снова купался.

Когда семья вернулась из Мерса-Матруха в Александрию, ему разрешили купаться на местных пляжах. Бабушка теперь не боялась за своего любимого внука. Он стал отличным пловцом.

Однажды, гуляя по набережной, Гамаль увидел большую толпу, двигавшуюся к площади Мухаммеда Али. Решив узнать, что происходит, Гамаль тоже отправился на площадь. Там какой-то человек произносил речь с балкона биржи. Присмотревшись внимательно, Гамаль узнал в нем знакомого студента. Он не мог расслышать слов оратора, но понял, что демонстрация носит антианглийский характер.

Неожиданно началось какое-то движение. Затем Гамаль услышал полицейские свистки, и в тот же миг его схватили за локти и потащили в закрытую машину, подоспевшую к месту события.

Опомнившись от неожиданности, Насер начал разглядывать остальных арестованных. Это были в основном молодые люди, чуть постарше его.

— Кто организаторы демонстрации? — спросил он своего соседа. Тот посмотрел на Гамаля с удивлением. Глаза Насера светились искренностью. И ему сказали, что демонстранты — члены «Миср аль-Фатат». Гамаль не знал тогда, что это за партия…

В тот день отец не дождался Гамаля ни к обеду, ни к ужину. Такое случилось впервые. Гамаль всегда предупреждал

домашних, если считал, что задержится у друзей или в школе. Поэтому Абдель Насер был очень обеспокоен. Обойдя всех соседей и знакомых, он стал звонить в полицию, но там тоже ничего толком не мог добиться. Лишь на следующий день утром, обнаружив имя своего сына в списках арестованных, Абдель Насер понял, что произошло. Он был очень огорчен. Абдель Насер учил сына не для того, чтобы тот с юных лет занялся политикой. Хватит с него и родного братца Халиля… Так думал отец Гамаля, направляясь в полицейский участок.

Тюрьмы в Египте были переполнены. Прочитав Абдель Насеру нравоучение о том, что надо правильно воспитывать сына, полицейский инспектор приказал отпустить Гамаля. Не возиться же ему с мальчишкой…

Гордый характер «саиди» не позволил отцу в присутствии посторонних ругать сына. Он лишь сердито взглянул на него… Зато когда они остались наедине, разговор был нелегким. Решение отца не подлежало обсуждению. Гамаль не должен больше ходить в школу, где у него появились «сомнительные» друзья. Продолжать учебу он будет в Каире.

Гамаль не оправдывался и не возражал, ибо понимал, что попал в глупую историю. Что знал он об этой партии «Миср аль-Фатат», которая вывела людей на демонстрацию?

В Каир так в Каир!..

Но в Каир все-таки Гамаля не отправили. Отец решил в конце концов, что за подростком нужен глаз да глаз… Его перевели в школу «Фаридия», правда, учился он там недолго, так как отца вскоре направили на работу в Каир.

Опять Гамалю пришлось менять школу. Абдель Насер стал заведующим почтовым отделением в квартале Баб-аль-Шаркия на улице Моски. Это огромный район базаров и мастерских ремесленников. Отец снял четырехкомнатную квартиру на втором этаже. Он теперь получал двенадцать фунтов, однако после возмещения квартплаты на питание оставалось совсем немного денег: ведь семьи стала многочисленней.

Гамаль стал посещать школу «аль-Нахда». Здесь он учился до восемнадцати лет. В этот период жизни Гамаль впервые серьезно заинтересовался политикой.

Любимым его предметом в школе была история. Эту страсть поддерживали в нем учителя. Одну за другой он прочитал книги о жизни Наполеона, Александра Македонского, Юлия Цезаря, Ганди, Руссо, Вольтера. С увлечением читал Гамаль роман Виктора Гюго «Отверженные», «Повесть двух городов» Диккенса. В школьном журнале, редактором которого он был назначен,

Гамаль поместил статью «Вольтер — человек свободы». В этой статье он открыто восхищается Вольтером. «Это Вольтер и Руссо, — писал Гамаль, — подготовили революцию 1789 года…»

Хотя школьная программа и базировалась на изучении европейской литературы, конечно, юноша в первую очередь интересовался произведениями арабских авторов. Гамалю нравились стихи Ахмеда Шауки и Хафиза Ибрагима, пьесы и романы Тауфика аль-Хакима, который на всю жизнь остался его любимым писателем. Большое впечатление произвел на юношу роман Тауфика аль-Хакима «Возвращение духа».[7]

Читал Гамаль обычно с карандашом в руке, подчеркивая в книге фразы, которые наводили его на какие-либо размышления. Так, в романе «Возвращение духа» он отметил место, где говорится о том, что у египтян неизбежно должен появиться вождь, способный сплотить и поднять народ на борьбу за свободу и национальное возрождение.

Мысль о народном вожде увлекла Гамаля. «Не знаю, почему мне всегда казалось, что наша страна ищет героя, который сыграет свою роль», — писал он впоследствии в своей работе «Философия революции».

В романе египетского писателя описывается обстановка каирского дома, в который приходит врач. Он удивляется, увидев в одной комнате пять кроватей, выстроенных в ряд:

— Что это? Казарма?..

Доктор хочет узнать, что заставляет этих людей жить в такой тесноте.

— Нам и так хорошо! — слышит он в ответ. Это звучало просто и искренне. Бледные лица людей словно светились радостью оттого, что они вместе болеют, подчиняются одному режиму, принимают одинаковые лекарства, что у них общая судьба. Обитатели похожей на казарму комнаты именовали себя «народом».

Здесь же живет герой книги — школьник Мухсин. Своим характером и судьбой он удивительно напоминает юного Гамаля. Молодой Насер должен был действительно весьма симпатизировать Мухсину, страстно увлеченному патриотическими идеями. В произведении Тауфика аль-Хакима Гамаль почувствовал глубокую веру писателя в египетский народ, который способен совершить еще большее чудо, чем постройка пирамид.

В это время антианглийские настроения в стране усилились. В июне 1934 года в Каире произошло настоящее сражение между рабочими и полицией. В ответ на полицейские репрессии забастовала вся страна. Правительство отменило конституцию.

Тогда «Вафд»[8] созвала национальную конференцию и потребовала демократических реформ. Король спрятался за англичан. Те ответили отказом. Это вызвало взрыв всеобщего возмущения в Египте.

Гамаль был избран в делегацию студентов и школьников, которые пошли по домам известных в стране общественных деятелей, убеждая их принять участие в демонстрации.

В ноябре 1935 года в стране начались новые антианглийские забастовки и демонстрации…

Стояла осень. В тот год рано прошли дожди и наступило похолодание. Вздувшийся Нил катил тяжелые желтые воды. В один из таких осенних дней во дворе школы «аль-Нахда» собрались учащиеся и преподаватели. Со страстной, взволнованной речью выступал Гамаль. Он призывал выйти на демонстрацию. Сперва учителя попытались увести школьников в классы. Но чувства, которые побудили Гамаля произнести эту речь, были настолько близки всем, что учителя вскоре сами поддержали школьников. Из ворот школы на каирские улицы вылилась шумная толпа.

Гамаль предлагал идти к мосту через Нил и соединиться с бастовавшими студентами университета. Он знал также, что посланные им делегаты ведут туда же демонстрантов из других школ. Но полиция не дремала. Заранее был разведен мост якобы для того, чтобы пропустить вереницу фелюг с высокими мачтами. Тогда кто-то предложил переправиться через реку на фелюгах.

Полицейские попытались воспрепятствовать переправе. Их забросали камнями. Тогда на помощь были присланы английские войска.

Раздался залп, и один из школьников упал, обагрив кровью мостовую. Солдаты взяли демонстрантов в кольцо.

— Надо прорваться силой, — крикнул Насер, — сбор у «Дома нации»!

Демонстранты ринулись в одну сторону. Гамалю с группой друзей удалось уйти от полиции.

Дом, где когда-то жил известный революционер Саад Заглюль, знали в Каире все. Его называли в народе «Бейт аль-умма», что значит «Дом нации». С именем этого человека было связано самое массовое политическое движение в Египте. В годы первой мировой войны египтяне оказали поддержку английским войскам, за что Египту была обещана независимость. Но англичане не спешили выполнять договор. Тогда египтяне избрали делегацию для поездки на Парижскую конференцию, где державы-победительницы заново делили мир. Во главе делегации

стоял выходец из крестьянской среды Саад Заглюль. По-арабски «делегация» — «вафд», это слово и стало названием партии, которую образовали сторонники Заглюля после того, как он был арестован и сослан на Мальту. В стране вспыхнула революция 1919 года.

В конце концов формально протекторат Англии был упразднен, и Египту предоставили «независимость». Султан Фуад стал первым египетским королем. Однако Англия осуществляла контроль над египетской полицией и армией, обеспечивая свои интересы в стране. К тому же король покорно выполнял волю англичан.

Заглюль умер в 1927 году, а в 1928 году король и англичане были вынуждены согласиться с созданием «вафдистского» правительства. Руководил «Вафдом» в то время Наххас-паша. Он и возглавил правительство. Но вскоре оно пало, потому что английский верховный комиссар был недоволен проводившимися реформами. В январе 1930 года Наххас-паша снова стал премьер-министром. Теперь он вступил в переговоры с англичанами, требуя вывода английских войск из Египта. Однако переговоры были прерваны. Король Фуад поставил у кормила власти «сильного человека» — миллионера Исмаила Сидки-пашу, который жесточайшим образом расправлялся со всяким проявлением свободомыслия.

…Люди, собравшиеся перед домом, где жил раньше Саад Заглюль, ждали выступления Наххаса-паши.

Гамаль забыл, что с самого утра ничего не ел. Все улицы вокруг были забиты народом. На площади натянули большой тент, под ним сидела вдова Заглюля, руководящие деятели партии «Вафд».

Когда Наххас-паша начал говорить, появились английские солдаты. Раздались крики и свист. Люди расхватали жерди, на которых держался тент, чтобы использовать их как оружие против англичан.

Английские солдаты отступили. Раздался залп, другой. Кто-то закричал… Кто-то упал на мостовую…

Гамаль почувствовал удар в голову. Кровь заливала глаза. Друзья схватили его под руки и укрыли в подъезде. Иногда Гамалю казалось, что он теряет сознание. Как юноша ни протестовал, но ему все же пришлось идти в госпиталь. И снова его имя попало в списки демонстрантов.

Правительство на месяц отменило занятия в школах. В конце концов королю пришлось пойти на уступки. Египтяне торжествовали победу. «Вафд» снова пришел к власти. Правительство Наххас-паши подписало в августе 1936 года англо-

египетское соглашение, которое официально означало конец английской военной оккупации Египта. Однако на основании этого же соглашения англичанам предоставлялись военные базы. Таким образом Египет обрел призрачную независимость. На деле же, и это очень скоро почувствовали египтяне, в стране почти ничего не изменилось.

По договору 1936 года египетская армия переходила под египетское командование, но инструкторами по-прежнему оставались англичане. В отчете британской военной миссии открыто признавалось, что египетская армия, которую англичане готовили пятьдесят лет, находится в плачевном состоянии. Ее одиннадцать пехотных батальонов были плохо вооружены, в артиллерии не хватало боеприпасов и запчастей, отсутствовали танки и зенитные установки. Экипажи 34 самолетов, составлявшие египетские ВВС, совершенно не имели практики бомбометания и воздушных боев. Египетские крестьяне относились к воинской повинности как к бедствию, а офицеры, набранные из знатных семей, воспринимали службу в армии как средство занять положение в обществе.

«Сегодня ситуация критическая. Египет зашел в тупик. Я чувствую, что страна находится в состоянии безнадежного разочарования, — с горечью писал Гамаль своему другу Хасану эль-Нашару. — Кто может устранить эти чувства? Египетское правительство зиждется на коррупции и семейственности. Кто может изменить это положение?.. Кто может крикнуть „стоп“ империалистам? В Египте есть люди с честью, которые не хотят, чтобы им разрешили умирать как собакам. Где возрождающийся патриотизм 1919 года? Где люди, которые готовы принести себя в жертву независимости их родины? Где человек, способный перестроить страну?

Где достоинство? Где национальное самосознание? Где то, что называется молодежным движением? Все это исчезло, и нация спит, как человек в канаве. Кто может разбудить их, эти несчастные создания, которые даже не знают, кто они такие?»

Такова была обстановка в стране в 1936 году, когда Гамаля за несколько месяцев до окончания школы арестовали. Абдель Насеру пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы его сына освободили и допустили к выпускным экзаменам.

Гамаль закончил школу. Для него не было вопросов о выборе дальнейшего пути. Он мечтал стать офицером. Вскоре Гамаль предстал перед членами приемной комиссии военного факультета.

— Как зовут?

— Гамаль Абдель Насер.

— Чем занимается ваш отец? — спросил после длительной паузы офицер, наклонившись над столом, покрытым красной скатертью.

— Почтовый служащий.

Сидящие за столом переглянулись.

— На крупной должности?

— Нет. Обычный служащий… — лицо Гамаля сделалось пунцовым.

— Место рождения?

— Провинция Асьют. Село Бани-Мур.

— Значит, вы из крестьян?

Офицер, задававший вопросы, оставался абсолютно бесстрастным, однако глаза остальных горели неподдельным любопытством.

— Да, — спокойно сказал Гамаль.

— В вашей семье были офицеры?

— Нет.

— Почему же вы решили пойти на военную службу?

— Чтобы отдать жизнь за родину.

Так говорили все. Привычный, так сказать, ответ. Но он звучал почему-то по-особенному в устах этого юноши. В комнате снова воцарилось неловкое молчание, словно экзаменаторы задумались, почему же они-то не отдали жизнь за родину, дослужившись до высоких чинов.

— У вас есть собственность?

— Нет.

Ответ снова поверг присутствующих в состояние неловкости.

— Рекомендует ли вас кто-нибудь?

— Нет.

— Вы участвовали в студенческих демонстрациях? — задал свой последний и главный вопрос председатель приемной комиссии.

— Да.

— Так… — Председатель постучал по столу пальцами. — Можете идти…

Напрасно на следующий день искал Гамаль свою фамилию в списках слушателей военного факультета. Раньше была надежда… Теперь же его постоянно мучил вопрос: что делать дальше?.. Школа закончена, двери Военной академии перед ним закрылись. Родственники оказывали на него давление, заставляя идти в полицейскую школу. Им нравилась черная форма и привилегированное положение полицейских, которыми командовал английский генерал Рассел.

Гамаль вспомнил столкновение студентов и школьников с

полицией, в которых совсем недавно он сам принимал участие. На его лице еще оставался шрам от полицейской пули. Только хадж Хуссейн поддержал в семейном споре своего внука. Но не эта помощь, а прошлое Гамаля спасло его от черного мундира, ведь из-за арестов он находился на подозрении.

Насер знал, что это же прошлое не позволило ему поступить в Военную академию.

Но Гамаль считал также, что, даже будь он абсолютно безупречен с точки зрения полицейского понимания благонадежности, все равно его крестьянское происхождение явилось бы помехой: только дети крупных помещиков могли стать членами офицерской касты. Как ни мечтал Гамаль о военном поприще, а приходилось искать другой путь.

В арабских государствах существовал закон, согласно которому лишь лица с юридическим образованием могли активно участвовать в политической жизни страны. Так, например, только юристы получали разрешение на издание газет и журналов, на формирование общественных организаций и партий.

По-видимому, Гамаль, с детских лет участвовавший в борьбе, которую вела революционная молодежь, принимал это в расчет, подавая заявление на юридический факультет Каирского университета. В отличие от привилегированной Военной академии университет был довольно демократическим учебным заведением. В тридцатые годы здесь училось много крестьянских детей. Летом они помогали отцам работать на полях. И только в конце сентября, когда хлопок был убран и продан, родители могли заплатить за учение сыновей. Поэтому и учебный год в Египте начинается обычно в первых числах октября. И Насер успел поступить в университет. Учился он с интересом, много читал, но продолжал мечтать о военной карьере. И вдруг, проучившись в университете уже полгода, он узнает, что объявлен дополнительный набор сорока четырех слушателей в Военную академию.

На этот раз Гамаль действовал по-другому. Решив заручиться поддержкой влиятельного покровителя, он с помощью своего дяди Халиля стал добиваться приема у заместителя секретаря министерства обороны генерала Ибрагима Хейри-паши. Гамаль ненавидел эту систему «патронажа», но приходилось поступать по арабской пословице: «скриви глаз свой, если вошел в деревню кривых».

Генерал принял юношу дома. Гамаль честно рассказал ему о том, как он провалился на собеседовании. Хейри-паша был известен своей заботой о воспитании национальных офицерских кадров. Внимательно выслушав молодого человека, он убедился в

его настойчивости и серьезности и обещал поддержку.

В тридцатые годы впервые в истории Египта в аудиториях и на плацах академии появились кадеты — выходцы из средних слоев общества. Не только Гамаль, но и такие офицеры, как Абдель Хаким Амер, Анвар Садат, Хуссейн аш-Шафи, Халид Мохиеддин и его двоюродный брат Закария Мохиеддин, и другие, из тех, кто впоследствии вошел в число руководителей египетской революции 1952 года, поступили в академию именно в эти годы. Насер и его друзья являлись совершенно новым элементом в египетской армии: энергичные, патриотически настроенные молодые люди готовы были посвятить себя борьбе за независимость своей родины.

17 марта 1937 года Гамаля приняли в Военную академию. Отныне перед ним была ясная цель — стать хорошим офицером. Вскоре начальство по достоинству оценило его организаторские способности. В 1938 году ему уже поручили наблюдать за набором новых слушателей. Один из них, Абдель Хаким Амер, высокий и худой парень, вскоре стал ближайшим другом Гамаля. Однокурсники прозвали Гамаля «Джимми», а Амера — «Робинзоном» за его терпение и любовь к приключениям. В результате блестящей сдачи экзаменов «Джимми» вскоре присвоили звание капрала. Программа Военной академии была рассчитана на три года, однако в 1938 году армия остро нуждалась в офицерах, поэтому ввели ускоренный курс обучения. Через шестнадцать месяцев капрал «Джимми» сдал уже выпускные экзамены с высокой отметкой: 71 балл из 100. Самая высокая оценка в его табеле была «по организации и управлению» — 95, а также «по науке и математике» — 81. Хуже дела обстояли с военной историей — 68. (Это выглядит несколько странным, потому что история еще в школе была его любимым предметом.)

Занимаясь в академии, Гамаль большую часть своего времени проводил в библиотеке: в его формуляре перечислены книги на английском языке, которому он уделял много внимания, труды по военной истории и политике, биографии Наполеона, Бисмарка, Кемаля Ататюрка. Особый интерес «Джимми» проявлял к экономическим проблемам Ближнего Востока.

Летом 1938 года в Бани-Мур пришло письмо, в котором Гамаль извещал деда и остальных родственников о том, что после окончания Военной академии он будет жить и работать совсем рядом, на станции Мункабад…

И вот лейтенант Гамаль Абдель Насер едет к месту службы, в края, которые можно назвать сладким, щемящим душу словом «ватан», что значит — «родина». Стоя у окна вагона, он вспоминал свое детство, Бани-Мур, дом деда. Положив, бывало,

за пазуху теплые домашние лепешки и попрощавшись со своими друзьями — деревенскими мальчишками, Гамаль спешил верхом на осле в Асьют, к отцу. В те годы он видел то же самое, что и сейчас: поля и феллахов в голубых галябиях…

Через некоторое время Гамаль писал Хасану эль-Нашару: «Вчера я приступил к служебным делам в Мункабаде. Это прекраснейший поэтический уголок земли, возбуждающий воображение. Кругом горы, пустыня, угодья, лужайки и каналы. На севере — поля, на юге — цепь гор простирается с востока на запад, охватывая, словно руками, пустыню. Счастлив сообщить тебе, что мой характер неизменен. Гамаль в Мункабаде — тот же самый Гамаль, которого ты знал прежде, — человек, который ищет повод для надежд, но они исчезают, как облака».

Многие сослуживцы Гамаля по Мункабаду стали его друзьями и впоследствии вошли в организацию «Свободные офицеры».

Гамаль верил, что египетская армия в конце концов поднимется на борьбу за свободу и поруганную честь родины. Его вера зиждилась на знании истории Египта. Взять, к примеру, замечательного полководца Мухаммеда Али, который одержал в первой половине прошлого века ряд крупных побед над турецкой армией: лишь объединенные усилия европейских держав спасли Турцию от окончательного поражения. А изгнание Наполеона?.. В семидесятые годы прошлого века в армии создалась революционная группировка, члены которой называли себя «Свободными офицерами». «Какое хорошее название — „Свободные офицеры“, — думал Гамаль. — Уже тогда они выступали против английского засилья в стране, требуя проведения реформ, и, в частности, боролись за установление республиканского строя».

Не раз встречался Гамаль с участниками восстания Ораби-паши, который первым сказал, что армия должна служить народу. Они рассказывали, как 9 сентября 1881 года Ораби-паша вывел свои войска на площадь перед королевским дворцом Абидин. Трусливый хедив[9] Тауфик, подталкиваемый английским генеральным консулом, выходит на балкон:

— Зачем вы пришли сюда?

Ораби-паша стоит, опираясь на эфес шпаги.

— Мы хотим изложить справедливые требования армии и народа, — говорит он, поглаживая усы.

— Какие требования? — изображает на лице удивление хедив.

— Мы требуем смены правительства, ненавистного народу, и создания парламента…

Английский консул пытается подбодрить хедива.

— Вы рабы… Какое вы имеете право требовать!.. — кричит он в истерике.

— С сегодняшнего дня мы перестали уже быть рабами! — воскликнул Ораби-паша.

Гамаль мечтал о том времени, когда он с товарищами вот так же смело сможет выступить против тиранов, продолжив борьбу, начатую Ораби-пашой.

В Мункабаде разместился трехтысячный гарнизон. Молодых, жаждущих дела офицеров тяготила скучная и унылая жизнь, все свободное время они проводили в яростных спорах, обсуждая будущее родины.

Иногда Гамаль с друзьями ездил в Бани-Мур. Старый хадж Хуссейн гордился своим внуком-офицером и старался не ударить лицом в грязь перед гостями. Их всегда ждал в его доме обильный деревенский обед, о котором они потом вспоминали в казарме.

— Его друзья из богатых семей. Офицеры! — говорил хадж Хуссейн, урезая из скудного семейного бюджета деньги для того, чтобы купить индейку…

Однажды январским вечером 1938 года Гамаль отправился с приятелями побродить по пустыне. У подножия горы аль-Шариф они присели, чтобы пожарить на костре каштаны. Все шутили и смеялись. Вдруг Гамаль встал и сказал своим обычным спокойным голосом:

— Давайте, друзья, сделаем что-нибудь особенное… Пусть в этот день между нами возникнет чувство настоящего братства…

Гамаль был уверен, что его занесли в «черные списки» за свободолюбивые мысли, которые он открыто высказывал офицерам гарнизона. Это грозило по меньшей мере задержкой в присвоении очередного звания. Чтобы усыпить бдительность начальства, он попросил отправить его в Судан, который находился формально под управлением англо-египетской администрации. К нему присоединился и Амер.

И вскоре друзья прибыли в Хартум. В помещении военной комендатуры, куда они явились, их встретила группа полупьяных офицеров.

Оказалось, что комендант не любил пить в одиночестве, и офицеры в приказном порядке вынуждены были составлять ему компанию.

Молодых лейтенантов тотчас пригласили принять участие в очередном «дне рождения» коменданта, который тот отмечал еженедельно.

Неприглядный вид офицеров, их блуждающие глаза вызвали в Гамале отвращение. Едва сдерживаясь, он ответил вежливо, но

достаточно твердо, что не может заставить себя пить. Дверь помещения тотчас захлопнулась на замок. Комендант измерил новичка взглядом с ног до головы и, подавая ему бокал, приказал выпить.

Гамаль стоял бледный, с бокалом в руке, наблюдая, как комендант тут же опорожнил одну за другой несколько рюмок. Оглядевшись вокруг, Насер потрогал за локоть Амера и показал ему на окно. Одним махом друзья перепрыгнули через подоконник и оказались на улице. Через несколько минут они весело смеялись, направляясь в кино.

Но комендант воспринял эту шутку как личное оскорбление. Однажды, когда Амер уехал в командировку, комендант вызвал к себе Гамаля и объявил, что направляет его в отдаленный гарнизон Авлия.

Конечно, жизнь в Хартуме имела ряд преимуществ. Отсюда Насер, хотя и нерегулярно, мог следить за тем, что творилось в Каире. Жизнь же вдали от Хартума была совершенно невыносимой. Единственным развлечением Гамаля в этот период была обезьяна, которую он купил у бродячего комедианта и всюду водил за собой на ошейнике.

Вернувшись из командировки, Амер, к своему удивлению, не застал Насера в Хартуме. Его тоже ожидало новое назначение — в Каслу. Амер тотчас понял, что это козни коменданта. И он решил во что бы то ни стало добиться перевода в Авлию к Гамалю. Выйдя от коменданта, он отправился к его собутыльнику — начальнику штаба и радостно сообщил ему о своем отъезде в Каслу. На следующий же день ему было приказано ехать в Авлию…

Но недолго друзьям пришлось жить вместе. В Европе вспыхнула вторая мировая война. В своих стратегических расчетах как Англия, так и Германия отводили Египту важное место. Пожар мировой войны, бушевавший в Европе, перекинулся вскоре на Египет. Промышленность, коммуникации, людские резервы страны — все было поставлено под контроль английского военного командования. Египетское правительство разорвало отношения с Германией, а затем и с Италией. Но, несмотря на все это, король Фарук, сменивший на престоле умершего Фуада, его ближайшие сановники втайне сочувствовали гитлеровцам.

Общественное мнение в стране раскололось. Большинство антифашистски настроенных египтян сплотилось вокруг партии «Вафд». Многие мечтали о нейтралитете, что было весьма наивно, поскольку английская армия оккупировала Египет. Среди египтян было немало и таких, которые рассчитывали, что с помощью фашистской Германии или Италии Египту удастся освободиться

от английских колонизаторов. (Эти люди еще недостаточно хорошо понимали в то время сущность звериной идеологии фашистов.) Германские агенты, активно действовавшие в Египте, поддерживали такие настроения. Они установили связь с «Миср аль-Фатат», которая начала совершать диверсионные акты против англичан.

В 1940 году итальянские войска вторглись в Египет из Ливии. Мотомеханизированные части — впереди мотоциклисты, затем танки, грузовики с пехотой и артиллерией — заняли маленькую деревушку Сиди-Баррани и вышли на асфальтированную автостраду Мерса-Матрух — Александрия. По этой дороге можно было наступать вплоть до самого Суэцкого канала. Сил для сопротивления у англичан явно не хватало, приходилось отступать. Генерал Уэйвелл приказал заминировать дороги, взорвать шоссе и засыпать солью колодцы.

Спасла англичан нерешительность итальянского генерала Грациани, который не рискнул продолжать наступление. Воспользовавшись этим, английский флот обстрелял противника в Сиди-Баррани, а затем сухопутные войска оттеснили итальянцев в Ливию.

На помощь им были брошены немецкие войска генерала Роммеля. Воспользовавшись крупным преимуществом в танках, фашисты развили стремительное наступление.

В это время дворцовые круги организовали в Каире демонстрацию под лозунгом «Вперед, Роммель!». Англичане стянули танки к королевскому дворцу и потребовали, чтобы король либо назначил новое правительство, либо отрекся от престола. Король, конечно, предпочел первое.

К власти опять пришел Наххас-паша. На этот раз его назначения требовали англичане. Они поняли, что только правительство, поддерживаемое народом, может обеспечить порядок в столь критическое время. Наххас сразу же провел ряд реформ, снизил налоги, взимаемые с крестьян, легализовал профсоюзы и отменил плату за обучение в начальной школе.

Когда начались эти события, Насер по-прежнему был в Авлии. Отдаленность от родины не позволяла ему правильно оценить обстановку. Он поддерживал тех, кто хотел бы, чтобы Египет сохранял нейтралитет. Но его, как страстного патриота, возмутил произвол англичан, которые, исходя из своих интересов, свергали и назначали правительства. В тот день, когда англичане предъявили ультиматум королю Фаруку, Насера перевели в Египет…

Между тем положение на фронте осложнилось. В мае 1942 года Роммель вновь предпринял наступление и вынудил англичан

отступить к аль-Аламейну. Здесь произошло решающее сражение, во время которого армия Роммеля была разбита.

Глава 2

Вернувшись в Египет, Насер сразу принялся создавать группу армейских офицеров, недовольных английскими колонизаторами. Однажды два незнакомых офицера пригласили его на встречу. Полиция могла подослать провокаторов. В то же время он бы не простил себе, если бы оттолкнул патриотически настроенных офицеров.

На следующий день утром Насер отправился по указанному адресу. Прежде чем войти в дом, он внимательно осмотрелся: место показалось ему удобным. Рядом с домом стояла мечеть, а в народные кварталы, примыкавшие к аль-Азхару, англичане редко заглядывали. К тому же владелец дома считался вполне лояльным по отношению к властям человеком.

Насера уже ждали. Его провели по полутемному коридору, затем по лестнице на второй этаж, где в маленькой душной комнате собралось пять человек.

Насер, поздоровавшись с двумя вчерашними своими посетителями, попросил закрыть дверь и представился трем незнакомым офицерам…

— Мне сказали, что вы хотите принять участие в борьбе за свободу своей родины, — сказал он.

Офицеры согласно кивнули.

— Вы понимаете, чем это грозит?

Да, они знали, так как некоторые их товарищи были уже арестованы.

— Хорошо, тогда давайте действовать вместе, — сказал Насер.

Гамаль считал, что название «Свободные офицеры» вполне подходит для организации, которую он создавал в армии. Оно достаточно емкое для того, чтобы привлечь в организацию патриотически мыслящих людей, придерживающихся разных политических направлений. Идеология не особенно интересовала Насера в тот период.

— Наша организация базируется на трех принципах, — сказал в то утро Насер офицерам, — первый из них — дружба, которая должна быть среди «свободных офицеров» более тесной, чем кровные узы. Второе — строжайшая конспирация. И третье — беспредельная любовь к нашей родине и народу…

В Каире Насер разыскивал среди офицеров старых знакомых. Тем из них, кто был недоволен произволом, царящим в стране, Насер объявил, что он представитель организации «Свободные офицеры», борющейся за независимость Египта.

Так постепенно шаг за шагом он вовлекал в нее новых членов.

Насер понимал, что «Свободные офицеры» должны сразу же проявить себя в действии. И он объявил сбор пожертвований в пользу семей арестованных товарищей.

Насер боялся, что его могут перебросить в другое место. Это затруднило бы работу организации. Но ему повезло — неожиданно он был назначен инструктором Военной академии.

Получив новое назначение, Насер тотчас стал готовиться к экзаменам на звание офицера Генерального штаба. Снова пришлось просиживать целыми вечерами в библиотеке. К концу войны он стал капитаном.

У Насера, занятого службой, подготовкой к экзаменам, делами организации «Свободные офицеры», не оставалось свободного времени. А многие его коллеги по академии беззаботно прожигали жизнь: являясь завсегдатаями офицерского клуба, заядлыми игроками в бридж, они заводили сомнительные интрижки с женщинами полусвета — белокурыми иностранками или томными арабскими танцовщицами.

Насер же постоянно думал только об одном — о независимости своей родины. И только раз в неделю позволял он себе расслабиться — забегал к старому другу Абдель Хамиду Хазиму, пламенному патриоту, с которым он сблизился, когда жил в Каире у своего дяди, и встретился теперь снова, после того как стал работать в академии. Хазим, поселившийся в Маншият-аль-Бакри, был владельцем скромной ковровой мастерской, которую посещали ценители старинного коврового искусства. Здесь реставрировали и знаменитые персидские ковры, и египетские други с фатимидским орнаментом, и каким-то чудом попавшие в Каир гобелены из Испании.

Много лет прошло с тех пор, как Насер познакомился с Хазимом. Теперь тот уже был вдовцом. Одна из его дочерей вышла замуж, другая, Тахия, которую Гамаль помнил еще совсем маленькой, подросла и превратилась в черноокую красавицу. Она была достаточно образованной для египетской девушки того времени. Впрочем, среда, в которой воспитывалась Тахия, была несколько старомодной. Тахия, как и другие женщины ее круга, не смела даже присутствовать при разговоре мужчин. Она могла лишь появиться на минуту перед гостем. Поэтому и Хазим, несмотря на то, что они были друзьями с Гамалем, представил ему Тахию и тут же приказал ей выйти из комнаты.

И снова Гамаль стал бывать у Хазима. Иногда он приводил с собой Абдель Хакима Амера, и они втроем вели нескончаемые споры о прошлом, настоящем и будущем Египта.

Разгорячившийся Хазим звал свою дочь и просил ее принести чай. Опустив глаза, та подавала гостям чашки. Однажды, принимая чай, Гамаль коснулся руки Тахии и, подняв голову, увидел ее полные смущения и трепета глаза. В этот момент Гамаль почему-то вспомнил свою мать.

Несколько недель Гамаль не заходил к Хазиму. И вдруг, придя в столь полюбившийся ему дом, он увидел за столом какого-то незнакомого офицера, который сидел без кителя, развалившись в кресле, и пил чай.

— Присаживайся, — пригласил Гамаля Хазим.

Расстроившийся Гамаль присел. Но Хазим, словно ничего не замечая, пошел на кухню и принес Гамалю чай.

— Почему сегодня нет Тахии? — спросил Гамаль.

— Уехала к сестре, — ответил Хазим, продолжая разговор с офицером, прерванный приходом Гамаля.

Через неделю Гамаль пришел к Хазиму. Тахия, как обычно, принесла чай. Глаза ее были грустными…

Насер решил не появляться больше в доме Хазима. Но печальные глаза Тахии, преследовавшие его все время, когда он оставался один, так напоминали ему глаза матери…

Через три недели он снова навестил друга. Они выпили не одну чашку, прежде чем Насер решился начать разговор, ради которого он пришел.

— Прости, — ответил ему сразу же Хазим. — Но Тахия не будет счастлива с офицером. Она и сама не захочет…

В те годы в Египте молодым людям редко удавалось даже поговорить наедине до помолвки. Браки по любви были редкостью. Как правило, невесту сыну выбирали родители.

Только для того, чтобы не обидеть прямым отказом старого друга, Хазим и сказал: «Она и сама не захочет». Но Гамаль ухватился за эту фразу:

— Спроси ее. Пусть будет, как она хочет…

На вопрос отца Тахия, не глядя на мужчин, ответила: «Да».

После того как состоялась помолвка, они могли бывать вместе. Через два месяца сыграли свадьбу. Гамаль сделал Тахии, которая очень любила музыку, первый подарок — патефон. Они вместе ходили покупать пластинки и потом слушали их по вечерам.

— Ничего, — говорил Гамаль, — будут деньги, купим тебе и пианино.

Впервые после смерти матери он ощутил, что у него есть дом. Окончив работу, он спешил к жене. Они сняли четырехкомнатный особнячок там же, в Маншият-аль-Бакри. Тахии доставляло радость самой ходить в магазин за покупками, готовить любимые

блюда Гамаля.

Иногда к нему приезжали родственники. Доброта и заботливость Тахии нравились всем, поэтому гости стремились задержаться подольше в ее гостеприимном доме. Абдель Хаким Амер тоже женился. Гамаль купил небольшой автомобиль — черный «остин». Теперь они вчетвером выезжали за город.

Хазим вскоре умер. Но перед смертью он убедился, что его дочь счастлива с офицером.

Месяца через три после свадьбы Тахия обнаружила, что «в доме происходит что-то подозрительное». Но она не задавала вопросов, так как целиком была занята хозяйством, Гамалем, потом, когда появились дети, их воспитанием. В 1945 году у них родилась дочь Гуда, затем на свет появилась вторая — Мупа. Потом Гамаля поздравили с рождением сына Халида, затем — Абдель Хамида. Самый младший — Абдель Хаким — родился уже после революции, в 1955 году.

С увеличением семьи забот становилось больше. Но Тахия никогда не роптала. Она любила хлопоты по дому и старалась создать для мужа спокойную обстановку.

Именно это и нужно было Гамалю. Ведь он так уставал. Сидя за рулем своего «остина», Гамаль по ночам, иногда до самого рассвета, объезжал членов организации «Свободные офицеры». В армии ширилось недовольство англичанами, которые не собирались уходить из Египта, несмотря на то, что война закончилась. Пьяными компаниями бродили «томми» по ночным улицам от одного бара к другому, задирая и оскорбляя египтян.

В целях более динамичного управления деятельностью всей организации Насер разделил ее на пять отделов: экономики, безопасности, пропаганды, «личной борьбы» и террора. Экономический отдел занимался финансовыми вопросами организации. Отдел «личной борьбы» — сбором информации, разведкой. Отдел безопасности ведал приемом новых офицеров. Пропагандисты выпускали листовки. Отдел террора практически бездействовал, ибо Насер считал, что благодаря террору не достигнешь той цели, ради которой была создана организация.

Каждая ячейка «Свободных офицеров» состояла из трех-пяти человек. Они знали только друг друга и того, кто им поручил организовать ячейку. Лишь Насер и Абдель Хаким Амер располагали сведениями о количестве ячеек и их составе. Перед революцией, в 1952 году, к организации, по-видимому, примыкало около тысячи человек, хотя по-настоящему активных членов было не более трехсот. Каждый «свободный офицер» платил ежемесячные членские взносы. На эти деньги Насер создал тайную мастерскую по изготовлению бомб.

Обстановка в стране с каждым годом обострялась. В Каире не проходило дня без покушений на английских солдат и офицеров. Правительственные чиновники боялись ходить по улицам. Сам начальник каирской полиции Рассел-паша признавался, что испытывал страх, когда ездил по городу. Особая роль в организации этих террористических актов принадлежала фанатической организации «Братьев-мусульман», с которыми были связаны некоторые из «свободных офицеров». Уже в конце войны «Братья-мусульмане» стали выпускать свою газету с самым большим тиражом в стране. Она обвиняла короля в нарушении предписаний ислама, режим — в коррупции и забвении народных интересов. В книге «Революция на Ниле» Садат вспоминает, что однажды он предложил Насеру взять на вооружение террористические методы, характерные для «Братьев-мусульман», и взорвать английское посольство. Насер не согласился с этим, хотя и не возражал против сотрудничества с «Братьями-мусульманами».

Однажды Насера познакомили со студентом Каирского университета Халидом Мохиеддином. Он сразу же заинтересовал руководителя «Свободных офицеров». Халид был горячим патриотом и, видимо, революционером по своим взглядам на жизнь. Еще больше удивился Насер, когда узнал, что студент — офицер-танкист, получивший отпуск для сдачи экзаменов в университете.

— Новое поколение офицеров грамотнее нас, — заметил Насер. — Когда вы опять наденете погоны?

Оказалось, что Халиду этого совсем не хотелось.

— Я не люблю войну, — сказал он, — я против армии.

— Даже против армии, которая борется за освобождение своего народа?

— Военная диктатура столь же неприемлема, как и власть тиранов, — ответил Халид.

— Но мы не собираемся оставаться у власти, — задумчиво заметил Насер. — Пусть политикой занимаются политики. Расчистив им путь, армия уйдет в казармы… Единственное, чего мы хотим, — это чтобы у власти оказались патриотически настроенные египтяне.

Насеру хотелось побольше поговорить с этим странным офицером в гражданском костюме со студенческим билетом в кармане.

— Приходите ко мне еще раз, — сказал Насер. — Обязательно приходите. Ну, обещайте же…

Так Халид, чьим именем Насер назвал потом своего сына, стал частым гостем в Маншият-аль-Бакри. Он приносил Насеру

книги по идеологическим и экономическим проблемам, беседовал с ним, рассказывал о Советском Союзе и дал кое-что почитать об Октябрьской революции. В книгах Гамаль находил ответы на многие мучившие его вопросы.

Халид познакомил Насера с Рашидом аль-Баррави, египетским марксистом, автором первого перевода «Капитала» на арабский язык. Потом привел к Гамалю экономиста Ахмеда Фуада. Друзей у Халида было очень много. Насер слушал, спорил. Однако Гамаль, родившийся в семье, связанной прочными узами с египетским крестьянством, никак не мог понять исторической роли рабочего класса. Кроме того, он говорил, что верит в бога.

Часто друзья собирались на квартире у Насера. Тахия привыкла к посещениям Халида. Впрочем, она привыкла ко всему: к ночным исчезновениям Гамаля, к запискам, с которыми он иногда посылал ее к своим знакомым. Тахия по-прежнему во всем доверяла мужу.

Каждый раз, открывая газету, где сообщалось о забастовках и актах насилия оккупантов, Насер сожалел о том, что «Свободные офицеры» действуют не так быстро и решительно, как ему бы хотелось.

Он считал — у организации везде должны быть свои люди, располагающие информацией обо всем, что делается в стране. Однажды военный министр генерал Хейдар пожаловался своему родственнику Абдель Хакиму Амеру на плохую дисциплину в армии.

— Солдаты и даже офицеры служат так, словно отбывают наказание, — сказал министр. — Не на кого положиться, даже когда отдаешь важное распоряжение.

Абдель Хаким Амер решил немедленно воспользоваться подходящим моментом.

— Могу вам порекомендовать отличного, исполнительного молодого офицера, — сказал он.

Так на ответственной должности в Генеральном штабе оказался «свободный офицер» Салах Салим.

Насер знал о симпатиях Салаха Салима к левым. Но для руководителя организации главным было то, чтобы человек, которому поручена столь важная работа, являлся честным и искренним патриотом. В этом отношении Гамаль мог за Салима поручиться. Так же Насер относился и к другим «свободным офицером», среди которых имелось немало марксистов. В конце концов через них «Свободные офицеры» наладили связи с другими политическими организациями, боровшимися против англичан.

Помимо «Братьев-мусульман» и марксистских группировок, «Свободные офицеры» попытались также вступить в контакт с «Вафдом».

Из вафдистской программы, например, Насер позаимствовал требование нейтралитета для Египта, умело использованное им в борьбе против империалистов. Но позже, на Бандунгской конференции, Насер дал политике нейтралитета иное, не буржуазно-пассивное, а революционно-действенное толкование: воздерживаясь от участия в военных блоках империалистических держав, Египет активно поддерживал борьбу других стран за национальную независимость.

С начала 1946 года в Египте не прекращались забастовки. Бастовали рабочие, служащие, студенты. Они требовали вывода английских войск.

Однажды толпа студентов двинулась из Каирского университета, чтобы вручить петицию правительству. Полицейские перекрыли подступы к Нилу. Демонстранты повернули к мосту Хуссейна. Видимо, блюстители порядка специально не оцепили эту дорогу, так как на другой стороне моста уже выстроились отряды сил безопасности.

Небо в этот день был желтым от туч песка, поднятого ветром — предвестником весеннего хамсина, воздух — густым и душным. Когда демонстранты добрались до середины моста, последовала резкая команда «стой!». Шедшие впереди приостановились, но задние все напирали и напирали. Грохнули выстрелы. Несколько человек упало. «Стреляют!» — пронеслось над толпой. Возникла паника. Кто-то, вскочив на перила моста, бросился в Нил. Снова щелкнули выстрелы.

В этот момент раздался металлический скрежет, и центральная часть моста начала медленно опускаться в Нил. Сотни участников демонстрации стали жертвами катастрофы…

Злодейский расстрел мирной демонстрации вызвал в Египте волну возмущения. Вафдистское правительство тотчас ушло в отставку. Последующие забастовки привели к новым расправам. Вынуждены были вмешаться английские войска. В Каире появились листовки, в которых рассказывалось о том, что расстрелами студентов руководил офицер Салим Заки, достойный выученик Рассела. Вскоре же после этого было совершено, правда неудавшееся, покушение на Рассела-пашу, которое напугало англичан. Страна жила в атмосфере чрезвычайного напряжения.

Некоторые друзья снова попытались уговорить Насера начать террористические действия, но переубедить его было невозможно.

В такой обстановке правительство начало подготовку к празднованию дня рождения короля Фарука в 1946 году. По плану, предложенному королевскими церемониймейстерами, король Фарук должен был зажечь в университете факел, который предполагалось пронести эстафетой в центр Каира. По этому случаю территорию Каирского университета, построенного на народные деньги, но носившего имя Фуада, отца Фарука, тщательно убрали. Всюду были вывешены национальные флаги и портреты короля при всех регалиях. На открытие торжеств пригласили именитых гостей, членов дипломатического корпуса. В параде должна была принимать участие и Военная академия, в том числе молодой преподаватель, капитан Гамаль Абдель Насер.

Но студенты, пробравшись ночью в университет, испортили иллюминацию, сожгли огромный портрет Фарука, красовавшийся у парадного входа.

На следующий день толпы демонстрантов захлестнули Александрию.

Полиция сделала все, чтобы не дать соединиться рабочим и студентам. Но ни дубинки, ни пули не помогли. Тело убитого студента демонстранты пронесли на руках по улицам. Правительство снова подало в отставку.

Англичане и Фарук видели, что события в стране приобретают все более опасный характер. Они пришли к выводу, что настало время передать опять власть «сильному человеку» — Сидки-паше.

Тем временем начал работать общеегипетский студенческий комитет. Не затихали волнения и среди рабочих. На предприятиях возникали стачечные комитеты. В конце концов был создан национальный комитет рабочих и студентов, который объявил о созыве Всеобщей национальной конференции и проведении демонстрации, а также принял решение начать всеобщую забастовку.

В тот день утром каирские рабочие и студенты вышли на демонстрацию. Одновременно начались забастовки. Остановился транспорт, прекратили работу предприятия Гизы, Шубры-аль-Хеймы и Аббасии. Вскоре центр Каира заполнили демонстранты, которые направлялись со всех концов к площади Оперы, где должна была открыться Всеобщая национальная конференция. Шествие отличалось образцовым порядком. Участники конференции потребовали вывода английских войск из всей долины Нила, ликвидации англо-египетского договора 1936 года и обсуждения египетской проблемы в Совете Безопасности ООН.

От площади Оперы рабочие и студенты повернули к площади Каср-эль-Нил, к английским казармам. Но неожиданно из ворот

казармы выехали машины с солдатами, которые начали разгонять колонны. Десятки раненых и убитых остались лежать на площади.

Эта расправа потрясла всю страну. И хотя вечером того же дня Сидки-паша объявил о запрещении демонстраций, волна новых выступлений прокатилась по Египту. 4 марта 1946 года была проведена всеобщая забастовка протеста. Многолюдная египетская столица буквально вымерла в тот день. Заводы и фабрики, школы и магазины, кафе и рестораны были закрыты. Но если каирцы переживали трагедию молча, то жители Александрии вышли на демонстрацию. И опять полиция пустила в ход оружие. Но демонстранты смяли полицейский кордон. Проходя мимо одной из гостиниц, где проживали английские моряки, демонстранты увидели на флагштоке английский флаг. Один из рабочих поднялся на крышу и сбросил его вниз. Демонстранты разорвали флаг в клочья и растоптали его ногами.

Снова засвистели пули. Стреляли из отеля, где проживали английские военнослужащие. Демонстранты попытались взять здание отеля штурмом. Но крупные силы полиции оттеснили их. Тогда они направились на площадь Заглюля. Там находилась небольшая английская застава. Увидев наступавшую толпу людей, солдаты открыли огонь. В один миг солдаты были перебиты. Александрия превратилась в поле боя между народом и английскими солдатами.

Насер побывал в эти дни во многих районах Каира. Он хотел видеть и знать, как реагируют жители столицы на это событие.

В послевоенный период обострилась борьба между Англией и США за влияние на Ближнем Востоке. США, куда переместился центр международного сионистского движения, рассчитывали на его помощь в укреплении своих позиций в районах, богатых нефтью. Сионисты, помогавшие империалистическим державам проводить хищническую политику на Ближнем Востоке, организовали вооруженные банды, которые терроризировали арабское население Палестины. Сионисты демагогически заявляли о «своей вековой мечте» — о «возвращении» в Палестину к горе Сион, в Иерусалим.

Еврейская община в Палестине целенаправленно готовилась к захвату территории, которая рассматривалась сионистами как исторически принадлежавшая евреям. Как свидетельствует английский журналист Джон Григг, «в Палестину тайно, почему-то особенно часто в роялях, поставляемых из США, ввозилось оружие и оборудование для его производства». Вопрос о положении в Палестине был поставлен на обсуждение в ООН. Советский Союз требовал отмены английского мандата над

Палестиной и создания единого федеративного государства с предоставлением равных прав как арабам, так и евреям. Тем самым уже тогда Советский Союз выступал за создание демократического государства. Однако Англия и США продолжали свои интриги. Арабские государства, во главе которых стояли в те годы реакционные режимы, не одобрили вовремя советского предложения, а сионистские банды по-прежнему совершали террористические акты. В этих условиях СССР проголосовал за резолюцию об отмене английского мандата и разделе Палестины на два независимых государства — арабское и еврейское.

Сионисты остались недовольны решением ООН, ибо надеялись получить гораздо большую территорию, чем та, которая отводилась евреям для создания их государства. Поэтому еще прежде, чем ООН произвела раздел Палестины, они инспирировали новые столкновения с арабами. На командных постах в арабских армиях служили колонизаторы вроде агента английской разведки генерала Глабба, руководившего арабским легионом в Трансиордании. Им были чужды интересы арабов. Сионисты знали, как заставить этих людей служить своим интересам. В мае 1948 года было провозглашено образование Израиля, в котором к власти пришли сионисты. Английские и американские империалистические круги в сговоре с израильской правящей верхушкой спровоцировали войну между Израилем и арабскими странами.

В египетской столице проживало тогда около пятнадцати тысяч евреев, в Александрии — около четырнадцати. Это были выходцы из разных стран, занимавшие видное место в административном аппарате и хозяйственной жизни Египта. Многие из них обосновались здесь с незапамятных времен. Другие приехали сюда в начале XX века из России, Румынии, Франции, Германии, Австрии и Турции. Все они считали Египет безопасной и перспективной для своей деятельности страной. Англичане охотно принимали евреев на службу в свои колониальные учреждения. Этому способствовали тесные отношения, сложившиеся у сионистского руководства с английским правительством еще во время первой мировой войны. Несмотря на то, что евреям неплохо жилось в Египте, сионисты давно уже зарились на часть египетской территории.

Теодор Герцль, которого именуют «духовным отцом сионизма», предложил еще накануне первой мировой войны английскому министру по делам колоний Чемберлену так называемый «план аль-Ариш», в котором он просил Англию предоставить 630 квадратных миль на Синайском полуострове

сионистам для организации там еврейских поселений. Этот план был одобрен английским наместником в Египте лордом Кромером. Затем сионистская делегация, в составе которой был сам Герцль, появилась на берегах Нила. Ей предстояло заручиться согласием хедива. Специальная группа срочно выехала в аль-Ариш для изучения местности и конкретизации плана. Делегатов-сионистов сопровождал личный представитель Кромера.

Однако египетский хедив отклонил предложенный ему проект. Тогда сионисты воспользовались услугами еврейской общины в Египте и ее связями. Хедив заявил о своей готовности пересмотреть прежнее решение. Сионисты торжествовали победу, но вскоре хедив отказался от своего обещания.

Поездка Герцля на Ближний Восток не прошла, однако, бесследно. После его посещения в Александрии была образована первая сионистская организация «Бани Сихъюн», которая потребовала создания «еврейского национального дома» в Палестине. Через год в Египте сформировалась другая группа — «Заир Заюн», членами которой стали в основном выходцы из России. Никто не препятствовал деятельности этих организаций в Египте. Лишь после того, как разразилась первая мировая война и сионисты выступили на стороне Англии, турецкий султан запретил во всей Оттоманской империи сионистские организации и приказал закрыть «Англо-сионистские банки». Толпы евреев, недавно поселившихся в Палестине и создававших свои военизированные отряды, искали теперь убежища в Египте. Богачи сионисты, жившие в Египте, приняли деятельное участие в устройстве этих беженцев. Впоследствии из них был сформирован корпус Патерсона, который под командованием сионистов защищал английские интересы на Ближнем Востоке в годы первой мировой войны.

Обо всем этом Гамаль, конечно, не мог узнать в конце 40-х годов. Сионистские организации не афишировали своей деятельности.

Но Гамаль не мог не заметить, что, превратившись в исполнителей воли английских колонизаторов, сионисты получали все новые и новые привилегии в Египте, не обратить внимания на то, что вывески торговых и промышленных компаний пестрят еврейскими фамилиями: Руло, Мосейри, Адах, Адас, Катави, Сикурель, Гатинью, Грин, Мизрахи… Из разговоров старших он знал, что семья Катави, например, контролировала многие частные фирмы и банки, имела своих представителей в компании Суэцкого канала и фактически прибрала к своим рукам министерство финансов, а семья Сикурель монополизировала экспорт и продажу на внутреннем рынке всего египетского

хлопка. Даже придя в кинотеатр, он видел рекламу египетских фильмов, выпущенных кинокомпанией, которая принадлежала еврейскому семейству.

Крупными промышленными компаниями в Египте управлял сионист Роберт Симон Руло, каким-то образом раздобывший себе титул сэра. Другой делец из этой же семьи и тоже «сэр», некто Робер Жак Руло, захватил благодаря своим сионистским связям ключевые позиции в промышленности.

Сионисты издавали в Каире «Сионистский журнал», а позднее «Журнал Израиля», выходивший на трех языках. На страницах своих журналов они выдвигали претензии на арабские земли, спекулируя на «страданиях» евреев в годы второй мировой войны. Сионистам, например, хотелось заполучить Синайский полуостров, принадлежавший Египту. Уже тогда они заявили о намерении создать «Великий Израиль от Нила до Евфрата».

Когда председатель Арабского союза в Каире Фуад Абаза направил английскому посольству письмо с протестом против сионистских планов в отношении Палестины, печать начала против него кампанию травли, так как многие газеты материально зависели от сионистов.

Леон Кастро, ответственный за Египет деятель Всемирной сионистской организации, заявил, что вся Палестина должна принадлежать евреям. Сионистская организация «Керн Каймит», так называемый «национальный еврейский фонд», стала заниматься сбором пожертвований для покупки земель в Палестине и расселения там евреев. Еврейские синагоги Египта быстро попали под влияние Леона Кастро. С их кафедр открыто звучали, сионистские призывы. На деньги, награбленные у египетских феллахов, сионисты скупали земли в Палестине.

Египтяне начинали понимать, что сионистские толстосумы вместе с английскими колонизаторами грабят страну и торгуют ее интересами.

В мае 1948 года Насер получил чин майора и удостоверение о сдаче экзаменов на звание офицера Генерального штаба. Именно тогда Израиль организовал ряд провокаций против арабских стран. Сирия, Ливан, Трансиордания, Ирак и Египет вынуждены были объявить мобилизацию. Первые бои были успешными для арабов, но уже вскоре они начали терпеть поражения. Египет вступил в войну неподготовленным. Он располагал всего десятью тысячами военнослужащих. Снабжение армии боеприпасами и продовольствием не было налажено. Связь бездействовала. Командование посылало противоречивые приказы. Несмотря на все это, египетская армия заняла сначала Газу, а затем Биршебу и соединилась с арабским легионом в

Трансиордании, который, в свою очередь, вступил в контакты с иракской и сирийской армиями. Но так было лишь на первых порах. Израильское командование не без помощи генерала Глабба узнало о военных планах арабов. Вскоре израильская армия перешла в контрнаступление, захватив большую часть территории Палестины.

В это время Насер получил направление на фронт. Однажды вечером он явился на вокзал, чтобы сесть в поезд, отправлявшийся в аль-Ариш. В руке у него был маленький чемоданчик с вещами, уложенными Тахией, которая, как и все женщины, горько плакала, провожая мужа на войну.

У вагона Насер встретился с Амером и Закарией Мохиеддином. Они тоже ехали в армию, только на другие участки фронта. Заняв купе, офицеры разложили карты. Но тех данных, которыми они располагали, было недостаточно, чтобы даже понять, где находятся их батальоны.

На рассвете поезд прибыл в аль-Ариш. Заспанные пассажиры, среди которых было много офицеров, выходили из вагонов на пустынный перрон. Ни Гамаля, ни Амера, ни Закарию никто не встретил. Они кинулись выяснять, куда им ехать дальше. Наконец-то показался запыленный старенький «джип».

— Так это вас мне было приказано встретить!.. — обрадовался лейтенант, пожимая руку Гамалю. — Наш батальон расположен в Фаллюдже…

Гамаль простился с друзьями и вскочил в машину. Через несколько минут она уже мчалась среди желтых барханов.

Гамаль, видя, что офицер, приехавший встретить его, давно не брился и зарос щетиной, не чистил и не гладил форму, сделал ему замечание.

— Мы живем в очень трудных условиях, господин майор, — ответил тот. — Воды не хватает, приходится отражать постоянные атаки израильтян, связи почти нет. Многие не спали по нескольку ночей. Чтобы встретить вас, мне пришлось ехать всю ночь в объезд дорог, перерезанных неприятелем.

— Вы завтракали? — спросил Гамаль.

— Нет, — ответил офицер.

В чемодане у Гамаля были бутерброды, заботливо приготовленные Тахией. Они закусили не останавливаясь.

Положение в Фаллюдже оказалось хуже, чем рассказал офицер. Солдаты устали от беспрерывных боев, а Фаллюджа была под угрозой окружения.

Впоследствии, думая над судьбами своей родины, он постоянно возвращался к опыту Палестинской войны. Многие страницы его работы «Философия революции» посвящены этой

теме. Насер и его товарищи по революционной деятельности не раз вспоминали потом слова одного из героев этой войны, египетского полковника Ахмеда Абдель Азиза, сказанные им незадолго до гибели, в августе 1948 года: «Запомните, настоящая война происходит в Египте». Он имел в виду продажность и несостоятельность правящего режима.

В июле Гамаль был ранен осколком в живот. Когда его везли в госпиталь, ему казалось, что он умирает. Он потерял много крови, долгое время находился в тяжелом состоянии, но его могучий организм все же победил. Вскоре Насер окончательно поправился. После короткого пребывания в Каире он снова едет на фронт.

В октябре одна треть египетской армии попала в мешок около Фаллюджи и Ирак-аль-Маншии. Положение казалось безнадежным.

Египетское правительство отдало приказ командованию прекратить сопротивление и сдать Фаллюджу. Это распоряжение возмутило Насера и других патриотически настроенных офицеров. Будучи уверенным в том, что солдаты его батальона могут оказывать сопротивление врагу, Насер решил не подчиниться приказу.

Наступил декабрь. Свинцовое небо низко нависло над пустыней. Шел мелкий, как пыль, дождь. Было сыро в брезентовых палатках. Отрезанная от тыла армия испытывала острый недостаток в продуктах. Израильские войска раз за разом наступали на позиции под селением Ирак-аль-Маншия. Но египтяне не сдавались. 23 декабря израильские войска предприняли новую атаку и овладели половиной Фаллюджи. Израильтяне торжествовали. Однако другую часть деревни удерживали египетские войска. В этот момент Насер связался по рации с батальоном Закарии Мохиеддина и попросил обеспечить артиллерийскую поддержку.

— Но ведь это поставит вас под удар… — предупредил Закария.

— Что делать? Придется рискнуть, — ответил Насер.

Через несколько минут над головами защитников Фаллюджи засвистели снаряды. Насер приказал своему батальону наступать. Противник был снова выбит из деревни.

Утром перед Фаллюджей показалась израильская автомашина с белым флагом.

— Израильский офицер хочет встретиться с египетским! — крикнули в рупор.

Прихватив автоматы, Насер с двумя офицерами и сержантом сели в «джип».

— Я заместитель командующего этим районом. Мне приказано разъяснить вам, что вы полностью окружены. Сдавайтесь в плен, — высокомерным тоном заявил по-английски израильский офицер, высунув голову из машины.

— Нам известно наше положение. Но у нас в руках оружие, и мы будем сражаться до конца, — решительно ответил Насер.

Израильский офицер перешел на арабский. Когда Насер и на сей раз не согласился капитулировать, израильтянин совсем уже вежливо попросил предоставить возможность вывезти тела убитых с поля боя. Насер не возражал. Таких встреч было несколько.

О них стало известно из публикации, появившейся в израильской газете «Джуиш обсервер». Офицером, встречавшимся с Насером, оказался капитан, а позднее полковник израильской армии Мордехай Коген, служивший в штабе Игала Аллона. Насер сам позднее упоминал об этих встречах в «Философии революции». Игал Аллон отмечает, что Насер произвел в то время на него сильное впечатление.

Насер и его друзья тяжело переживали поражение египетской армии. Они сравнивали окруженную Фаллюджу со своей родиной, блокированной империалистическими государствами. Насер начал понимать, насколько тесно связан империализм с международным сионизмом. У него не было сомнений относительно того, что реакционные арабские правительства являлись всего лишь послушными марионетками могущественного альянса. Вернувшись с фронта, Насер прочитал работу одного из видных сионистов, «отца Израиля» Вейцмана, «Опыт и ошибка». Книга полностью подтвердила выводы руководителя организации «Свободные офицеры». Что можно противопоставить такому альянсу?..

После поражения наступило горькое разочарование. Арабских королей не интересовала судьба палестинцев. Но многие, испытавшие высокий душевный подъем, патриотически настроенные солдаты и офицеры, которые принимали участие в этой войне, относились к ней иначе.

Поражения, предательство генералов и иностранных советников заставляли их задумываться над будущим родины. Сидя в окопах Синайской пустыни, они мучительно искали выход из тупика, в котором оказались арабские народы.

После Палестинской войны 1948 года египтяне ждали, что в стране произойдут перемены. До войны многие еще связывали свои надежды с королем. Прозрев, все осознали, что король, проводивший время за рулеткой, когда армия терпела поражение, не способен управлять страной.

В окопах Синайской пустыни под градом израильских снарядов Насер и его товарищи поняли, что арабские народы имеют одинаковую судьбу. Все они противостоят одному врагу — империализму. Общая борьба должна привести их к единству.

Насер продолжал удерживать Фаллюджу до января 1949 года. В это время на острове Родос уже начались переговоры между воюющими странами. Израильтяне надеялись, что полное поражение арабов позволит им диктовать условия. Оценив обстановку, Насер решил нанести удар первым. Атака под Фаллюджей была успешной…

Наконец родосские переговоры закончились… Было заключено перемирие. В результате Палестинской войны Израиль аннексировал шесть тысяч квадратных километров арабской территории Палестины. Для того чтобы воспрепятствовать захвату всех земель, отведенных в Палестине для создания арабского государства, Трансиордания поспешила ввести свои войска на западный берег реки Иордан, Египет — в Газу.

Но дело не закончилось разделом Палестины. Израиль немедленно предпринял карательные акции против палестинцев, проживавших на захваченной территории. Кровавые репрессии заставили их покинуть свои земли и искать убежища в соседних арабских странах. На месте арабских селений возникли израильские киббуцы. Восемьсот тысяч арабов, изгнанных из Палестины, были вынуждены влачить жалкое существование в палаточных городках посреди пустыни.

А тем временем Каир торжественно встречал защитников Фаллюджи. Тахия заплакала от счастья, когда увидела своего возмужавшего, овеянного ветрами пустыни супруга. Дети заметно подросли и на первых порах несколько стеснялись отца.

Но эти же дни принесли Насеру и огорчения. По случаю окончания войны в Каире должен был состояться парад. В нем принимал участие и героический батальон Фаллюджи. Но король запретил батальону шествовать с оружием, которое он отказался сдать врагу. В этой стране победителей судили те, кто проиграл войну. Они были мелочны и мстительны. Насер и его товарищи чувствовали себя глубоко оскорбленными.

Вскоре Насер убедился также в том, что власти относятся к нему с подозрением.

В мае 1949 года премьер-министр Ибрагим Абдель Хади вызвал к себе майора Гамаля Абдель Насера. Абдель Хади полагал, что Насер знаком с некоторыми «свободными офицерами».

Без всяких обиняков премьер-министр обвинил Насера в том, что он снабжает подпольную организацию оружием. Насер

ответил, что примерно в течение года он был на фронте и поэтому не мог знать ни о какой организации, действовавшей в Каире.

— Может быть, тогда вы знакомы с Махмудом Лабибом, членом организации «Братья-мусульмане»? — спросил премьер.

— Конечно, — сказал Насер. Он не боялся ответить утвердительно, ведь они вместе воевали в Палестине.

— Кто познакомил вас? — допытывался Абдель Хади, рассчитывая, что напал наконец-то на след.

— Капитан Анвар аль-Саяги.

— Где он живет?

— Простите, господин премьер-министр, но капитан Анвар аль-Саяги погиб на войне… — сказал Насер.

Терпение Абдель Хади истощилось. Гамаль как ни в чем не бывало улыбался.

— Вы смеетесь надо мной! Я передам вас полиции. Вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю о полиции?..

— Понимаю…

Но у премьер-министра не было фактов, которые позволили бы ему исполнить свою угрозу.

Пройдет немного времени, и в ноябре 1949 года в воинских частях будут читать листовку № 1, написанную Насером.

«Мы думали, что испытание, которое перенесла страна в Палестинской войне, дало серьезный урок ответственным лицам, заставив их обратить внимание на армию, ее подготовку и вооружение… Все правительства и народы извлекли для себя пользу из этого опыта, все, кроме нас в Египте. Властители Египта продолжают жить легко и радостно, развлекаясь и устраивая по поводу и без повода праздники, забывая о том, что народ живет в голоде, неволе и нищете».

Под листовкой стояла подпись: «Свободные офицеры».

Глава 3

В октябре 1951 года 60 тысяч рабочих, обслуживавших английские войска на Суэцком канале, отказались сотрудничать с оккупантами. Почти все политические партии, действовавшие в стране, приняли решение о создании вооруженных отрядов федаев. Насер воспользовался этим. «Свободные офицеры» приняли участие в подготовке федаев и в боевых операциях против англичан на канале. Вскоре сопротивление египтян стало принимать настолько ожесточенный характер, что Лондон вынужден был увеличить численность своих войск в районе Суэцкого канала. Партизаны почти каждую ночь совершали атаки на английские военные посты, на воинские подразделения, двигавшиеся через пустыню, на склады горючего и боеприпасов.

Египетская военная полиция «Булук Низам» стала открыто поддерживать партизан. 17 и 18 ноября 1951 года между оккупантами и полицейскими силами в Исмаилии развернулось двухдневное сражение. Через полмесяца еще более крупный бой произошел в Суэце. Англичане превратили в груду развалин район Суэца — Кафр-Абдо. Несколько тысяч египтян лишились крова. Только с 16 октября по 5 декабря 1951 года в зоне Суэцкого канала было убито 17 и ранено 438 египтян. Но это не остановило федаев.

Однажды двое крестьян, одетых в голубые галябии, задержались на мосту перед въездом в Исмаилию. Ослу трудно было тащить телегу с ящиками, в которых сверкали золотистые апельсины. Английские солдаты, охранявшие мост, не обратили бы на крестьян внимания, если бы те не отошли в сторону, оставив повозку без присмотра. Поигрывая щегольским стеком, английский офицер спросил о причине остановки.

— Мы только сбегаем в деревню за яйцами, — ответил один из крестьян, и, не теряя времени, они прибавили ходу.

Офицер решил проверить груз. Взяв в руку апельсин, он залюбовался его ярко-оранжевой кожурой. В эту минуту раздался взрыв. Это произошло 19 января 1952 года.

Взрыв у исмаильского моста послужил сигналом. Через несколько дней партизаны напали на склад боеприпасов в Исмаилии. Английские войска начали прочесывать город. Группа федаев укрылась на мусульманское кладбище. Около семи тысяч выстрелов сделали каратели. Захваченных в плен они направили в концлагерь, в пустыню. На следующий день — новое нападение на склад. Командующий английскими войсками в зоне Суэцкого канала генерал Эрскин решил на этот раз серьезно проучить

египтян.

25 января он потребовал, чтобы подразделения «Булук Низам» были выведены из Исмаилии. По улицам города, утопающего в зелени манговых деревьев, прогрохотали танки. Английские «томми» с автоматами в руках вышли на опустевшие улицы.

Окружив казармы «Булук Низам», англичане приказали полицейским сложить оружие. Начальник «Булук Низам» позвонил в Каир. Министр внутренних дел вафдистского правительства Сираджеддин дал распоряжение сопротивляться. У полицейских было лишь легкое стрелковое оружие. Английские танки навели орудия на казармы. И все-таки египтяне заявили офицеру, посланному генералом Эрскином, что будут сражаться до последнего патрона. Английские войска начали атаку.

Три часа отбивались полицейские, защищая каждый камень дымящихся развалин. Сорок один человек убитыми и семьдесят два раненых — таков итог этой кровавой операции.

Весть о новом злодеянии оккупантов мгновенно разнеслась по стране. «На египетской земле от рук оккупантов гибнут египтяне…» — писал в одной из листовок Насер.

«Вафд» готовилась провести на следующий день демонстрацию протеста. Ее должны были поддержать студенты трех каирских университетов. Командование каирским «Булук Низам» позволило полицейским принять участие в манифестации. Совет министров, собравшийся на срочное заседание, постановил порвать дипломатические отношения с Англией и арестовать в качестве заложников сто видных представителей английской общины в Египте. Британское консульство рекомендовало английским гражданам не выходить в эти дни из дома.

Фарук жил зимой в каирском дворце Кубба. Из его окон открывался великолепный вид на зеленое поле, на стройные ряды пальм. Воздух был наполнен ароматом роз. Каждое утро король совершал верховые прогулки.

Иностранных гостей и министров Фарук принимал обычно в другом дворце — Абидине, в специальном помещении, окна которого выходили в сад.

Когда первые колонны демонстрантов появились перед дворцом Абидин, король готовился к празднику, посвященному рождению сына. Дворецкие проверяли, как сидят вновь сшитые красные камзолы на плечах статных черных лакеев из Нубии. Начальник королевской канцелярии раздавал курьерам пригласительные билеты, отпечатанные на плотной бумаге с фамильными вензелями семьи Фарука.

День 26 января 1952 года вошел в историю Египта под названием «черной субботы».

Толпа перед дворцом бурлила:

— Дайте нам оружие! Мы пойдем защищать своих братьев!

Вскоре все улицы, расходившиеся лучами от дворца, были заполнены демонстрантами, которые двигались к площади Оперы. Там, в «Казино де л'Опера», любили развлекаться английские офицеры. Полуголые девицы из группы мадам Бадиа сладострастно извивались в восточных танцах. Именно здесь произошел инцидент, положивший начало беспорядкам.

Очевидцы рассказывают, что, когда демонстранты вышли на площадь перед казино, кто-то заметил египетского полицейского офицера за столиком с одной из танцовщиц мадам Бадиа.

— Тебе не стыдно развлекаться с девчонками, когда твои братья гибнут в Исмаилии? — крикнул кто-то.

Полицейский ответил грубостью. Через несколько минут столы и стулья в «Казино де л'Опера» были переломаны. Вскоре оно запылало ярким пламенем под одобрительные крики толпы. Пожарная часть была расквартирована буквально в двух шагах от места происшествия. Но пока пожарные автомашины двигались к казино, огонь уже перекинулся на соседние строения. Наконец пожарные принялись за работу. В этот момент кто-то перерезал шланги…

Несколькими часами позднее запылали кинотеатры «Риволи» и «Мегире». Какие-то люди бегали по городу с факелами в руках, поджигали магазины, кинотеатры, бары, гостиницы и клубы, владельцами которых были иностранцы. Валил дым из окон большого универмага «Сикурель». Горели кафе «Гроппи», здания «Барклайз-банка» и автомобильной компании «Крайслер».

В английском клубе «Тарф» сидели четверо. Неожиданно ворвалась группа людей. Облив бензином стол, стулья, они подожгли клуб. Когда четверо англичан в горевшей одежде попытались выскочить на улицу, поджигатели втолкнули их назад в клуб, превратившийся в костер. Какой-то англичанин с верхнего этажа попытался спуститься вниз на веревке из простыней, но та перегорела, упавшего на мостовую затоптали ногами.

Отель «Шепард» в Каире, построенный в старом арабском стиле, был известен во всем мире. В залах стояла дорогая мебель, инкрустированная слоновой костью. Гарсоны в белых тюрбанах разносили в дорогих фаянсовых чашках крепкий арабский кофе. Обычно перед входом в отель десятки ремесленников продавали свои изделия. Загнав постояльцев отеля в номера, все те же поджигатели содрали с окон парчовые шторы и моментально превратили мебель в дрова, облили их бензином и подожгли.

Со стороны брандмауэра к отелю примыкало здание, где собиралось великосветское каирское общество. Это был клуб русских эмигрантов. Сам король посещал иногда его балы. Молодые английские офицеры считали хорошим тоном иметь членскую карточку русского клуба. С трудом удалось отстоять это здание от пожара.

Высокая железная ограда с вензелями владельцев Букингемского дворца спасла от разгрома английское посольство, вокруг которого шел настоящий рукопашный бой.

Когда рабочие одного из предприятий, расположенного на окраине Каира, попытались пройти в центр для тушения пожаров, то на середине пути их остановил английский патруль.

По этой же причине лица, связанные со «свободными офицерами», не смогли попасть из центра города в Гелиополис, чтобы предупредить о печальных событиях Насера.

Ночью в городе начались повальные грабежи. Из витрин магазинов тащили дорогие хрустальные люстры, ящики с шампанским и виски, золоченые рамы для портретов, куски материи, мебель, балахоны от катафалков…

Прибыли солдаты. Поджигатели и зачинщики беспорядков укатили в стоявших наготове «джипах». Сто пятьдесят солдат ничего не могли сделать с многотысячной толпой, которая неистовствовала на улице.

Кто-то попытался воспользоваться вспышкой народного гнева в своих целях и предпринял организованный поджог Каира. Так и не удалось установить в точности, к какой группировке принадлежали поджигатели. Майор Сэнсом, служивший в английской контрразведке, свалил вину на правое крыло «Свободных офицеров». Однако ни «Свободным офицерам», ни коммунистам, которых тоже пытались запятнать обвинениями в поджоге, ни другим левым политическим организациям этот пожар не был нужен. Ведь он послужил поводом для репрессий. Только фанатично настроенные «братья-мусульмане» могли решиться на такой безумный шаг. Большинство каирцев соглашается с этой версией. Один из первых биографов Насера, швейцарский журналист Фоше, работавший в Каире корреспондентом «Журналь де Женев» и лично наблюдавший события «черной субботы», утверждает, что Лондон извлек из них прямую выгоду. После каирского пожара была приостановлена деятельность «федаев». Король же не проявил никакой активности для того, чтобы пресечь беспорядки. Все свидетельствовало о том, что существовала договоренность между ним и британской разведкой. Фоше пишет даже, что среди тех, кто подбивал людей на поджоги, были опознаны лица,

непосредственно работавшие на английскую службу безопасности.

О причастности англичан и короля к каирскому пожару пишет в своих воспоминаниях и генерал Мухаммед Нагиб. Он тоже считает, что, благословляя эту провокацию, король хотел поставить к кормилу власти более близких себе людей.

В тот момент, когда тысячи рук вцепились в чугунную решетку английского посольства, посол сэр Ральф Стивенсон начал нервно прохаживаться по апартаментам своей резиденции, не решаясь вызвать войска с Суэцкого канала. Он колебался, зная, что в этом случае египетские войска могут оказать сопротивление. Посол попытался связаться с Сираджеддином. Ему ответили, что министр внутренних дел занят покупкой дома. Он набрал номер премьер-министра. Наххас-паша (он в январе 1950 года возглавил вафдистский кабинет) был у своей маникюрши.

А во дворце королева Нариман, едва оправившаяся после родов, поднимала несколько раз панику. Ей все казалось, что дворец горит, что пламя угрожает новорожденному Фуаду.

Стоя у окна, Фарук смотрел на черные клубы дыма, поднимавшиеся над египетской столицей. Ему предстояло решить, что делать с правительством. Было ясно, что Наххас-паша не может оставаться у власти. Кто-то предложил кандидатуру военного министра, бывшего начальника тюрем Хейдара, но король считал, что тот недостаточно тверд, чтобы изменить положение.

— Вверять Хейдару судьбу страны бесполезно, — сказал он.

Присутствующие почтительно смолкли.

— А ты смог бы сформировать правительство? — обратился Фарук к хаджу Исмаилу. Старый политик и интриган молчал.

— Все вы трусы. Тогда Али Махир сформирует правительство, — сказал король.

Однако никто из присутствующих не хотел видеть премьером Али Махира.

— Профессор аль-Гиляли мог бы взять на себя эту задачу, — сказал наконец председатель королевского совета Хафиз Афифи.

— Что еще за профессор? — нервно спросил король.

— Нагиб-паша аль-Гиляли, — подсказал кто-то.

— Так и говорите. Королевского советника Нагиба-пашу аль-Гиляли я знаю, с профессором аль-Гиляли я незнаком, — отрезал король.

Хафизу Афифи было срочно поручено ехать к аль-Гиляли с предложением сформировать правительство. Когда его автомобиль мчался по улицам Каира в загородный район Аль-

Мади, ему показалось, что город подвергся бомбардировке авиации. Клубы дыма по-прежнему поднимались к небу. Зияли разбитые витрины магазинов, и горели автомобили. Откуда-то слышались выстрелы.

Хафиз Афифи вернулся, когда совещание в королевском дворце еще не кончилось. Все с ожиданием посмотрели на него.

— Аль-Гиляли предложил, чтобы правительство сформировал Али Махир, — сказал он.

— Значит, пусть будет Али Махир, — заявил король.

И снова Хафизу Афифи пришлось выехать из дворца. На этот раз его путь лежал через весь город на остров Замалек, где жили англичане и египтяне-аристократы. Замалек был тщательно охранявшимся сеттльментом. Египтянин мог попасть сюда, только предъявив специальный пропуск. Здесь было так тихо, спокойно, словно ничего не происходило.

Не без поддержки англичан Али Махир стал премьером накануне второй мировой войны. Но когда генерал Роммель готовился к броску в Африку, он тотчас переменил ориентацию и стал выступать за «нейтралитет» Египта. После того как англичане заставили короля сместить Али Махира, он развернул в стране антианглийскую пропаганду, и королю вновь пришлось прикрикнуть. Али Махир замолчал. После войны он приложил максимум усилий, чтобы оправдаться в глазах англичан. Окружение короля побаивалось этого деятеля, однако именно он был теперь нужен англичанам и королю тоже.

К вечеру Хафиз Афифи вошел в дом Али Махира, чтобы предложить ему от имени его величества пост премьер-министра.

На следующий день после встречи с королем, в тот момент, когда Али Махир вернулся к себе на виллу и вместе со своими сторонниками готовил обращение к народу, раздался телефонный звонок. Король потребовал, чтобы Али Махир на время воздержался от формирования правительства.

— Если ты не сформируешь правительство сегодняшней ночью, ты никогда не будешь премьером, — сказал ему один из его друзей. — Надо срочно поставить его величеству это условие…

Али Махир набрал номер телефона Хафиза Афифи.

— Ваше превосходительство, необходимо срочно сформировать правительство.

— Но мы же договорились отложить до завтра…

— Передайте его величеству: или сегодня, или никогда.

Фарук вынужден был принять ультиматум. Наступили 32 дня правления Али Махира. На египтян обрушились новые репрессии.

«После пожара в Каире приспешники короля Фарука начали

жестоко преследовать патриотов, вступивших в отряды сопротивления, — писал известный египетский писатель Абд ар-Рахман аль-Хамиси. — Их сажали в тюрьмы. Власти установили слежку за теми, кто объединился для вооруженной борьбы против англичан в зоне Суэцкого канала.

Политическая полиция сбилась с ног, в домах, учреждениях, общественных местах она разыскивала членов отрядов, арестовывала их и бросала в концентрационные лагеря, расположенные в пустыне».

Однако никто из «свободных офицеров» не был схвачен. Конспирация, за которую ратовал Насер, оказалась щитом организации.

Но надежды короля на то, что «сильный человек» может «спасти положение», оказались тщетными. Все мероприятия Али Махира терпели крах. Народ не верил больше в правительство пашей и феодалов, и вскоре Али Махир вынужден был подать в отставку. Началась затяжная правительственная чехарда. С января по июль 1952 года в Египте сменилось шесть премьеров. Король терял контроль над страной.

Еще в 1950 году в организации «Свободные офицеры» был создан Совет руководства революцией. Позже Насера избрали его председателем. Началась конкретная подготовка к революционному перевороту. «Свободные офицеры» рассчитывали выступить в 1954–1955 годах. Однако события, развернувшиеся в 1952 году, существенно изменили планы революционеров.

«Не пора ли выступать? — думал Насер. — Но готовы ли „свободные офицеры“? Хватит ли сил?» — И он отвечал сам себе: «Нет». В эти дни Гамаль понял — необходимо активизировать подготовительную работу. На каирский пожар «свободные офицеры» откликнулись листовкой.

«Предатели надеются одержать победу с помощью армии, — говорилось в ней. — Но задача армии — борьба за свободу и независимость. Если армия выйдет на улицу, то только для того, чтобы дать отпор предателям. Ни одна винтовка не должна выстрелить в демонстрантов. Ни один демонстрант не должен быть арестован с помощью армии. Это должны понять все. С сегодняшнего дня армия с народом и будет с ним до конца».

Насер считал, что возглавить революцию следовало бы офицеру с высоким званием, пользующемуся уважением в народе и в армии.

— Что ты думаешь о генерале аль-Мисри? — спросил его однажды один из «свободных офицеров».

— Не слишком ли он стар? — заметил Насер.

Некоторые предлагали Фуада Садека, генерала, известного своей честностью и героизмом, проявленным во время Палестинской войны 1948 года. Насер решил послать Салаха Салима для переговоров с Садеком. Оказалось, что уважаемый генерал весьма честолюбив и мечтает стать начальником Генерального штаба. Салим сказал, что в армии, возможно, найдется группа людей, которые помогут ему осуществить эту мечту, но вдруг зазвонил телефон. Взяв трубку, Садек ушел разговаривать в другую комнату. Через минуту он вернулся, лицо его сияло.

— Мне сообщили, что его величество хочет назначить меня начальником штаба, — самодовольно сказал он.

Стало ясно: генерал не может быть вождем революции.

После этого выбор Насера пал на генерала Нагиба, также завоевавшего популярность во время Палестинской войны.

Абдель Хаким Амер начал исподволь привлекать его к организации «Свободные офицеры», не раскрывая ее целей. Постепенно они сдружились. Амер заглядывал к нему домой. Однако Насер не был убежден, что Нагиб обладает всеми качествами, необходимыми для лидера. Правда, Абдель Хаким Амер утверждал, что его работа по «воспитанию» генерала идет успешно.

Неожиданно стало известно, что король решил назначить генерала Хуссейна Сирри Амера командующим пограничными войсками вместо генерала Нагиба. Хуссейн Сирри Амер считался злейшим врагом «свободных офицеров». И теперь он занял один из важнейших постов в армии.

Затем король захотел сделать его председателем офицерского клуба в Гезире. Эта должность была выборной, и Насер решил, что наступил момент показать силу организации.

Однажды Абдель Хаким Амер привел с собой к Нагибу Гамаля Абдель Насера. Генерал Нагиб почувствовал, что его изучают. «…Но я не был разочарован, — вспоминал он позже. — Я пришел к заключению, что спасение Египта зависит от таких младших офицеров». После этого Насер и Амер встречались еще несколько раз с генералом Нагибом на его квартире. Постепенно они научились понимать друг друга. Вскоре Нагиб был избран президентом организации «Свободные офицеры». В целях конспирации его не привлекали к участию в тайных сходках и в подготовке переворота. В момент, когда произошел переворот, он был знаком только с пятью из девяти членов Совета руководства революцией.

По заданию Насера Абдель Хаким Амер связался с Нагибом и убедил его выставить свою кандидатуру на выборах в

председатели офицерского клуба. «Свободные офицеры» агитировали своих коллег проголосовать за Нагиба.

На чрезвычайном собрании в клубе Насер предложил почтить вставанием память одного из «свободных офицеров», убитого тайной полицией по наущению двора. Это сразу же накалило атмосферу.

После подсчета бюллетеней оказалось, что за генерала Нагиба подано 80 процентов всех голосов. Кроме Нагиба, в офицерский совет вошли еще два «свободных офицера». Королю был брошен открытый вызов. Он почувствовал это и потребовал перевыборов. Заодно он отменил ссуду, отпущенную на строительство нового здания клуба, а генерал Нагиб получил назначение в войска, расположенные в пустыне.

Вскоре стало известно, что генерал Сирри Амер замешан в крупной махинации: боеприпасы с египетских складов были проданы через контрабандистов израильтянам. «Свободные офицеры» немедленно выпустили листовку, в которой потребовали предать Сирри Амера суду военного трибунала. Однако король явно не хотел наказывать своего любимца. Тогда «свободные офицеры» решили организовать покушение на продажного генерала. Они хорошо изучили привычки Сирри Амера и его распорядок дня. В назначенный день группа исполнения приговора спряталась недалеко от дома Сирри Амера. Когда он вышел на улицу, раздались выстрелы. Насер, лично принимавший участие в покушении, вместе с друзьями сумел оторваться от преследователей.

Вернувшись ночью домой, он так и не смог уснуть, курил одну сигарету за другой. Теперь он еще более утвердился в своей мысли, что террор — несостоятельное средство в борьбе, что столь опасные акции могут только помочь полиции в ее охоте за членами организации.

Когда на следующее утро жена принесла свежую газету, он с трепетом взял ее в руки. Только узнав, что Сирри Амер остался жив, Насер несколько успокоился.

«…Во время бессонной ночи в насквозь прокуренной комнате я задавал себе вопрос: „Может ли судьба страны быть по-настоящему изменена, если мы устраним то или иное лицо?..“ — писал впоследствии Насер в „Философии революции“. — Тогда я ответил себе со всей убежденностью: мы должны изменить тактику… Корни идут гораздо глубже в почву — проблема куда более серьезна».

Полиция пыталась внедрить провокаторов в организацию «Свободные офицеры». Но Насер был очень хорошим конспиратором. Он никогда, например, не называл своего имени

по телефону, когда разговаривал с товарищами по борьбе. Обычно Гамаль называл себя в таком случае Заглюлем. Новички подвергались тщательным испытаниям, прежде чем их допускали к выполнению заданий. Когда руководитель одной из революционных группировок предложил присоединить ее к организации «Свободные офицеры», Насер ответил, что после Фаллюджи он отошел «от этих дел». «Я хочу жить и есть свой хлеб, и только», — сказал он, так как не поверил этому человеку.

«Свободные офицеры» хорошо знали, что творилось в армии и при дворе. Салах Салим пользовался доверием военного министра и передавал ему нарочито ложную информацию.

Ответственным за пропаганду в армии был назначен член Совета руководства революцией Халид Мохиеддин.

«Первые листовки, — вспоминает он, — мы написали вместе с Насером. Чтобы их размножить, пришлось воспользоваться печатной машинкой одного железнодорожного служащего. Потом, скрываясь от полиции, мы стали печатать их в доме офицера Хамди Абиду, страстного любителя искусства. Друзья думали, что мы ходим туда слушать музыку. На самом же деле мы с Гамалем писали у него листовки, размножали их, раздавали офицерам и рассылали по почте. Это была трудная работа.

Со временем пришлось создать специальную группу, которая была занята лишь тем, что писала адреса на конвертах и относила их на почту. Это ответственное задание мы поручили четырем офицерам-марксистам.

Но полиция не дремала. И вскоре пришлось перевести нашу „типографию“ на конспиративную квартиру одной из действовавших тогда в Египте марксистских организаций — „Хадиту“. Теперь дело было поставлено так: мы приносили тексты, товарищи из „Хадиту“ отпечатывали листовки, а мы распространяли их в армии. Иногда их писал Ахмед Фуад, известный в Египте марксист, впоследствии заведующий канцелярией Насера.

Программу „Свободных офицеров“ отпечатали только в одном экземпляре, хранить который было поручено мне. Принимая в организацию новых офицеров, мы давали им прочитать программу, после чего она возвращалась вновь ко мне, и моя жена прятала ее».

Этот документ, названный «Программой действий», включал в себя несколько принципов: ликвидация колониализма и феодализма, борьба против господства капитала, социальное равенство, демократизация общественной жизни, формирование национальной армии.

«Свободные офицеры» не были единственной организацией в

армии. Наряду с ними, например, в египетских вооруженных силах работала группа «Ахзейн», которая представляла собой филиал «Хадиту». Руководителем этой организации был Ахмед Фуад.

Немало марксистов было и в организации прапорщиков. Именем ее руководителя Абдель Кадира Таги, погибшего от пули реакционеров за два месяца до революции, египтяне потом назвали одну из улиц в Каире.

Политические взгляды, по крайней мере, одной из многочисленных марксистских организаций, существовавших в стране, — «Хадиту», были весьма распространены в армии. Марксисты вели постоянную работу и среди «свободных офицеров». Оценивая положение в стране, «Хадиту» требовала проведения демократической революции и ликвидации иностранного гнета, что делало программу марксистской организации близкой и понятной «свободным офицерам».

Когда произошла революция, «Хадиту» с первого дня встала на ее сторону.

Западные историки и биографы Насера, например Роберт Стефенс, значительно больше пишут о связях «свободных офицеров» с «братьями-мусульманами». Такие связи действительно имели место. Но «братья-мусульмане» оказывали на «свободных офицеров» меньшее влияние, чем левые демократические организации. Об этом можно судить хотя бы по «программе действий», принятой Советом руководства революцией.

Насер назначил выступление на март 1952 года. Но один из «свободных офицеров», Рашид Механна, покинул организацию, дезертировал. Этим могли воспользоваться органы безопасности. Над Насером и его друзьями нависла угроза. Было решено перенести переворот на сентябрь.

С начала июля и до конца сентября король обычно отдыхал в Монтазе. Вместе с ним выезжала его семья и вся челядь: парикмахеры, массажисты, повара, шоферы, стража.

Вечером, сидя на балконе, он слушал оркестр, укрытый в китайской беседке, который негромко играл модную музыку. Во дворце всегда было много гостей, главным образом красивых молодых женщин. В полночь тушили свет. Король парил в танце. Во время этих тихих, интимных вечеров Фарук забывал все обрушившиеся на него беды.

Министры переселялись в Александрию вслед за королем. Правительственные учреждения фактически прекращали работу.

Гамаль, подав рапорт об отпуске, уехал из душного Каира и в спокойной обстановке обдумывал все детали выступления. Но 11

июля пришла депеша, в которой ему предлагалось вернуться в академию для подготовки экзаменационных документов. Жена и дети были недовольны тем, что прерывается отдых.

Гамаль же был рад. Он так или иначе хотел вернуться в Каир. Но за передвижением офицеров в те дни внимательно наблюдали. Теперь у него был хороший повод для возвращения в столицу.

Из девяти офицеров, входивших в Совет руководства революцией, в Каире находились четверо. Вскоре приехал пятый — Абдель Хаким Амер. Он был болен, и поэтому военное командование предоставило ему короткий отпуск. Насер попросил его «затянуть болезнь». Поступавшие из надежных источников сведения свидетельствовали о том, что король готовится нанести удар по «свободным офицерам». 15 июля Фарук издал указ о роспуске правления офицерского клуба и удалил с постов в армии ряд офицеров. Можно было ожидать арестов.

«Сейчас решается вопрос: кто кого?» — сказал Амер.

На 16 июля Насер назначил важное совещание Совета руководства революцией. Собрались на квартире у Сарвата Окаши. «Гамаль и Халид Мохиеддин пришли ко мне домой и попросили по своему обыкновению поставить на проигрыватель „Шехеразаду“ Римского-Корсакова. Музыка вскоре заворожила их. Гамаль сидел с мечтательными глазами, внимательно слушая. Когда раздались последние аккорды, он встал, выключил проигрыватель и сказал: „В начале следующего месяца начнем…“» — вспоминает Сарват Окаша.

На совещании обсуждался вопрос о том, как поступят «свободные офицеры» в новых условиях. Некоторые предлагали организовать покушения на приближенных короля и английских оккупантов. Однако Насер до сих пор помнил покушение на генерала Сирри Амера. Гамаль решительно был против террора. 18 июля Насер созвал новое совещание и заявил прямо, что террор ни к чему не приведет. Нужно готовить армию к восстанию, объяснял товарищам Насер.

Договорились, что Насер с Амером посетят Нагиба и расскажут ему о своих планах. На следующий день они отправились на квартиру к генералу Нагибу. Но у Нагиба гостили какой-то молодой офицер и журналист Мухаммед Хасанейн Хейкал. Посидев немного и справившись у генерала Нагиба о его здоровье, друзья уехали.

Насер отправился в Генштаб. Туда к нему приехали Амер и Кемаледдин Хуссейн. Они просидели ночь над составлением подробного плана восстания.

— Нам достаточно одного батальона из десяти

дислоцированных в Каире, — сказал Насер.

— Это большая игра, — заметил Кемаль Хуссейн.

— У нас пока нет ни одного танка, — добавил Амер.

— И у нас всего лишь десять человек в ВВС, — согласился Насер. — Поэтому успех зависит от точности выполнения плана.

— Анвар Садат должен вывести из строя связь, — предложил Амер. — Хотя в организации «Свободные офицеры» он всего лишь два месяца, но он связист и мог взять на себя хотя бы эту скромную роль.

— Но он на Синае, — напомнил Кемаль Хуссейн.

— Пошлем за ним самолет, — сказал Насер. — Если потребуется, Хасан Ибрагим выкрадет самолет.

Через несколько часов Хасан вылетел на Синай. Одновременно Насер послал уведомление всем особо доверенным членам организации «Свободные офицеры», с тем чтобы они прибыли в Каир 22 июля без опоздания. Он предупредил их о предстоящем выступлении и просил оставаться дома с 3 часов дня до получения приказа.

Халид Мохиеддин вспоминает, что план, предложенный Насером, был ясен и прост. В назначенный час «свободным офицерам» надлежало войти в казармы и взять руководство армией в свои руки. Офицеров, не посвященных в заговор, следовало изолировать. За каждым участником восстания закрепили объекты, которыми он должен был овладеть.

Насер предложил, чтобы тринадцатый пехотный батальон занял Генеральный штаб, другие части — аэродром в Альмаса, радиостанцию, мосты, здания почты и телеграфа. После этого предполагалось, что повстанцы встретятся у Генерального штаба.

Все эти дни Гамаль спал считанные минуты. Его жена беспокоилась, чувствуя, что муж чем-то серьезно озабочен. Он же только улыбался в ответ на ее вопросы. Однажды ночью, когда пришел муж, она видела, как он поставил под кровать корзину с апельсинами. Встав рано утром, чтобы приготовить, как обычно, завтрак, Тахия решила сделать апельсиновый сок. Вытащив корзину, она обнаружила под апельсинами гранаты. Подавая Гамалю завтрак, Тахия сказала:

— С тех пор как ты носишь эти корзины, ты, наверное, окреп физически.

Гамаль промолчал. Он по-прежнему не говорил жене о своей подпольной работе. Она могла только обо всем догадываться.

В жаркие летние дни над Каиром, словно в парной, стоит марево. Только легкий вечерний ветерок приносит облегчающую прохладу. С наступлением темноты город вспыхивает огнями реклам. В многочисленных казино, расположенных по берегам

лениво текущего Нила, сидят уставшие от дневного зноя люди. Центральные улицы города были в те годы заполнены разодетой публикой, сверкавшей золотом и бриллиантами. В темных сырых переулках спали на тротуарах бездомные.

В ночь с двадцать второго на двадцать третье июля в Монтазе был праздник. Наследнику престола Фуаду исполнилось шесть месяцев. Королева Нариман, с утра искупавшись в море, приняла ванну и теперь, веселая и нарядная, отдавала последние распоряжения. За время, проведенное у моря, она забыла о жутких событиях «черной субботы».

Двадцать второго июля, в канун выступления «свободных офицеров», на квартире Халида Мохиеддина состоялось последнее совещание. Еще раз были уточнены детали плана. Участники выступления в качестве пароля выбрали слово «Победа». Насер приготовил список девяноста девяти человек, которым полагалось знать пароль. За каждого из них он мог поручиться. Остальных членов организации о восстании не оповестили. Почти с каждым из девяноста девяти участников переворота Насер переговорил в этот день лично, поставил перед ним конкретные и четкие задачи. Его черный «остин» весь день колесил по улицам Каира.

Существовал у участников восстания и другой список: двадцати генералов, которых надлежало арестовать.

После установления в казармах контроля повстанцев всем офицерам в звании майора и выше вход туда запрещался.

Салах Салим был специально оставлен на Синае, чтобы не допустить присылки оттуда войск для подавления революции.

Халид Мохиеддин отвечал за захват важного стратегического района Аббасия — Гелиополис, где находились казармы.

Абдель Хакиму Амеру предстояло блокировать Генеральный штаб.

Насер руководил всей операцией.

Важно было предупредить членов организации в Александрии. Ведь там находились король, правительство, многие иностранные послы. Насер решил послать туда своего брата.

После совещания Насер поехал к Садату, но не застал его дома. Ждать было некогда. Оставив записку, Гамаль отправился разыскивать других офицеров.

В доме у Сарвата Окаши собрались офицеры мотомеханизированного батальона. Они заявили, что им нужны пулеметы. Насер обещал помочь.

Оставалось найти офицера, ответственного за тайный склад оружия. Его тоже не было дома.

Насер поехал дальше. Но тут неожиданно его остановил полицейский.

— В чем дело? — спросил его Насер.

— Почему у вас не горит задний фонарь?

Случилось самое нелепое, что могло произойти.

Смеркалось. После длительной перебранки полицейский наконец сел на мотоцикл. Насер продолжал объезжать офицеров. Он очень устал и решил заскочить домой. Жена и дети уже спали. Братья Лесси и Шауки сидели у приемника. Гамаль принял холодный душ. Он одевался, когда кто-то постучал в дверь. Гамаль сразу определил: военный. Вошел старший лейтенант военной разведки Саад Тауфик. Он не был в списке девяноста девяти. Насер боялся полностью положиться на него.

— Что происходит, Гамаль? — спросил Саад с порога.

Гамаль непонимающе покачал головой.

— Это будет сегодня ночью?

Гамаль снова покачал головой, пропуская его в дом.

— Тогда зачем ты надеваешь форму?

— Ты пришел допрашивать меня? — сердито спросил его Насер.

— Я пришел сказать тебе, что надо отложить выступление.

— Что отложить?

— Выступление, которое ты наметил.

— Почему?

— Они оповещены.

— Кто оповещен?

— Фарук знает о подготовке переворота. Связался с начальником Генштаба.

— Так. Кто еще? Говори быстрее…

Это была новая неприятность.

— Начальник Генштаба приказал вызвать всех командиров дивизий и бригад в управление армии у Кубри эль-Кубба.

— Откуда тебе это известно? — не унимался Гамаль.

— Сегодня я дежурный офицер в управлении разведки, — объяснил Саад. — У меня едва нашлась минута, чтобы прийти к тебе. Прошу, отложи операцию…

— Нет. Это невозможно, — ответил Гамаль, наконец доверившись Сааду. — Колесо уже завертелось. Можешь возвращаться.

— Нет, — внезапно сказал Саад. — Я останусь с тобой. Я такой же «свободный офицер», как и ты.

Гамаль велел Сааду срочно идти домой, переодеться, взять оружие и ждать в условленном месте.

После этого Гамаль сказал братьям: «У меня двести фунтов.

Сто я оставлю при себе. Остальные отдаю вам. Если что случится, позаботьтесь о семье…»

Сев в машину, Насер поехал к Амеру. Гамаль сообщил собравшимся у Амера об экстренном совещании в Генштабе.

— Если бы мы смогли захватить их всех сразу! — сказал Насер. Выступление было назначено на час ночи. Часы Гамаля показывали одиннадцать часов сорок две минуты.

— Пойдем в казармы поднимать солдат, — предложил Амер.

Центральный вход в военный городок был закрыт. Перед воротами необычно много военных полицейских. Повернули ко вторым воротам. Они тоже закрывались.

— Чья это работа? — спросил Насер.

— Не знаю. Попробуем заехать с другой стороны, — сказал Амер.

Только сейчас вспомнил Насер, что не захватил Саада Тауфика. Было одиннадцать часов пятьдесят минут. Он решил сдержать слово и вернуться за ним. Около университета «Айн Шамс» Насер и Амер увидели прямо перед собой колонну бронемашин с потушенными огнями.

— Враги действуют быстро, — сказал Насер, нажимая на тормоза.

— Мне кажется, это повстанцы, — сказал Амер.

Они остановились. Когда подошли первые машины, Насер и Амер поняли, что это тринадцатый батальон.

Неожиданно молодой лейтенант приказал окружить «остин».

— Ты можешь убираться! — крикнул он грубо Амеру, бывшему в гражданской одежде. — А ты, — офицер потряс перед носом Насера пистолетом, — арестован. Майорам запрещено шляться по улицам этой ночью.

Насер начал проявлять нетерпение. Время шло. Генералы, должно быть, уже кончали совещание. Они могли дать сигнал тревоги.

— Я знаю твоего командира, — сказал Насер.

— Никого ты не знаешь. Ты не знаешь, что это за ночь…

В этот момент подъехал «джип».

— Гамаль, — послышалось оттуда, — что ты тут делаешь?

Насер узнал старшего лейтенанта Юсефа Сиддика, командира батальона. Утром Гамаль просил его не участвовать в перевороте. У Сиддика был туберкулез. Накануне у него началось горловое кровотечение. Но Юсеф был марксистом. Он бредил революцией. Сейчас Сиддик радостно улыбался. Большинство офицеров в его батальоне были в прошлом учениками Насера.

— Нас арестовали, — сказал Гамаль.

— Командир нашей дивизии тоже арестован, — доложил

Юсеф Насеру. — Сидит в моей машине. Группа к исполнению задания готова.

Гамаль в общих чертах обрисовал положение.

— Теперь твой батальон должен немедленно арестовать генералов, пока они не разошлись с совещания, — сказал он.

Приказ был отдан. Батальон продолжил движение…

Подразделение Сиддика окружило здание Генерального штаба. Охрана попыталась оказать сопротивление. Перестрелка длилась минут десять. Затем генералы вышли из здания с поднятыми руками.

— На восемь больше, чем я занес в список, — сказал Насер.

В это время вошел Садат.

В наши дни Садат пытается в своих публичных выступлениях и мемуарных книгах изобразить себя чуть ли не организатором и отцом египетской революции. Вот как все обстояло на самом деле… Хасан Ибрагим по заданию Насера успел побывать на Синае и сообщить Садату, что восстание должно произойти между 22 июля и 5 августа. Сказав командиру, что у него заболела мать, Анвар Садат сел в поезд и 22 июля приехал в Каир. Однако Насер так и не нашел его в этот день, а операцию по выведению из строя связи пришлось поручить другому офицеру.

«Приехав в Каир в четыре тридцать, — пишет Садат, — я решил провести вечер с детьми в летнем кинотеатре, расположенном недалеко от дома, и явиться на следующее утро к Гамалю Абдель Насеру, чтобы получить от него задание. В это время Гамаль Абдель Насер приезжал ко мне домой на своем знаменитом „остине“ и не нашел меня… Гамаль вернулся через час и, не застав меня снова, оставил визитную карточку с запиской: „План осуществляется сегодня. Встреча у Абдель Хакима Амера в 11…“»

Обращает на себя внимание факт, что эпизоду с посещением кинотеатра во время революционного выступления в последних воспоминаниях уделено меньше внимания, чем в ранних трудах Садата. Тогда еще был жив Насер, и уж он-то хорошо знал, почему Садат не связался с ним тотчас после приезда из аль-Ариша в Каир.

Однако ни в одной из своих книг Садат не упоминает об эпизоде в кинотеатре. О нем стало известно из документа, использованного египетским публицистом Гали Шукри в книге «Контрреволюция», изданной в Бейруте. Как выяснилось впоследствии из бумаг, найденных в полицейском участке около кинотеатра «Маниал», Садат затеял драку во время сеанса с соседом, обвинив его в том, что тот якобы «странно посмотрел на

его жену». На крик прибежали полицейские, и Садат потребовал, чтобы они составили протокол с указанием имен участников драки и свидетелей. Этот полицейский документ должен был в случае неудачи революционного выступления засвидетельствовать, что Садат не принимал в нем участия.

Обо всем этом узнали впоследствии руководители египетской революции.

«Вернувшись из кино, — продолжает Анвар Садат, — я кинулся к Амеру, но его уже не было дома…

Сперва я хотел пойти в штаб армии, ведь если операция началась, значит, повстанцы должны были направиться туда. Я мчался по улицам Каира с самой большой скоростью, которую только можно было выжать из моей машины. Около заставы Аббасия машину остановил офицер. Несмотря на то, что он был всего лишь лейтенантом, офицер заявил мне решительным голосом, когда посмотрел на мои погоны:

— Идите в свою часть и ждите утром новых приказаний.

…Я поехал дальше, к заставе Савари, но путь был закрыт. Со стороны штаба доносились звуки выстрелов. Я понял, что операция началась, и решил проскочить через заслон наших войск, но офицер не пустил меня, потому что мне был неизвестен пароль. Положение мое было ужасно. Не зная пароля, я мог пройти, только переступив через труп младшего офицера. Что оставалось делать?

…Я развернул машину и направился к мосту Кубба, чтобы проехать с другого входа к военному госпиталю. Но и там путь был перекрыт. Однако офицер заставы узнал меня… Это был старший лейтенант, служивший со мной в Рафахе. Много времени мы провели с ним там вместе. Успокоившись, я повел машину к заставе. Надежда ожила во мне. Значит, все-таки я приму участие в операции.

Но едва я стал приближаться к заставе, как услышал голос лейтенанта, своего друга, приказывавшего мне остановиться. Потом, подойдя ближе, он вгляделся в меня, но его лицо ничего хорошего не предвещало. Мой товарищ не знал, что я был „свободным офицером“, и приказал арестовать меня.

Я чувствовал, как мне сдавило грудь. Голова моя была готова расколоться. Напрасно я пытался объяснить что-то ему. Дружба, которая связывала нас, не помогла… Он не верил мне, потому что я не знал пароль. Я не мог ничего придумать, а звуки выстрелов между тем становились все отчетливее.

Внезапно надежда вновь пробудилась во мне. Я стоял со своим лейтенантом, который арестовал меня на мосту, когда услышал издали голос Амера. Амер!.. Я воспрянул духом. Мимо

ехали автомашины с солдатами и офицерами. Это были наши восставшие войска!

— Абдель Хаким, Абдель Хаким! Это я, Анвар!

Амер направился ко мне. Только после этого мой друг лейтенант освободил меня из-под ареста…

Я пошел с Амером. Он дал мне пистолет. Сам Абдель Хаким был вооружен в эту ночь до зубов.

— Командование армии пало, — сказал он».

Итак, даже со слов самого Садата можно судить о той роли, которую он сыграл в революции.

Принимая Садата в организацию «Свободные офицеры», Насер плохо знал его прошлое. Слухов о нем ходило множество. Доподлинно известно, что Садат дважды сидел в тюрьме по политическим мотивам. Детально разбираться в этом не было времени. В стране назревала революционная ситуация. Подробности арестов Садата стали известны много лет спустя из его собственных признаний в книге «В поисках себя», изданной в 1978 году в Каире.

«В конце 1941 года я встретился с Азизом-пашой по его просьбе. Он нуждался в помощи для организации поездки в Ирак. Было получено письмо от немцев, в котором они требовали оказать помощь Рашиду Али аль-Киляни, свершившему антианглийский переворот в Ираке.

Мои связи ограничивались прежде всего товарищами по оружию и выпуску. Но победы Гитлера, которые следовали одна за другой в 1939, 1940, 1941 годах, и поражения англичан подтолкнули меня к тому, чтобы расширить круг. Постепенно в него вошли многие из тех, кто вступил в армию после нас, и немало лиц, пришедших на военную службу до нас.

Так мы создали первую секретную организацию офицеров в 1939 году», — пишет Садат.

Однако это не та организация, которая свершила 22 июня 1952 года революцию и которую организовал, как известно, Г. А. Насер. Тем не менее позднее, став президентом, Садат приписал заслугу в рождении этой организации себе.

Насер создал организацию «Свободные офицеры» совершенно на иных принципах, что признавал прежде и сам Садат: «Я не имел законспирированных ячеек с целью подготовки вооруженной революции, как сделал Насер после его возвращения из Судана в декабре 1942 года».

Группировка же, о которой пишет Садат, носила достаточно узкий и, как признает он сам, террористический характер.

Вскоре было получено второе письмо от немцев о том, что их самолет будет ждать Азиза-пашу у горы Реза по дороге на Фаюм в

назначенный день на заходе солнца.

Но добраться к самолету Азиз-паша не сумел. Тогда попытались переправить его на украденном военном самолете в Бейрут, но самолет вынужден был совершить посадку на поле, недалеко от Бенхи. Всем троим с помощью местного чиновника удалось укрыться в Каире.

На месте происшествия нашли чемодан с инициалами А. М. Азиз-паша попал под подозрение. Выяснилось, что самолет держал курс на Бейрут. «Ввиду того, что власти знали об антианглийских настроениях Азиза-паши, стало ясно, что он намеревался связаться с немцами. А так как мои связи с ним тоже известны, меня тотчас арестовали в аль-Гаравиле и отправили под конвоем в Каир», — пишет Садат.

Тогда, во время расследования дела о попытке Азиза-паши к бегству в Бейрут, Садату удалось, как он пишет, уйти от ответственности. Рассказывая о своей агентурной деятельности в пользу фашистов, Садат старается изобразить себя в ореоле «борца» за свободу и независимость Египта против англичан, хотя хорошо известно, что подлинные борцы за независимость, настоящие патриоты осознали опасность немецкого фашизма, рвавшегося к ближневосточной нефти, стремившегося закабалить арабов. Примером подлинных устремлений фашистов служила для арабских патриотов судьба растоптанной ими Ливии.

И как бы ни ненавидели Насер и офицеры, вошедшие в его организацию, английский империализм, они не унизились до службы гитлеровцам, открыто презиравшим арабов как «неполноценную нацию».

Однако в мемуарах Садата читаем:

«Мы договорились послать человека в аль-Аламейн и сообщить Роммелю, что мы, честные египтяне, создали группировку в армии и ведем борьбу против англичан. Мы готовы составить целую дивизию для того, чтобы сражаться на стороне Германии. Мы готовы также снабдить вас фотоснимками всех позиций британских войск в Египте и, более того, мы обещаем, что ни одному английскому солдату не уйти из Каира».

Вот в чем, оказывается, состоял квислинговский «патриотизм» Садата.

Эти предложения, обращенные к гитлеровцам, которые Садат называет ни много ни мало как «условиями договора», были написаны им лично, а затем отправлены на украденном самолете из Каира в аль-Аламейн с неким Ахмедом Сауди.

Но Садат не ограничился посылкой предложений и фотоснимков. Ожидая наступления гитлеровцев, он лично отправился на рынок и купил десять тысяч пустых бутылок,

чтобы, наполнив их зажигательной смесью, использовать затем против тех, кто будет оказывать фашистам сопротивление.

Однако, пролетая над позициями немецких войск под аль-Аламейном, самолет был сбит, несмотря на то, что подавал дружеские сигналы. Все, что посылал Садат Роммелю, погибло. Военная прокуратура возбудила следствие по делу о краже самолета. Садат и на этот раз сумел остаться в тени, а кое-кто из его товарищей оказался арестованным.

Но в этот момент случилось, как пишет Садат, «непредвиденное»: «Ко мне пришел коллега Хасан Иззет, чтобы сообщить, что два офицера германской армии хотят связаться со мной для сотрудничества. Я обрадовался и сказал, что эту помощь послало мне небо».

Один из них — сын немки, бывшей замужем за египетским советником. Он прожил немалый срок в Египте и говорил по-арабски свободно, как египтянин.

Второй же его товарищ — офицер связи — не знал арабского совершенно. У них была сломанная немецкая рация. Они показали Садату два аппарата: один — немецкий, сломанный, а другой — американский, совершенно новый. «Это был прекрасный, сильный аппарат, — со знанием дела описывает его качества Садат. — Эблер сообщил, что после того, как сломалась немецкая рация, он связался со швейцарским посольством, представлявшим германские интересы в Египте, и поверенный в делах Германии, немец по национальности, снабдил их этим американским аппаратом. Но у агентов не было к нему ключей. Я предложил привести его в действие египетскими ключами.

Они дали согласие. Забрав рацию, я вызвал такси и поехал домой. Опробовал аппарат и, найдя его в прекрасном состоянии, я был безмерно рад. Наконец-то мы сможем связаться с Роммелем и передать ему наши предложения, которые я некогда включил в не дошедший до него „договор“. Иначе как можно объяснить это молчание? До каких пор мы будем оставлять все как есть? Время бежит быстро. Роммель может вступить в Каир в любой момент.

Я не подозревал, что Эблер и Санди были под наблюдением. Поэтому удивился, когда утром ко мне и Хасану Иззету пришло письмо, в котором сообщалось, что Эблер и его коллега схвачены английской разведкой. В ту же ночь к нам прибыли „посетители“».

Так был арестован Садат. Обыскав дом, жандармы, однако, не нашли рацию, которую сумел перепрятать его брат во время обыска. Тем не менее на этот раз ему не удалось ввести в заблуждение следственные органы. С 1942 по 1944 год Садат находился в тюрьме и едва избежал виселицы.

Просидев несколько лет после ареста за связь с немецкими шпионами, Садат совершил бегство из тюрьмы и сразу же, как он пишет, принялся за воссоздание своей секретной организации. Шел 1945 год, сентябрь. Гитлеровская Германия уже разбита. Кого же привлекает Садат в организацию? Родственников лиц, служивших, как и сам Садат, интересам гитлеровцев, террористов, людей с темным прошлым… Один из них, некий Омар Абу Али, брат Сауда Хуссейна, летчика, которого Садат направил в свое время к Роммелю и самолет которого случайно был сбит немцами. Другой — некто Хуссейн Тауфик занимался до этого личным террором против англичан.

«Но разве убийство горстки английских солдат — это путь к освобождению Египта? — задает демагогически и вопрос Садат. — Конечно же, нет», — отвечает он сам себе и тут же сообщает, что они решили совершить убийство не какого-то там рядового английского солдата, а председателя партии «Вафд» Наххаса-пашу, бывшего в годы второй мировой войны премьер-министром правительства, которое вело энергичную борьбу против фашистской агентуры в стране.

Правительство Наххаса-паши, как известно, даже в условиях войны сумело провести ряд прогрессивных социальных и экономических реформ. Оно установило дипломатические отношения с СССР, ввело бесплатное начальное образование, снизило налоги с местных землевладельцев, впервые в истории страны признало право рабочих профсоюзов на легальную деятельность. Арабская реакция была недовольна в тот период деятельностью Наххаса-паши, в результате чего, как только наступил решающий перелом в войне, англичане поспешили заменить его на посту премьер-министра. Только случай помог Наххаса-паше избежать смерти. Садат пишет, что он лично руководил подготовкой террористического акта против этого человека и наблюдал за операцией, закончившейся неудачей.

О том, насколько серьезно руководствовались патриотическими побуждениями члены тайной организации в своей деятельности, говорит тот факт, что после одного из подобных террористических актов его участник Хуссейн Тауфик был схвачен и выдал своих товарищей. Оказалось, что им руководило прежде всего желание стать «героем». Участники тайной группировки, арестованные на основании показаний Хуссейна Тауфика, в свою очередь, выдали остальных ее членов, в том числе и Садата. Он же показал, что на горе Мукаттам террористы имели склад оружия.

Садата ожидала суровая мера наказания, возможно, расстрел. Однако вместо этого после тридцати одного месяца пребывания в

тюрьме он оказывается вновь на свободе. Это наводит на подозрение, что какая-то могучая рука помогла Садату избежать наказания.

Уже после революции 1952 года вскрылись факты близких отношений Садата с неким Юсефом Рашадом, доверенным лицом короля Фарука, и его женой. Пытаясь как-то объяснить и оправдать эту связь, Садат утверждает, будто бы он получал через Юсефа Рашада важную информацию обо всем, что связано с королем и его окружением. Материалы, появившиеся в арабской печати, в частности в связи с работой суда арабской общественности над Садатом, объявившего его предателем арабской нации, позволяют сделать иной вывод, а именно, что король использовал Садата через своего личного врача Юсефа Рашада для слежки над патриотически настроенными офицерами. Только после того как Садат стал агентом королевской охранки, был отдан беспрецедентный приказ о возвращении его, офицера, судившегося за предательство родины, в армию.

Жители Каира не спят в жаркие летние ночи. До рассвета не смолкает гомон на улицах. Но в ту ночь улицы опустели, потухли огни в домах, хозяева спешно закрывали на тяжелые засовы ночные заведения. По улицам египетской столицы громыхали танки, двигались колонны солдат. Люди думали, что английская армия, расположенная на канале, вступает в Каир.

«В ту памятную ночь, — рассказывает Халид Мохиеддин, — я должен был поднять мотомеханизированный батальон и захватить важные объекты в районе Аббасия — Гелиополис. Солдаты знали меня, и потому не стоило большого труда уговорить их действовать. Я сказал им: „Солдаты, наша родина в трудном положении. В эти критические минуты Совет руководства революцией поручает нам выполнить свой долг“.

Этого оказалось достаточно, чтобы батальон дружно выступил под командованием своего офицера. Однако в казарме появился офицер, который мог испортить все дело. Пришлось арестовать его. Жребий был брошен. Я приказал солдатам занять указанные Насером объекты, мы захватили их почти без сопротивления».

Удостоверившись лично, что операция проходит по задуманному плану, Насер направился в здание командования армией и сел в кабинете у телефона. Приказ о нарушении связи выполнен не был. Но теперь это было на руку повстанцам: они могли узнать, что творится в других районах страны. Через минуту раздался звонок. Генерал-майор Нагуми просил сообщить, где находится начальник Генштаба. Генерал звонил из Александрии.

— Паша проверяет посты, — ответил Насер.

— С кем имею честь разговаривать? — не унимался генерал.

— Дежурный офицер.

— Мне успели сказать по телефону, что на улицах стреляют, но у нас прервалась связь, — продолжал он. — Что происходит в столице?

— Ничего особенного, — успокоил его Гамаль.

Повстанцы уже победили в столице, но Насер считал, что необходима осторожность, так как в Александрии власть оставалась в руках короля. Местные «свободные офицеры», получив письмо Насера, не поверили в его подлинность.

Телефон звонил без конца. Уставший Гамаль поднял трубку и машинально сказал:

— Гамаль Абдель Насер слушает.

— Что ты здесь делаешь, Гамаль? — спросил удивленный голос. Это звонил генерал, бывший учитель Насера.

— Господин генерал, лучше, если вы в этот момент перестанете задавать вопросы. Идите и ложитесь спать… — ответил Насер и в сердцах бросил трубку.

Вскоре перед зданием командования армией появилось подразделение солдат. Оскорбленный генерал хотел атаковать повстанцев, но, разобравшись, в чем дело, командир подразделения объявил, что поддерживает революцию.

Через несколько минут снова зазвонил телефон. Гамаль Абдель Насер поднял трубку. Звонил генерал Нагиб.

— Мне звонили из Александрии, просили узнать, что происходит в здании командования армией, — начал Нагиб.

— Сегодня ночью восстали «свободные офицеры», — сказал Гамаль. — Мы пошлем за вами машину…

В три часа ночи приехал Нагиб. Он вошел и поздравил Гамаля с победой. Потом они сели, чтобы обсудить положение в стране.

Начальнику разведки ВВС Али Сабри было приказано явиться в здание командования армией. Насер поручил ему срочно оповестить посольство США о перевороте и назвать генерала Мухаммеда Нагиба руководителем революции: «Предупреди американцев, что революция не направлена против иностранных государств. Попроси, чтобы посол США сказал об этом послу Великобритании».

Через несколько минут Сабри доложил, что он связался с посольством по телефону. Посол США Кэффери обещал сообщить обо всем англичанам.

Таким образом, Насер усыпил бдительность американцев. Это был умный ход. Американцы надеялись, что они могут

рассчитывать на сотрудничество с новым режимом, если его представители проявили такое внимание к их посольству. То, что англичане узнали о перевороте через посольство США, обязывало Лондон быть осторожным.

Разведывательные дозоры с Суэцкой дороги сообщили хорошие вести. Никаких передвижений английских войск замечено не было.

В четыре часа утра явился усталый майор Хуссейн аль-Шафи.

— Начальник Генерального штаба выехал из Александрии, чтобы узнать, в чем дело, и попал прямо к нам. Сперва он пытался угрожать, потом напомнил о присяге. Мы арестовали его, — рассказывал он. — Восставшие войска заняли все стратегические пункты, в том числе радиостанцию, аэродромы, вокзал…

Однако успел бежать генерал Сирри Амер. Это немного беспокоило Насера.

В пять часов утра раздался телефонный звонок из Александрии. Говорил премьер-министр аль-Гиляли. Насер передал трубку Нагибу. Беседа была утомительной и долгой. Премьер-министр предлагал сформировать новое правительство и назначить генерала Нагиба военным министром. Это означало, что король шел на уступки. Двор был перепуган. Посоветовавшись с Насером и Амером, Нагиб отказался.

Амер заготовил текст революционного манифеста для публикации в газетах. Собрались на короткое совещание, чтобы обсудить вопрос о том, как представить народу генерала Нагиба. Насер посоветовал именовать его «главнокомандующим египетских вооруженных сил». Все согласились.

В семь часов утра 23 июля 1952 года был зачитан по радио от имени генерала Нагиба исторический манифест.

…Генерал Нагиб выступил перед большой группой журналистов, собравшихся после объявления по радио манифеста. Насер подозвал одного из друзей:

— Поезжай к моей жене, расскажи обо всем, скажи, что я дал клятву: не вернусь домой, пока Фарук не покинет Египет.

Потом заседал Совет руководства революцией: обсуждались проблемы, связанные с формированием правительства. Насер предложил поручить это дело Али Махиру.

— Важно, чтобы это был достаточно авторитетный при дворе человек, который бы смог заставить Фарука подписать отречение от престола, — пояснил он свое предложение.

Связаться с Али Махиром поручили одному из офицеров. Застав будущего премьера в ванной, он долго и витиевато, как любил Махир, выставлял одно за другим обвинения против короля, прежде чем престарелый политик понял, что за

революция произошла в стране. Он обещал подумать…

Имя генерала Нагиба появилось на первых полосах газет всего мира. Днем он выехал в город. Его всюду приветствовали восторженные толпы каирцев. Но лишь немногие знали того, кто был подлинным вождем революции. Насер оставался в глазах подавляющего большинства египтян незаметным, скромным офицером.

«Я приказал, — писал впоследствии Насер, — не раскрывать никого, кроме генерала Нагиба. Я хотел, чтобы весь свет падал на него. Основная причина такого приказа состоит в том, что я боялся раскола в рядах „свободных офицеров“. Нам всем было по тридцать два — тридцать четыре года, за исключением Халида Мохиеддина, который был моложе. Все мы имели примерно равные звания. Я знал, что англичане и наши внутренние враги попытаются столкнуть нас друг с другом, если мы предоставим им такую возможность. Однако, зная это и сделав человека вроде Нагиба, который был старше нас, номинальным президентом, я полагал, что мы сохраним единство».

В стране была введена строгая цензура, которая внимательно следила за тем, чтобы имена членов Совета руководства революцией не просочились в печать.

Генералу Нагибу приписывали разработку плана восстания. В США была издана его биография. Когда через несколько недель после переворота одному известному английскому журналисту удалось встретиться и поговорить с Насером, журналист удивился.

— Он рассуждает как коммунист, — поделился англичанин своими впечатлениями с Хейкалом. — А не мог бы ты организовать мне встречу с Нагибом?

Насер мало интересовал иностранных журналистов.

Революция победила. Но ползли слухи о том, что король, отсиживающийся в Александрии, готовит контрреволюционный мятеж. Надо было действовать быстро. Насер отдал приказ двум бригадам направиться в Александрию. Одна из них двинулась по пустыне, другая через дельту Нила. На следующий же день пришло сообщение о том, что в пустыне захвачен и под охраной направлен в Каир генерал Сирри Амер.

Через несколько часов раздался телефонный звонок. «Свободные офицеры» сообщали, что вылетевший с Садатом Нагиб встречен в Александрии с ликованием. Однако кое-что настораживало. Никто в Александрии не знал толком, где король. Насер приказал немедленно навести справки. По некоторым сведениям король вел переговоры с англичанами и просил перебросить войска с канала.

Революционные войска добрались до Александрии на третьи сутки. Насер назначил Закарию Мохиеддина ответственным за операцию. Готовился документ, который Али Махир должен был передать королю. Тем временем в Совете руководства революцией обнаружились расхождения, связанные с дальнейшей судьбой короля. Салах Салим настаивал на смертной казни. Закария Мохиеддин колебался. Нагиб вообще не принимал участия в дискуссии. На следующее утро в Каир прилетел Гамаль Салим. Он тоже требовал смертной казни.

Пять членов Совета руководства революцией, находившиеся в Каире, собрались на совещание. Сначала выступил Гамаль Салим, затем Насер.

— Если казнить Фарука, народ растерзает завтра еще триста человек из его свиты. Это приведет к новой резне, и не будет возможности прекратить этот процесс, — говорил он.

После нескольких часов горячего спора большинство поддержало Насера.

С первого же дня после победы революции в нем проявились качества, которые потом не раз помогали ему удержаться на краю пропасти, — осторожность, умеренность, расчет. Проявив решительность и твердость в момент революционного выступления, Насер не хотел рисковать сейчас, когда уже революция победила.

В Александрию было направлено письмо:

«Необходимо как можно скорее избавиться от Фарука, чтобы заняться тем, что более важно, — ликвидацией в стране коррупции… Мы должны проложить путь новой эпохе, когда народ будет пользоваться своими суверенными правами. Справедливость — один из наших принципов. Мы не хотим предавать Фарука казни без суда. Но мы не можем держать его в заключении, пока происходит расследование, если не хотим рисковать революцией. Давайте избавимся от Фарука, отправив его в изгнание. История приговорит его к смерти».

Это решение было правильным. Оно исключало английское вмешательство. Насер, настоявший на принятии такого решения, проявил себя хорошим тактиком. Нагиб, расходившийся с Насером во многих вопросах и имевший основания относиться к нему впоследствии с предубеждением, тем не менее позднее писал: «Я никогда не чувствовал большего восхищения перед Абдель Насером, чем в тот момент».

А появление впоследствии Фарука в Европе, его кутежи и беспутная жизнь, о чем печать растрезвонила по всему свету, принесли египетской революции больше пользы, чем казнь, которой требовали некоторые из «свободных офицеров».

Вскоре в кабинете Насера снова раздался звонок из Александрии. «Свободные офицеры» докладывали, что оба дворца, Монтаза и Раас аль-Тин, захвачены повстанцами. Чтобы пресечь всякую возможность бегства Фарука, самолеты постоянно находятся в воздухе.

…Однажды во время охоты Фарук увидел подыхающего льва, ужаленного коброй. Венценосный художник-любитель сделал в своем блокноте несколько набросков: лев нападает на беззащитную обезьяну, кобра жалит льва, мангуст убивает кобру. По рисункам Фарука один из итальянских ваятелей создал скульптурную композицию. Фарук был достаточно проницателен: он заметил, что придворная жизнь напоминает этот беспощадный мир пустыни.

Совсем юношей Фарук приехал из Англии, где он учился, в Египет, чтобы занять трон после смерти своего отца — короля Фуада. Некоторые сулили молодому королю большое будущее. Но «надежда Египта» проявила себя только в одном: в собирательстве. Из Австрии и Бразилии ему присылали коробки с бабочками, у знаменитых нумизматов Парижа и Рима выменивались для него редкие монеты и почтовые марки.

Вскоре он женился на дочери крупного египетского феодала Зульфикара. Теперь к двум «Ф» (Фуад, Фарук), которыми он помечал личные вещи, прибавилось третье «Ф» (Фарида — так звали новую королеву). Потом появится и четвертое «Ф» (сын Фуад).

Юная королева оказалась женщиной с сильным характером. Вначале она оказывала большое влияние на податливого Фарука. Постепенно это стало королю в тягость. Зато преданный итальянец Болли всегда мог «устроить» не только партию вин столетней давности, но и завербовать в европейских странах целый табор голубоглазых блондинок. Фарук с головой ушел в «сладкую жизнь». Фарида потребовала развода.

Королю был нужен наследник. Однако доктора боялись, что поизносившееся здоровье помешает Фаруку обзавестись потомством. Все-таки он вновь женился. На этот раз королевой стала девушка из простонародья. Ее звали Нариман.

Но новая женитьба не изменила образ жизни короля. Болли превратился теперь в полновластного временщика…

Узнав о перевороте, Фарук впал в прострацию: то вдруг начинал надеяться на хороший исход, на чудо, то говорил, что его повесят. Отчаянно пытаясь спастись, он взывал и к англичанам, и к американцам. Фарук даже просил Кэффери прислать броненосец, однако посол убедил его в том, что бегство недостойно короля.

Когда Кэффери выходил из королевских апартаментов, во дворец Раас аль-Тин приехала группа «свободных офицеров».

Утром 26 июля военный атташе США предупредил «свободных офицеров», что Вашингтон настаивает на сохранении жизни королю и членам его семьи. Генерал Нагиб лично согласился гарантировать безопасность Фарука.

«Свободные офицеры» пообещали, что отречение произойдет «достойным образом». Они разрешили королю отплыть в Неаполь на его яхте «Махруса».

Но не все просьбы короля были удовлетворены. Насер отказался перевести на счет короля ценности, оставленные в Египте. Ему не разрешили взять с собой коллекцию монет и почтовых марок, которую «свободные офицеры» объявили народным достоянием. Яхта «Махруса», доставив короля в Неаполь, должна была вернуться в Египет.

У короля не было выбора. Дрожащей рукой он подписал акт об отречении от престола, сделав ошибку в своем собственном имени. Великолепно зная английский и французский языки, Фарук плохо умел писать на языке страны, которой его семья правила более ста лет.

«Поскольку мы всегда стремились к счастью и благополучию нашего народа и искренне желая избавить его от трудностей, которые возникли в это критическое время, мы подчиняемся воле народа. Мы решили отречься от престола в пользу нашего наследника принца Ахмеда Фуада и согласно настоящему рескрипту передаем наши права Его превосходительству Али Махиру-паше, премьер-министру, о чем мы, собственно, заявляем…»

Король хотел сперва вычеркнуть фразу «подчиняемся воле народа», но юрист, готовивший текст отречения, заставил его оставить и эти слова. Шесть часов было дано семье Фарука на сборы. Двести четыре чемодана успела упаковать королевская семья за это время. Не за был король и про ящики с шампанским из своих погребов.

Настало время отъезда. Фарук в белой форме адмирала египетского флота вошел в салон прощаться с премьер-министром и иностранными послами. Генерал Нагиб вспоминает, что король ему напоследок сказал: «Ваша задача будет трудной. Вы узнаете, как нелегко управлять Египтом».

Иногда задают вопрос: почему английские войска, расквартированные в зоне Суэцкого канала, не выступили на защиту Фарука? Почему не вмешался английский посол, который раньше снимал и назначал премьер-министров Египта?

Ответ на этот вопрос позволяет нам оценить выдающиеся

качества Насера не только как вождя революции, но и как дипломата, политического деятеля. Благодаря строгой конспирации, существовавшей в организации «Свободные офицеры», пожалуй, впервые английская агентура не знала заранее, что происходило в стране. И английский посол, и Лондон были поставлены в тупик развернувшимися событиями. Лишь 24 июля утром узнали англичане о том, что в Каире восстала армия. Вмешиваться было поздно. Потом вновь своими действиями относительно Фарука «свободные офицеры» ввели в заблуждение английское посольство.

Лондон, видимо, рассчитывал, что не все еще потеряно, что с руководителями восстания удастся договориться. Когда же эти надежды рухнули и низложенный король навсегда покинул египетскую землю, английское посольство потребовало, чтобы Совет руководства революцией ввел чрезвычайное положение в столице, обеспечил безопасность иностранцев, создал регентский совет и сохранил монархию.

И опять Насер проявил гибкость. У англичан так и не появилось повода для предъявления претензий. Иностранцам была гарантирована безопасность. И некоторое время после революции Египет оставался монархическим государством.

Существовал еще один важный фактор: активные действия на Ближнем Востоке американцев, объявивших себя друзьями арабских народов. Воспоминания самих участников революции 1952 года, в том числе Насера, свидетельствуют о том, что поначалу некоторые «свободные офицеры» верили американцам. И лишь потом, убедившись на собственном опыте в корыстных целях США, они поняли империалистическую сущность американской политики.

«Революция 1952 года по своему характеру была демократической, национальной, — поясняет Халид Мохиеддин. — В те годы не все понимали цели американской политики. США были для египтян „новой“ державой. Они знали колонизаторов — англичан и искренне думали, что могут опереться в борьбе с ними на США. Об СССР египтяне имели искаженное представление. Империалистическая пропаганда запугивала египтян коммунизмом».

Американцы мечтали найти сильных и достаточно авторитетных политиков, которые смогли бы проводить в арабских странах «непопулярные решения». С их помощью в 1949 году в Сирии пришел к власти начальник генерального штаба Хусни Заим. Однако он не смог справиться с народным движением и был свергнут.

После неудачи в Сирии американцы поняли, что ключ к

влиянию на Ближнем Востоке нужно искать в Египте. Свои надежды они связывали с Кэффери, одним из самых блестящих американских дипломатов. В его послужном списке значилось около 30 переворотов в странах Латинской Америки. Он заставил многие европейские государства принять план Маршалла. Он же был одним из организаторов НАТО.

Теперь Кэффери предстояло создать военный блок на Ближнем Востоке. Для этого надо было вручить судьбу Египта в руки надежного диктатора. Для выполнения той же задачи государственный секретарь США Дин Ачесон создал в конце 1952 года комитет из специалистов по Ближнему Востоку под руководством сотрудника ЦРУ Кермета Рузвельта. Ему не впервые приходилось заниматься Ближним Востоком. Со времен второй мировой войны он считался личным другом короля Фарука. Заранее, исподволь готовил Кермет Рузвельт его к мысли, что после окончания войны на Ближнем Востоке возникнут совершенно новые политические условия и Фарук будет первым в истории страны «независимым королем». Однако вскоре американцы разочаровались в Фаруке. Оставалось одно — подыскать подходящего человека в армии. Кермет Рузвельт первый обратил внимание на «свободных офицеров». Но он так и не смог узнать их политических планов. Вернувшись в Вашингтон, Рузвельт вынужден был признаться, что «если в Египте произойдет переворот, то он не будет нашим переворотом, но мы должны работать с его организаторами». Другого мнения придерживался Кэффери.

Впервые в жизни он потерпел фиаско. Кэффери проморгал военный переворот и теперь начал убеждать американское правительство, будто «все, что произошло, было ему известно, хотя и не им осуществлялось и направлялось». Чтобы завоевать расположение нового режима, американские дипломаты назвали даже английское присутствие в Египте «империалистическим». Английский посол, вынужденный официально доложить об этом Идену, попросил его потребовать у США замены Кэффери.

Опасная игра, которую вели руководители «свободных офицеров» с американским посольством, была, таким образом, сыграна ловко.

Глава 4

Теперь «свободные офицеры» должны были решить сложнейшую задачу — как ликвидировать монархию и добиться освобождения Египта от английского господства, ведь английская армия по-прежнему находилась в зоне Суэцкого канала.

Насер верил, что упразднение монархии — вопрос времени. Поэтому была соблюдена вся процедура объявления принца Фуада, уехавшего с королем Фаруком, наследником престола. До его совершеннолетия назначался регентский совет во главе о принцем Абдель Мунаимом. Пройдет немного времени, и монархия будет отменена правительственным декретом. Она падет спокойно и безболезненно, как пожухлый лист с ветки.

Однажды иностранных и египетских журналистов пригласили посетить дворец Кубба. Интимная обстановка, в которой жил король, впервые стала доступна постороннему взору. Офицер, сопровождавший журналистов, открывал одну за другой шкатулки, в которых лежали украшения из изумрудов и бриллиантов. Но не несметные богатства больше всего поразили журналистов, а безвкусица и патологическая извращенность последнего египетского монарха. Вперемешку с его портретами в альбомах хранились образцы самой низкопробной порнографии.

Если среди египтян стало теперь мало людей, носящих имя Фарука, то в этом виноват прежде всего сам король. Египтяне читали в газетах сообщения о похождениях за границей низложенного монарха и давали своим сыновьям Фарукам новые имена. Одним из первых это сделал генерал Нагиб.

В южной части острова Гезира находилось здание речного вокзала, обсаженного пальмами. Когда-то оно было выстроено для Фарука. Теперь здесь размещался Совет руководства революцией. Яхты Фарука еще качались на волнах у причала.

Совет руководства революцией собирался ночью, когда становилось прохладно. Насер считал, что лучшее время для творческой работы наступает после захода солнца.

Насер полагал, что, совершив переворот, армия должна передать власть политическим партиям. В частности, была сделана попытка связаться с «Вафдом». Но вскоре после революции в стране обнажились острые противоречия. Одни, среди которых были и генерал Нагиб, считали, что страна должна идти по традиционному пути буржуазной демократии. Другие, в том числе и Насер, полагали, что «свободные офицеры» сами обязаны провести реформы, которые ждет народ. Они опасались,

что «парламентская говорильня» помешает решить задачи послереволюционного строительства. Разгорелись споры среди «свободных офицеров» и по другим проблемам.

Когда после отъезда Фарука члены Совета руководства революцией вернулись из Александрии в Каир, Насер заявил:

— На нас легла большая ответственность — руководить страной. Прежде всего мы должны определить «философию», которой мы будем придерживаться…

Эта, казалось бы, отвлеченная, теоретическая проблема неожиданно приобрела важное практическое значение, так как «свободным офицерам» предстояло решить, как следует поступить с врагами революции.

Члены совета требовали принятия самых решительных мер. Насер занял более умеренную позицию. «Мы заявили народу, что взяли власть с целью его освобождения от тирании Фарука, мы не можем проводить политику террора», — объяснял он свою точку зрения. Однако все попытки Насера убедить членов Совета руководства революцией оказались тщетными. Он понимал, что на первых порах необходимо было прежде всего завоевать доверие египтян. Ведь если народ не поддержит революцию, то она захлебнется.

Собрав свои бумаги, Насер положил их в портфель и встал. Все посмотрели на него с удивлением.

— Я подаю в отставку с поста председателя Совета руководства революцией, выхожу из организации «Свободные офицеры» и увольняюсь из армии, — сказал он.

Долго и ожесточенно спорили участники совещания, но так и не смогли даже договориться об избрании нового председателя. Тогда они поняли, что Насер поступил честно, подав в отставку. Было уже за полночь, когда к Насеру отправилась делегация, члены которой обратились к нему с просьбой по-прежнему исполнять обязанности председателя Совета руководства революцией и решить спорный вопрос так, как он сочтет нужным.

На следующий день Насер вернулся в свой кабинет. С тех пор его голос стал в совете определяющим.

«После семидесяти лет английского господства египетское общество по-прежнему оставалось аграрным, обществом голубых галябий, в стране было три-четыре миллиона избыточного населения, не имевшего ни земли, ни работы, ни надежды…» — писал известный египетский публицист Мухаммед Ода. Полтора миллиона крестьян имели по четверти гектара земли на семью, а полмиллиона — по одному феддану[10] на семью.

В то же время тысяча крупнейших землевладельцев захватила

двадцать процентов всех обрабатываемых земель в Египте, при этом большинство из них по своему происхождению не были даже египтянами.

В промышленности дело обстояло примерно так же. Слой крупной египетской буржуазии состоял из иностранцев — евреев, греков, итальянцев. В стране создалась уникальная ситуация, когда борьба против засилья иностранцев сама по себе вела к социальным переменам. Эта специфика придавала арабскому национализму, который взяли на вооружение «свободные офицеры» и Насер, прогрессивный характер, что впоследствии выразилось в крупных социально-экономических преобразованиях.

Совет руководства революцией заседал почти каждую ночь. Вскоре после переворота он был расширен. К девяти прежним членам добавились новые офицеры. Теперь в совет входили: Гамаль Абдель Насер, Кемаледдин Хуссейн, Абдель Хаким Амер, Хасан Ибрагим, Абдель Мунаим, Абдель Рауф, Гамаль Салим и Салах Салим, Абдель Лятиф аль-Багдади, Халид Мохиеддин, Анвар Садат, Закария Мохиеддин и Хуссейн аль-Шафи — всего 14 человек во главе с генералом Нагибом. Однако он часто отсутствовал. К тому же генерал был болен ревматизмом. Протоколы совещания утром доставлялись к нему на подпись. Делами совета занимался Насер.

Один за другим выходили революционные указы… Университет, носивший имя Фуада, отныне стал называться Каирским. Большинство арестованных во время переворота генералов было выпущено на свободу. Совет руководства революцией запретил летние выезды правительства в Александрию. Специальным декретом отменялись титулы «пашей» и «беев». Но это были лишь первые шаги…

Свежим майским утром 1953 года, едва улегся хамсин, в Египет пожаловал Джон Фостер Даллес. Он приехал в Каир не для осмотра пирамид. Прошло уже более полугода после победы революции в Египте. Новый режим показал свою устойчивость. Настало время завязать прочные отношения со «свободными офицерами». В Вашингтоне к ним долго присматривались. Теперь руководитель американской разведки прибыл в Каир с конкретными предложениями. США сколачивали милитаристские союзы и стремились создать вокруг Советского Союза кольцо военных баз. Египту отводилась немалая роль в Багдадском пакте.[11] За участие в этом военном союзе США собирались «вознаградить» Египет.

Хищнические устремления таких держав, как Англия и

Франция, были хорошо известны в Египте. Колонизаторы позаботились о том, чтобы египтяне ничего не узнали об Октябрьской революции и о декретах первого рабоче-крестьянского государства. Правда, египтяне слышали о героической борьбе советского народа против фашизма в годы второй мировой войны, но их старались убедить, будто Советский Союз — страна, глубоко враждебная исламу. Россия представлялась арабам далекой снежной пустыней, в которой живут бородатые люди. Они не выпускают трубки изо рта, пытаясь обогреть дымом замерзшее лицо. Над снежными просторами носятся стаями черные вороны. На них охотятся. Ездят в этой стране на собаках и на оленях. Вода превращается там в лед, поэтому русские пьют горячую, как огонь, водку. Такой пропаганде верили.

Американцы заинтересовались Ближним Востоком еще в начале XX века, когда Египет посетил президент США Теодор Рузвельт. Выступая в университете Фуада, он всячески прославлял английский колониализм и очернял Национальную партию.[12] Эта речь возмутила египтян. Мухаммед Фарид от имени исполкома Национальной партии выразил президенту резкий протест. В Каире состоялся массовый митинг, после которого перед отелем «Шепард», где жил президент, была проведена первая в истории Египта массовая антиамериканская демонстрация. «Как вы можете высказывать свое суждение о нации, не зная ни ее характера, ни положения, в котором она находится?» — писала в телеграмме на имя президента США группа египетских адвокатов. Впоследствии египтянам придется много раз посылать подобные телеграммы и письма.

В годы второй мировой войны американская армия высадилась в Северной Африке — в Алжире и Тунисе. Американские компании начали добывать нефть на Аравийском полуострове. Опасаясь национально-освободительных движений, американцы стали срочно создавать в арабских странах военные базы. Одновременно с этим США сделали ставку на сионистов как на непримиримых врагов коммунистической идеологии и национально-освободительных движений. Центр сионизма после второй мировой войны начал перемещаться в США. Израилю была поручена охрана американских интересов на Ближнем Востоке. Другим союзником американских империалистов стала арабская реакция. Король и его приспешники, в частности, много поработали над тем, чтобы создать в Египте впечатление об Америке как о богатой фее, которая всех одаривает и осыпает зелеными долларовыми бумажками.

И вот не искушенному в дипломатии офицеру — Гамалю

Абдель Насеру предстояло вести беседу о сложных международных проблемах с матерым волком американской политики — Джоном Фостером Даллесом. Они встретились на приеме у посла США.

Египет остро нуждался в оружии. Насера беспокоило то, что египетская армия будет не способна противостоять Израилю в случае нападения. Требование обновить вооружение армии «свободные офицеры» выдвигали еще во время правления Фарука.

Когда Насер заговорил об оружии, Даллес изобразил на своем лице удивление. Разве когда-нибудь Америка давала Египту какие-либо обязательства? Насер показал секретное соглашение, заключенное с королем Фаруком в канун революции, согласно которому США обещали предоставить Египту военную помощь на пять миллионов долларов. Был даже согласован список тех видов оружия, которым США предполагали снабдить Египет. Правда, Насер считал, что список этот необходимо пересмотреть, так как король Фарук заказывал у США бронемашины, пулеметы и другое оружие, которое можно было использовать для подавления выступлений народных масс. Насеру же нужны были танки, самолеты, тяжелая артиллерия, канонерки, то есть виды вооружения, необходимого для защиты границ. В октябре 1952 года США запросили у Египта новый список. Он был передан военному атташе американского посольства. Более того, США не возражали, чтобы Али Сабри приехал в Вашингтон для переговоров. Али Сабри сообщал, что переговоры идут успешно. Он даже требовал срочно реконструировать египетские аэродромы с тем, чтобы они могли принимать реактивные истребители. Но шли дни, недели, месяцы, давно наступил новый, 1953 год, а оружие все не поступало. Военная делегация во главе с Али Сабри продолжала находиться в США. В Америке шла избирательная кампания. Али Сабри уговаривали потерпеть. Как только президент приступит к исполнению своих обязанностей, он сразу же рассмотрит египетскую просьбу, уверяли сопровождавшие делегацию офицеры Пентагона. Но Али Сабри так и вернулся в Каир ни с чем.

После мороженого Насер и Даллес встали из-за стола, вышли в гостиную, сели в мягкие кресла, закурили. Беседа, начатая во время обеда, продолжалась.

— Черчилль просил президента США не продавать египтянам оружие, — сказал Даллес. — Кроме того, — прибавил он, — Эйзенхауэру по ошибке показали старый список, составленный еще при Фаруке. Там речь идет о легком стрелковом оружии, которое «федаи» применили в свое время против англичан на

Суэцком канале. Ошибку, конечно, можно исправить…

Он, Даллес, готов помочь и, в свою очередь, рассчитывает, что ненормальные отношения между Египтом и Англией надо урегулировать. Кроме того… И тут Даллес неожиданно перешел к другой теме, начав разговор о военном союзе на Ближнем Востоке.

— Против кого вы создаете этот союз? — осторожно спросил Гамаль Абдель Насер.

Даллес счел нужным быть откровенным.

— Против СССР, — ответил он, затянувшись гаванской сигарой.

— Зачем же нам вступать в этот союз? — удивился Насер. — Советский Союз за тысячи миль от нас. Между нами нет никаких противоречий. В нашей стране уже семьдесят лет находятся английские войска. Вот наши враги.

— Но англичане останутся здесь как члены союза. Они будут действовать под флагом «оборонительного сообщества», — попробовал убедить Насера Даллес.

— Если бы я сказал, что англичане, изменив вывеску, из оккупантов превратятся в союзников, египтяне бы не поверили, — заметил Насер. — Они сказали бы, что меня заставили пойти на это восемьдесят тысяч английских солдат, размещенных в зоне канала…

Этот разговор, который приводит в своей книге Хейкал, показывает, как настойчиво отстаивал Насер в беседах с американскими государственными деятелями интересы своей страны. В то же время Даллес уехал из Египта, окрыленный надеждой. Он чувствовал правоту Насера. В том, что Египет удастся втянуть в военный пакт, он не сомневался. Но Насеру, будущему союзнику, необходимо было помочь обрести «популярность и поддержку в стране». Для этого надо вывести английские войска из Египта. Даллес отправился «убеждать» Англию…

Но Насер не считал эту встречу очень успешной. Американское оружие так и не начало поступать в Египет. Даллес послал генералу Нагибу два кольта, отделанных серебром. Черчилль немедленно позвонил Эйзенхауэру и сказал, что такой подарок будет только «подогревать страсти египтян».

Однажды на заседании Совета руководства революцией обсуждался вопрос о возведении радиобашни для министерства иностранных дел и разведки. Средств на это строительство не хватало. И вот во время одной из дискуссий Насеру сообщили, что некий «частный американский источник» может предоставить

деньги в его личное распоряжение. Насер пожелал выяснить, что это за «щедрый» меценат. Оказалось, что деньги предлагало ЦРУ.

Бывший агент ЦРУ Коупленд рассказывает в своей книге, что ему было поручено подкупить Насера.

«После короткой консультации с сослуживцами, — пишет Коупленд, — офицер безопасности весело предупредил, что вооруженная охрана посольства, которой было поручено сопровождать меня до дома Хасана[13] в Маади, вызовет подозрения. Я велел ехать загородной дорогой. Возможно, что меня с двумя чемоданами, в которых находилось три миллиона долларов наличными, вез самый нечестный шофер в Каире…

Хасан с двумя телохранителями принял меня у себя дома в Маади без какого бы то ни было энтузиазма или даже интереса. Соблюдая формальности, он пересчитал деньги дважды и обнаружил в чемоданах 2999990 долларов вместо трех миллионов. „Не будем переживать из-за десяти долларов“, — сказал он, садясь со своими телохранителями в „мерседес“, который должен был отвезти его в резиденцию Насера, расположенную в противоположном конце города…»

Насера возмутила подобная наглость: если американцы столь бесцеремонно поступали с высшими египетскими должностными лицами, то легко было представить, как они вели себя с обычными чиновниками. Сперва Гамаль хотел вернуть деньги и сделать заявление о том, как американцы пытались его подкупить. Именно так поступил однажды президент Сингапура, которому ЦРУ пыталось вручить такую же сумму в аналогичной ситуации.

Хасан аль-Тухами, которому Коупленд передал деньги, предложил построить на них скульптурное сооружение «наподобие сфинкса»: «голова с огромным носом», и на переднем плане — «рука с большим пальцем, приставленным к носу, и четырьмя пальцами, направленными вверх».

Насеру идея показалась хорошей, однако «недостаточно тонкой». Вместо этой скульптуры он решил соорудить «что-нибудь без явного намека, но достаточно большое, заметное, дорогое и прочное…» и передал деньги на строительство радиотрансляционной башни. «Пусть наша разведка бдительно следит за деятельностью США», — добавил он.

«Так была построена „Каирская башня“, которую мы, американцы, каждое утро видим перед собой через Нил, садясь завтракать на балконе отеля „Хилтон“», — писал Коупленд.

Насер считал эту башню «монументом, напоминающим ЦРУ о провале его планов в Египте».

В период подготовки и осуществления революции у «свободных офицеров» не хватило времени развить свои политические взгляды до четкого представления о том, какое общество они хотят построить. Некоторые из них симпатизировали «братьям-мусульманам», другие марксистам, большинство же офицеров, в том числе сам Насер, считали себя «националистами».

Английский биограф Насера Мэнсфильд утверждает, что инициатор переворота руководствовался «не политической идеологией или философией, а лишь страстным национализмом, основанным на увлеченном изучении истории». Опыт развивающихся стран, однако, показывает, что честные и истинные патриоты, исповедующие националистические взгляды, рано или поздно приходят к пониманию необходимости определить свое отношение к трудящимся классам и прояснить свои идеологические позиции.

Насеру пришлось жить и работать в особых условиях. Египетское общество, отличавшееся тогда неуверенностью в собственных силах, которую привили египтянам колонизаторы, не могло представить, что страна способна обойтись без иностранцев. Насер же с юных лет был убежден, что египтяне обладают всеми качествами для того, чтобы успешно управлять своей страной. Уже одно это выделяло его среди десятков и сотен других соотечественников, смирившихся со своим положением, подавивших в своей душе чувство национального достоинства.

В то же время Насер прекрасно понимал, как трудно египтянам стать на путь национального возрождения.

«Угнетение, несправедливость и разруха были обычным явлением в Египте на протяжении долгих столетий… — писал он в „Философии революции“. — Моральный гнет, порожденный колониализмом, в значительной степени объясняет определенные моменты нашей политической жизни. Вот почему, как мне кажется, многие египтяне являются простыми наблюдателями развития революции, ожидающими результатов борьбы, в которой они не принимают участия. Большинство из нас до сих пор не способно избавиться от унаследованного чувства, будто страна не принадлежит нам, будто мы только временные гости».

Насер не скрывает своего горького разочарования, когда говорит о том, как встретил египетский народ революцию 1952 года. «Я думал, — писал он, — вся нация ожидала накануне революции 23 июля первого проблеска света, чтобы поспешить сомкнутыми рядами к великой цели. Я верил даже, что наша роль заключается в том, чтобы дать сигнал, и что стоит нам продержаться несколько часов, как массы сами придут к нам… Но

действительность была совершенно иной. То, что произошло после 23 июля, было разочаровывающим. Свет вспыхнул, авангард штурмовал крепость тирании и сверг Фарука. Мы ждали священного марша и сомкнутых рядов. Долго ждали… Массы пришли, но как отличалось это от того, что рисовало воображение. Они были разобщены и хаотичны».

Революционеров, тех, кто сам ждал от народа помощи, люди «забросали петициями и жалобами». «Они, — пишет Насер, — желали не справедливости, а мести. Если бы в те дни меня спросили, чего я хочу более всего, я бы ответил — услышать египтянина, который употребил свои таланты на что-нибудь иное, кроме клеветы на другого египтянина».

«Свободные офицеры» были выходцами из различных социальных слоев. Каждый из них отстаивал в Совете руководства революцией представления и понятия своего класса, слоя, группы.

Но можно, по-видимому, говорить о том, что революция в целом испытала на себе влияние социалистических идей. Это, в частности, отмечает в одной из своих работ и Халид Мохиеддин. «Я не имею в виду только влияние, под которое подпали члены группы „свободных офицеров“ и ряд их руководителей, хотя это и заслуживает внимания, — писал он. — Я имею в виду все движение, оказавшееся под влиянием социалистических идей, что нашло отражение в мыслях, программах и публикациях его участников как до революции, так и после нее».

В одном из первых послереволюционных манифестов говорилось о необходимости издания законов, обеспечивающих подъем жизненного уровня народа, высказывались требования ограничить частную земельную собственность и отменить косвенные налоги, от которых прежде всего страдали неимущие. И в этом сказалось известное влияние марксистов. Сам Насер рассказывал однажды послу СССР С. А. Виноградову, что, будучи еще школьником, он начал посещать один из марксистских кружков Каира. Однако руководители кружка не обратили особенного внимания на любознательного, задававшего много вопросов юношу. Насер считал, что люди, с которыми он общался в этих кружках, были в основном далекими от реальной жизни «книжниками». Им плохо удавалось увязывать теорию с конкретными египетскими условиями.

Существование многих группировок марксистов усложняло их работу: в 1952 году, когда произошла революция, в стране не было единой коммунистической партии.

На одном из первых же заседаний Совета руководства революцией Халид Мохиеддин внес предложение о привлечении

экспертов для разработки плана политических и экономических преобразований в Египте. Насер его поддержал. Марксисту Ахмеду Фуаду поручили составить список лиц, способных решить эти задачи. Это были преподаватели университета и юристы, врачи и инженеры, многие из которых тоже марксисты. Они с жаром принялись за работу.

Каждый вечер они собирались в здании Совета руководства революцией вместе с его членами, среди которых почти всегда был сам Насер. Начиналась оживленная дискуссия. Некоторые настаивали на проведении самых решительных мер по ограничению частной собственности, другие видели выход из положения лишь в создании рентабельных предприятий. Споры иногда затягивались до трех-четырех часов ночи, а утром каждый шел на работу.

Эти люди, придерживавшиеся прогрессивных взглядов и участвовавшие в разработке первых послереволюционных планов, сыграли весьма важную роль в жизни Насера. Хотя он так и не стал марксистом, знакомство с произведениями Маркса, Энгельса и Ленина не прошло для него бесследно. Даже через несколько лет, когда Халид Мохиеддин жил в Швейцарии, Гамаль просил его выслать марксистскую литературу по ряду экономических вопросов. В кабинете Насера до сих пор бережно хранятся все переведенные на арабский и английский языки работы классиков марксизма-ленинизма с его пометками.

В наследство от монархии «свободным офицерам» достались долги иностранным державам и разруха в экономике. И хотя революционеры не имели заранее продуманной и разработанной экономической программы, тем не менее они сразу же выявили главный источник бед — анархию производства. Постоянный Совет развития национальной продукции и Совет социальных услуг, созданные вскоре после революции, должны были изучить проекты развития экономики, представленные на рассмотрение министерств.

В сентябре 1952 года Совет руководства революцией проводит первое серьезное социально-экономическое мероприятие — принимает закон об аграрной реформе. Гамаль Салим изучил сельскохозяйственные проблемы в стране и с помощью Ахмеда Фуада подготовил проект реформы. Она была весьма скромной. Революция делала первые шаги очень осторожно. Предполагалось изъять у крупных землевладельцев излишки земли сверх 200 федданов и распределить их между безземельными и малоземельными крестьянами.

В соответствии с реформой перераспределялось лишь 10 процентов всей обрабатываемой земли, и только около 10

процентов крестьян получали непосредственную выгоду. Более того — новый режим пока еще не решился серьезно задеть интересы феодалов и пообещал им компенсацию за реквизированные участки. Лишь королевские земли были отобраны без всякого возмещения. И все же эта реформа подорвала основы политического влияния феодалов в деревне, которое они имели до революции.

Но даже и такая скромная реформа встретила сопротивление. Али Махир настаивал, например, на ограничении землевладения пятистами федданами. Насер был готов прибавить к двумстам федданам еще сто, которые землевладельцы могли бы оставить в наследство своим детям. Но Махир считал уступку недостаточной. Пришлось заменить премьер-министра.

Таким образом, египетские марксисты — Ахмед Фуад, Рашид аль-Баррави и Абдель Разик аль-Саннури — оказали Насеру большую помощь в разработке проектов первых экономических реформ, проведенных в стране.

Перед революцией и в первое время после революции Насер считал, что, совершив переворот, армия вернется в казармы, теперь же он убедился в том, что «свободные офицеры» должны руководить страной и осуществлять революционные преобразования.

Он понял необходимость этого, ознакомившись с результатами работы комиссии по расследованию преступлений, совершенных деятелями прежнего режима. В поле зрения этой комиссии попали и министры последнего, вафдистского правительства. Расследование вскрыло факты взяточничества и казнокрадства. А ведь партия «Вафд» была одним из основных претендентов на власть.

Для того чтобы проверить настроение египтян, Совет руководства революцией направил генерала Нагиба в поездку по дельте. Ему всюду был оказан самый восторженный прием. Насер обрел еще большую уверенность. 10 сентября появился декрет, согласно которому все партии должны были представить сведения о своих политических программах, внутреннем уставе и финансах. Одно временно создавался революционный трибунал для суда «над деятелями старого режима, вступившими в сговор с иностранной державой ради свержения» нового руководства.

Вафдистские лидеры ринулись друг на друга со взаимными обвинениями. Это привело к расколу «Вафда» и к резкому падению престижа партии в стране.

Судебный процесс по делу бывших министров приобрел широкую огласку. Деятели «Вафда» были окончательно дискредитированы. Трибунал вынес четыре смертных приговора.

Правда, ни один из них не был приведен в исполнение, а длительные сроки заключения заменили домашними арестами. «Свободные офицеры» решительно очищали Египет от скверны прошлого.

Однако чуть раньше разразилась новая беда: 12 августа рабочие одной из крупнейших в Египте текстильных фабрик под Александрией забастовали и установили контроль над предприятием. Они требовали улучшения условий труда. «Свободные офицеры» впервые столкнулись с выступлением рабочих. Насер призывал своих товарищей к терпению, но неожиданно произошло столкновение рабочих с полицией. Применив репрессивные меры, молодые армейские офицеры лишь показали свою неопытность в столь ответственный момент. Правые воспользовались этим событием для организации кампании, направленной против левых сил, особенно против марксистов. Часть египетской левой интеллигенции поспешно решила, что власть продемонстрировала этим свой диктаторский характер и что оправдались «худшие подозрения».

Создалось серьезное положение: «свободные офицеры» находились на грани раскола, чем немедленно воспользовались правые силы.

«Братья-мусульмане» выделялись среди всех политических группировок и партий чрезвычайной активностью. Они-то и представляли истинную опасность для режима. «Братья-мусульмане» не имели ясной программы, но их организация сыграла коварную роль в истории борьбы египетского народа против колонизаторов.

«Братья-мусульмане» не могли дать «мусульманского» ответа на проблемы, волнующие египетское общество. Они ориентировались на самые отсталые группы населения, которые легко воспламенялись с помощью религиозных лозунгов. Замышляя заговор против революции, «братья-мусульмане», к примеру, призывали убить великую арабскую певицу Умм Кульсум, разрушить и сжечь кинотеатры, Каирский оперный театр.

В январе 1953 года Совет руководства революцией объявил о роспуске всех политических партий и о конфискации их фондов. 10 февраля была обнародована временная конституция, согласно которой верховная власть передавалась членам Совета руководства революцией еще на три года.

18 июня 1953 года самое древнее в мире монархическое государство стало самой юной республикой. Ее первым президентом и премьер-министром стал генерал Нагиб, а Насер — его заместителем. Масса статей, появившихся в то время в

западной печати о генерале Нагибе, свидетельствует о том, что многие за рубежом хотели, чтобы этот мягкий, холеный офицер с неизменным «Данхиллом» во рту руководил страной. Его именовали «египетским Кромвелем», им восхищались. Никто по-прежнему не обращал внимания на Насера.

Генерал Нагиб, по-видимому, считал, что его настоящая роль — быть вождем нации. Как кадровый офицер с большим стажем, он, несмотря на свойственный ему либерализм, не привык к тому, чтобы его приказания подвергались обсуждению. Ведь он же избран президентом. Он не хотел более слушать «назойливые советы».

Отношения между Нагибом и Насером накалялись. Их разногласия усугублялись политической борьбой, происходившей в стране.

Генерал Нагиб стал критиковать Совет руководства революцией в разговорах с политическими деятелями и иностранными дипломатами. В совете его не поддерживали.

К тому же «братья-мусульмане» устроили студенческую демонстрацию, во время которой возникли беспорядки Насер воспользовался этим и, не посоветовавшись с Нагибом, арестовал некоторых «братьев». Генерал Нагиб заявил, что он подает в отставку.

Этот шаг был хорошо рассчитан. После длительных и трудных переговоров египтяне наконец заключили соглашение с Англией о Судане. Бывший англо-египетский Судан получал право присоединиться к Египту или стать независимым. Намечавшийся визит Нагиба в Судан должен был закрепить результаты переговоров. К нему в Судане относились с большим уважением, так как его мать была суданкой. Ссора Насера с генералом Нагибом ставила Совет руководства революцией в трудное положение. И все-таки отставку Нагиба приняли. Теперь он стал пленником в собственном доме, окруженном армейской охраной. Но сторонники запрещенных политических партий считали генерала Нагиба единственной личностью, которая могла бы гарантировать им участие в общественной жизни страны. Они повели против Насера работу в армии. Вскоре некоторые воинские части потребовали восстановления Нагиба на посту президента и назначения Халида Мохиеддина премьер-министром.

Насеру пришлось согласиться. В этот момент ему казалось, что все, о чем он мечтал и что делал для Египта, было в один миг разрушено. Однако в конце концов подавляющее большинство офицеров поддержало Насера Нагиб благодаря своей популярности все же вновь занял пост президента, а Халид

Мохиеддин был назначен послом Египта в Швейцарии Насер жалел, что ему пришлось поступить подобным образом. Он до сих пор ценил Халида Насер не сомневался рано или поздно Халид поймет, что переоценил генерала Нагиба. Через несколько лет старая дружба взяла верх. Мохиеддин вернулся на родину. В 1964 году он был избран в египетский парламент — Национальную ассамблею.

Насер стал теперь премьер-министром. На многолюдном митинге на площади Республики генерал Нагиб объявил, что гроза прошла, как «летнее облако», и что вскоре состоятся выборы в парламент. Но противоречия между египетскими лидерами так и не были урегулированы.

Насер старался доказать, что он признает авторитет Нагиба: 9 марта 1954 года он предложил ему занять посты премьер-министра и председателя Совета руководства революцией. Одновременно Насер упразднил цензуру. Каирские газеты тотчас потребовали восстановления политических свобод. Насер не остановился на полпути. 25 марта Совет руководства революцией принял выдвинутую им резолюцию о разрешении деятельности политических партий. Делая этот шаг, Насер хотел показать армии логические последствия политики Нагиба, в результате которой снова активизировались «вафдисты» и «братья-мусульмане».

На этот раз армия решительно выступила в поддержку Насера. «Свободные офицеры» организовали демонстрацию, протестуя против участия в общественной жизни страны потерявших доверие политиканов. Каир потрясла всеобщая забастовка. 17 апреля Нагиб отступил. Насер снова стал премьер-министром, и Совет руководства революцией вступил в новую фазу своей деятельности. Нагиб уже не имел реальной власти, хотя в течение некоторого времени оставался президентом.

Враги революционного режима ушли в подполье.

Поезд шел в Александрию. Гамаль смотрел на пирамиды серых мешков, набитых драгоценным хлопком, который дожидался отправки на фабрики.

Александрия готовилась к встрече премьер-министра. Здание с широким балконом, в котором раньше находилась биржа, было украшено национальными флагами. Огромная площадь, на которой свободно могли разместиться сто тысяч человек, в этот день как бы уменьшилась в своих размерах. Люди толпились даже на соседних улицах. Впервые в истории Египта должен был состояться столь грандиозный митинг, на котором выступал не президент, а всего лишь премьер-министр…

Немногим в Египте было известно, что страной давно управлял Насер, что Нагиб превратился в «протокольного» президента. Послы вручали ему верительные грамоты, он раздавал награды…

Насер же до мельчайших подробностей знал все, что происходило в стране. Он вел неустанную борьбу с людьми, противопоставлявшими себя революционерам. Когда одна из крупнейших египетских газет, «Аль-Мисри», попробовала выступить со статьей, направленной против нового режима, ее немедленно закрыли, а владельца, бежавшего в Швейцарию, приговорили заочно к десяти годам тюремного заключения.

Летом возникли неожиданные осложнения. С нападками на Совет руководства революцией выступали в мечетях какие-то подозрительные лица. В городе Танте это привело к кровавой драке. Насер располагал сведениями о том, что в Танте сильно влияние «братьев-мусульман». Отныне было запрещено выступать с речами в мечетях. Тогда «братья» начали агитировать в университетах. Насер по личному опыту знал, насколько легковоспламеняема студенческая среда. Пришлось заняться чисткой университетов. Но это не остановило «братьев-мусульман». Стало известно, что они нашли союзников в полиции и готовят новый заговор. Насер решил опередить их. Около ста офицеров полиции, явившись в один прекрасный день на службу, узнали, что они уволены за связь с «братьями-мусульманами».

Враги Насера заявляли, что они выступают против режима военной диктатуры, хотя многих из них, как, например, «братьев-мусульман», разве что в насмешку можно было назвать «защитниками демократии». Народ судил о революционном режиме по его делам. В то время, когда «братья» пытались ввести в заблуждение египтян своими выступлениями в мечетях, первые две тысячи безземельных крестьян получили наделы по аграрной реформе. «Братья-мусульмане» демагогически обвинили Насера в том, что он медлит с выводом английских войск. Оккупанты действительно не хотели уходить из Египта. Насер же упорно добивался их ухода. Переговоры, которые он вел с английским послом Р. Стивенсоном, не дали никаких результатов. Тогда Насер предложил египтянам записываться добровольцами в партизанские отряды. В Каире устроили показательный судебный процесс над египтянином, сотрудничавшим с войсками оккупантов. Обвиняемый был приговорен к смертной казни и повешен. Англичане заморозили в ответ на призыв к партизанской войне 10 миллионов фунтов стерлингов, принадлежавших Египту. Однако партизаны продолжали совершать нападения. Снова начались переговоры. Наконец 19

октября 1954 года англичане согласились подписать соглашение: в течение 12 месяцев они обещали завершить эвакуацию своих войск. Однако английская армия «оставляла за собой право» вернуться на египетские базы в случае любого нападения, совершенного против одной из стран Лиги арабских государств или Турции. Заголовки сообщений о предстоящем выводе английских войск были отпечатаны в египетских газетах красной краской.

Утром у дома Насера собралась огромная толпа. Люди бурно приветствовали своего вождя. На митингах, состоявшихся в эти дни, Гамаль говорил о том, что правительство намерено повести решительное наступление на голод, болезни и неграмотность.

И вот новое выступление, на этот раз в Александрии. Насер вышел на балкон. Он начал уверенно и спокойно:

«Братья! На этой самой площади, которая носила раньше имя Мухаммеда Али, я еще мальчиком впервые принимал участие в антианглийской демонстрации.

На этой площади я впервые увидел, как били людей по головам, как египтяне стреляли по египтянам. Но я, вы видите, жив и делаю все, чтобы наша родина стала свободной…»

Люди затаив дыхание вслушивались в слова оратора. Внимание всех было приковано к балкону, и никто не заметил, как какой-то человек из первых рядов вытащил из кармана револьвер и выстрелил.

Насер, не услышавший выстрела, удивленно вскинул брови, когда на текст выступления посыпались осколки разбитой над его головой лампы. Но выстрелы последовали снова. Поняв, в чем дело, толпа загудела. Тысячи рук протянулись к преступнику.

В эту минуту раздался громкий и властный голос:

«Оставаться всем на местах. Это говорю вам я, Гамаль Абдель Насер. Моя кровь — ваша кровь… Каждый из вас — Гамаль Абдель Насер. Если меня убьют, ничего не изменится, потому что вы продолжите борьбу. Каждый из вас — Гамаль Абдель Насер…»

Наверное, ни землетрясение, ни извержение вулкана не смогли бы потрясти в этот миг толпу сильнее, чем этот голос.

«Не двигаться! Пусть каждый останется на месте…»

На магнитофонной пленке, сохранившей речь Насера, эти слова прерываются звуками выстрелов…

— Ради вас, ради ваших детей и внуков, египтяне, свершилась эта революция…

Толпа снова замерла. Было слышно, как осенний ветер полощет праздничные флаги. Горячие слова проникали в самые сердца.

— Не от Гамаля Абдель Насера зависит судьба Египта. Она

зависит от вашей борьбы.

— Клянемся тебе, клянемся тебе, Гамаль! — громогласно отвечала ему толпа.

Этот митинг, прильнув к приемникам, слушали все египтяне. Сразу же после окончания страстной речи Насера состоялись стихийные демонстрации. Народ требовал сурово наказать преступников и указывал на «братьев-мусульман» как на организаторов покушения.

Когда Насер возвращался из Александрии, то на каждой станции его встречали демонстранты. Ему потребовалось два часа, чтобы проехать от вокзала до дома. За несколько минут Насер превратился в национального героя.

Расследование показало, что покушение действительно организовали «братья-мусульмане». В течение двух месяцев готовили они члена своей организации Махмуда Абделлатифа к совершению этого гнусного акта.

В стране начались аресты «братьев-мусульман». В мечетях и на кладбищах были обнаружены тайные склады оружия и взрывчатки, принадлежащие их террористическим группам. На допросах выяснилось, что уже в течение длительного времени «братья-мусульмане» подготавливали переворот, что они составили списки сторонников революционного режима, которых предполагали убить.

В середине ноября 1954 года состоялось заседание Совета руководства революцией, на котором Нагиб, как часто бывало, не присутствовал. Но на этот раз его даже не пригласили на заседание, членов совета ознакомили с показаниями арестованных, из которых явствовало, что Нагиб был связан с «братьями-мусульманами», принимавшими участие в заговоре. После окончания заседания генералу Нагибу позвонили по телефону. Ему сказали, что министр по делам президентства Хасан Ибрагим и Абдель Хаким Амер доложат ему о принятых решениях. Так было всегда, но Нагибом овладело беспокойство.

Амер и Ибрагим приехали к Нагибу в 11 часов. Они вошли во дворец Абидин, а через несколько минут Нагиб уже спускался по лестнице в сопровождении охраны. По радио было объявлено, что генерал Нагиб смещен с поста президента Египта. Его отправили в тихую деревушку, где он долгие годы находился под домашним арестом. Ни одного голоса не прозвучало в стране в его защиту.

В декабре 1954 года Совет руководства революцией собрался для рассмотрения приговоров Верховного суда по делу «братьев-мусульман», обвинявшихся в заговоре. Руководитель организации аль-Ходейби был приговорен к смертной казни через повешение, несколько человек — к расстрелу. Остальные получили

различные сроки тюремного заключения.

Однажды в канцелярию премьер-министра позвонили по телефону из департамента древностей…

Египетский археолог Мухаммед Закария Гонейм сделал одно из величайших открытий XX века — нашел неизвестную до сих пор пирамиду.

Это событие потрясла каирцев. По городу поползли слухи о фантастических драгоценностях, якобы найденных в пирамиде. Все вспоминали о несметных сокровищах Тутанхамона, словно забыв о том, что захоронения остальных фараонов были разграблены еще в древние времена. Толпы иностранных корреспондентов ринулись в Саккару, где работала экспедиция Гонейма. В адрес департамента древностей стали приходить многочисленные пожертвования на продолжение раскопок.

Наконец в присутствии представителей властей Мухаммед Гонейм вошел в усыпальницу и направился к саркофагу.

Корреспонденты приготовили фотокамеры, чтобы запечатлеть величественный момент извлечения «клада фараона». Орудуя ломами, рабочие начали открывать саркофаг. После двух часов изнурительного труда панель саркофага весом в 22.7 килограммов была наконец сдвинута. Египетский ученый заглянул внутрь. Когда он повернулся к присутствующим, лицо его выражало недоумение: саркофаг был пуст…

Газеты всего мира писали о «неудаче» археолога. «Они копали три года и не нашли ничего!» — такой заголовок дала одна из газет к отчету о раскопках Гонейма.

Серьезные ученые думали, конечно, иначе. Они высоко оценивали деятельность египетского археолога. Тем не менее дальнейшая его работа была под угрозой, ибо среди людей, от которых зависело финансирование раскопок, далеко не все понимали их подлинное научное значение. Вот тогда-то премьер-министру и позвонили из департамента древностей.

Гамаль Абдель Насер решил тотчас ехать в Саккару. Сидя в машине, Насер с волнением разглядывал открывшуюся его взору картину. Узкая дорога Гизы вилась почти по кромке зеленой долины Нила, далее виднелось каменистое плато, переходящее в желтое море песков Западной пустыни. Там, где кончался золотой край пустыни, изумрудом зеленели тщательно ухоженные крестьянские поля. Деревни, приютившиеся у дороги, утопали в листве апельсиновых садов. На крышах домов, на ветвях деревьев, на крестьянских полях — повсюду сидели ибисы, красивые белые птицы, похожие на тех, что считались священными в Древнем Египте. Вдоль каналов сновали крестьяне в длиннополых

галябиях, с белыми тюрбанами на головах. Точно так же одевались египетские крестьяне и в незапамятные времена, о чем свидетельствуют фрески.

Наконец на краю обрыва показался белый домик, в котором жил Гонейм, и венчающая плато ступенчатая пирамида.

Взволнованный и немного растерянный Мухаммед Закария Гонейм вышел встречать премьер-министра. Он был в зеленом пробковом шлеме и полосатом костюме, сидевшем на нем немного мешковато, — типичный ученый, о таких обычно говорят «не от мира сего».

Поздоровавшись с премьер-министром, он повел его напрямик через пустыню, к месту раскопок, не обращая внимания на недовольство сопровождающих лиц, в модные туфли которых то и дело забивался песок. По дороге он рассказал о своей работе: «Пусть в саркофаге не найдено мумии, но зато открыта новая пирамида и установлено имя неизвестного ранее фараона… С точки зрения археолога это чрезвычайно важно…»

— Ну а золото, — сконфуженно добавил он, — его мы пока не нашли. Но здесь могут быть подземные галереи, которые еще предстоит исследовать…

Насер, улыбнувшись, прервал его: «Сокровища нас не интересуют. Мы приехали в Саккару посмотреть на саркофаг, чтобы дать новый толчок научным изысканиям и ободрить египетских археологов».

Насера предупредили, что в жаркий июньский день ему будет душно в пирамиде. Но он, увлеченный энтузиазмом Гонейма, полез в низкий и узкий проход, ведущий внутрь пирамиды.

Поддержка, оказанная Насером, как потом писал египетский археолог, смягчила «горечь от пережитого разочарования» и «придала новые силы» для продолжения работы. Насер был искренне рад, что новое открытие совершено не иностранцами, которые на протяжении многих лет работали в департаменте древностей и провели действительно много ценных исследований, а египтянином, воспитанником кафедры египтологии Каирского университета.[14]

Столь же энергично помогал Насер и другим талантливым египтянам.

Во время одного из совещаний министр по делам культуры предложил уволить с поста директора Каирской библиотеки Тауфика аль-Хакима за халатное отношение к своим обязанностям.

— Это тот самый Тауфик аль-Хаким, автор романа «Возвращение духа»? — спросил Насер.

— Да, — ответил министр.

Насер был удивлен. Он никогда не думал, что ему придется принять участие в судьбе своего любимого писателя.

— Этот писатель оказал на меня большое влияние, — заметил он.

Министр смущенно молчал. Он не решался сказать Насеру, что писать романы и руководить библиотекой — это не одно и то же. Но Насер понял: дела Тауфика аль-Хакима не очень хороши. До революции египетские писатели, даже самые известные, не имели возможности зарабатывать на жизнь литературным трудом. Надо было найти какой-то выход.

Тауфика аль-Хакима оставили на прежней должности, но вскоре ему, как и нескольким другим наиболее выдающимся его коллегам, были созданы все условия для творческой работы.

Впоследствии Тауфик аль-Хаким стал членом египетского парламента.

Один за другим создавались в Египте танцевальные и театральные коллективы. В эти годы в египетском кино появились такие впоследствии всемирно известные киноактеры, как Фатим Хамама и Омар Шариф. Танцевальный ансамбль Нафисы аль-Хамрави делал попытки возродить по фрескам, обнаруженным на стенах гробниц, древнеегипетские танцы.

…Первая группа египетских студентов готовилась к отъезду в Советский Союз. Двадцать из них должны были изучать в Московском университете ядерную физику. Насер лично распорядился, чтобы все они были строго проэкзаменованы. Напутствуя от имени Насера будущих ученых-атомников, директор департамента науки сказал:

— Вы первые египетские студенты, которые едут в коммунистическую страну. Среди вас есть дети рабочих, крестьян и промышленников… Для нас не так важно, вернетесь вы оттуда марксистами или нет. Для нас важно, чтобы вы приехали обогащенными самыми современными знаниями и отдали бы их на благо Египта.

Позднее, побывав в Советском Союзе, Насер был восхищен мастерством артистов Большого театра. И тогда он задумал создать в Египте национальную балетную труппу. Для осуществления этого замысла было решено пригласить советских балетмейстеров. Через несколько лет Насер сердечно поздравил египетский балетный коллектив с первой постановкой. Вскоре египетские артисты получили признание за рубежом и стали постоянными участниками международных конкурсов.

Египет мог гордиться и определенными спортивными достижениями. В послевоенные годы, еще до революции на весь мир гремело имя египетского спортсмена, непревзойденного

игрока в сквоч Амра Бея. За спортивные заслуги король Фарук назначил его послом в Англию. После революции Амр Бей ушел на покой, а его преемник, юный Абу Галеб, добился не меньших успехов. В стране было несколько неплохих футболистов, отличных пловцов. Полторы тысячи студентов созданного после революции Высшего института физического воспитания стали вскоре профессиональными тренерами.

Революция не только выдвинула тех или иных писателей, художников, ученых, спортсменов. Она изменила само лицо страны. Жизнь дореволюционного Египта была противоречива.

В стране преобладал турецкий стиль, хотя и долгое пребывание англичан в Египте сказалось на его облике. Людям, попадавшим в богатые районы египетских городов, могло показаться, что они находятся в Турции. Для вкусов пашей и беев весьма характерна была эклектичность — их дворцы и виллы буквально ломились от обилия богемского стекла, мозельского серебра и чешского хрусталя. В Египте сохранились некоторые старые турецкие обычаи, ликвидированные Ататюрком у себя на родине. К примеру, многие носили фески, в то время как в Турции людей за это осуждали на смертную казнь. Еще и сейчас можно встретить в Египте пожилых людей, главным образом бывших пашей, которые говорят по-турецки и считают, что их должны все понимать.

Лишь во времена короля Фуада дворцовые церемония были несколько англизированы. Впервые женщины стали появляться на приемах не в белых турецких шароварах и кафтанах, а в европейских нарядах.

Долго в египетских обеспеченных семьях существовал обычай «хальфа» — так называли юных служанок, как правило, из бедных семей. Работа в богатом доме являлась залогом того, что эта девушка удачно выйдет замуж за мелкого землевладельца или правительственного служащего. В общем, считалось, что за период службы «хальфа» становится хорошей хозяйкой. Когда девушка выходила замуж, то она должна была прежде всего пригласить свою прежнюю госпожу, пасть ей в ноги и поцеловать край ее платья. Та поднимала бывшую служанку и, поцеловав ее в обе щеки, усаживала рядом с собой, после этого они могли «как равные» пить кофе или шербет.

Жизнь без «хальфы» казалась египетским пашам немыслимой.

Ликвидация класса пашей имела не только важное социально-экономическое значение, но и явилась своего рода началом культурной революции. Дворцы, принадлежавшие египетским аристократам и иностранцам, были национализированы и отданы народу. Так, на территории,

примыкавшей к дворцу «Лютфаллы», еще до революции был открыт один из самых фешенебельных в мире спортивных клубов, в который раньше допускались только англичане. После революции двери дворца распахнулись — любой египтянин мог его посетить.

Страна менялась и внутренне и внешне.

Вчерашние офицеры — товарищи Насера стали теперь управляющими предприятий, отелей, компаний, принадлежавших ранее пашам. Кстати сказать, дети бывших пашей и беев не могли отныне поступать на государственную службу, становиться офицерами, а некоторым деятелям прежнего режима и их семьям было запрещено покидать места их постоянного проживания. Иногда новоявленные администраторы признавались, что руководить торговой фирмой или театром тяжелее, чем готовить батальон к параду. Но Насеру нужны были свои люди везде. Правда, случалось, что находились любители запустить руки в казну государства. Однако эти прискорбные явления не могли, конечно, затмить положительных сторон египетской революции. Ее руководителям еще предстояло набираться опыта, а на этом пути их ожидали и радости и печали…

Глава 5

Наряду с нажимом, который оказывали на страну Англия и США с целью создания на Ближнем Востоке военного союза в 1955 году, Египет впервые после революции столкнулся с военной провокацией.

В один из февральских вечеров, едва Насер лег спать, зазвонил телефон. Это был Али Сабри. «Есть неприятные новости», — доложил он. Гамаль накинул на плечи халат, взял в руки карандаш и бумагу.

«Израильские войска атаковали сектор Газы, — рассказывал Сабри. — Продвинувшись на две мили в глубь египетской территории, они обстреляли вокзал на севере Газы. Наши потери: тридцать семь убитых и более тридцати раненых…»

Насер не мог скрыть своего удивления. За два с лишним года после революции на израильской границе не было никаких крупных инцидентов. Но как только было подписано соглашение о выводе английских войск и нанесен удар по «братьям-мусульманам», Израиль пошел на эту провокацию. Может быть, сыграл роль его отказ от вступления в Багдадский пакт? Значит, все взаимосвязано?..

В эту ночь Насер больше не ложился спать. До самого утра просидел он у телефона. На следующий день Египет потребовал созыва Совета Безопасности ООН. Израильский премьер-министр заявил, что войска его страны проводили «ограниченную операцию» и, если вспыхнет война, ответственность за нее будет нести Египет. С тех пор прошло много лет, и мир уже привык к тому, что для оправдания любых, даже самых наглых, провокаций Израиль прибегает к таким же фарисейским формулировкам. Подобные «ограниченные операции» Израиль уже не раз проводил против всех без исключения соседей. В 1948 году Насер, будучи офицером, встречался с израильтянами на поле боя, теперь же ему как государственному деятелю предстояло решительно пресечь израильские провокации. Одним из инициаторов атаки на Газу являлся израильский политический деятель Бен-Гурион — ставленник откровенно милитаристской группировки.

Однако нападение на Газу явилось только началом… Отныне почти каждый поступок Насера, который был не по душе империалистам, сопровождался угрозами со стороны Израиля или провокациями на границе. Насеру давали понять, что он не может чувствовать себя в безопасности, пока Египет не вступит в Багдадский пакт.

Во время израильской атаки на Газу погибли десятки

египтян, кроме того, в Каир прибывали беженцы, оборванные, изможденные, с голодными детьми. Многие из этих людей бежали от израильских репрессий вторично. В Палестине у них были дома, сады, а после 1948 года там стали хозяйничать оккупанты. Большая часть палестинцев переселилась в Газу. Их сыновья не имели возможности посещать школу, а дочери, подрастая, уезжали на «заработки» в ночные клубы Бейрута, Стамбула, Тегерана и Парижа. Теперь эти люди подверглись новому нападению. И Египет оказался не в состоянии защитить их.

Совет Безопасности, призвав Египет и Израиль избегать подобных инцидентов, все же признал, что агрессивный акт совершило израильское государство. Моральное удовлетворение от этого решения не могло компенсировать те потери, которые понес Египет. Пройдет немного времени, и Насер чисто политическими средствами сможет превратить военную победу Израиля в поражение.

Насер считал необходимым, не теряя ни минуты, взяться за укрепление армии. Переговоры с США и Англией убедили его в невозможности получения оружия из этих стран. Реальная действительность привела Насера к мысли о том, что он может закупить его только в странах социалистического лагеря.

Тем временем Турция и Ирак подписали соглашение, положившее начало Багдадскому пакту. Американские политики и лично Даллес считали создание Багдадского пакта крупным достижением. Теперь они хотели втянуть в новую военную организацию и другие арабские страны. В США знали, что арабы издавна привыкли оглядываться на Египет — самое авторитетное и крупное государство на Ближнем Востоке. Для переговоров с Египтом США и Англия предполагали использовать «иракского Бисмарка» — крайнего реакционера Нури Саида. На всем Ближнем Востоке не было государственного деятеля, которому бы империалисты доверяли больше. Когда в печати появилось сообщение о том, что Нури Саид едет в Каир, всем стало ясно, какие цели преследует этот визит.

Насер хорошо понимал, какая опасность нависла над его страной. Ведь если бы удалось вовлечь Египет в военный пакт, то все завоевания революции превратились бы в прах.

Положение усугублялось и тем, что Нури Саид отнюдь не собирался играть пассивную роль в планировавшемся военном союзе.

Теперь Египту предстоял новый раунд борьбы. Насер твердо стоял на антиимпериалистических позициях. Это обеспечило ему союзников во всем арабском мире и популярность в Египте.

Наступил июнь 1956 года. В Порт-Саиде, где грузились на суда последние английские солдаты, готовились к торжествам. В порт съезжались многочисленные журналисты и иностранные гости. Под звуки свирелей и барабанов на украшенных цветами и иллюминацией улицах танцевали празднично одетые люди. В небо взмывали карнавальные ракеты. Белели паруса рыбачьих лодок, которые, словно на параде, выстроились в море перед входом в Суэцкий канал. Бесславно кончался многолетний период оккупации Египта. Англичане пришли в страну с помпой, под грохот канонады, подвергнув Александрию бомбардировке с моря. Уходили же они тихо, по-воровски. Когда на берегу не осталось ни одного английского солдата, командующий сунул в руки опешившему от удивления египетскому лейтенанту ключи от своей штаб-квартиры, хотя и существовала договоренность, что англичанин вручит их Насеру. Словом, англичане убрались из Египта без волнующей церемонии спуска «Юнион-Джека», не исполнялся и гимн, написанный великим Григом.

Прибывшему в Порт-Саид Насеру оставалось лишь под приветственные крики жителей города поднять египетский флаг над английской военной базой в зоне Суэцкого канала. Два часа под палящим солнцем стояли на площади сотни тысяч людей, слушая выступление Насера. Пьяняще звучали слова: «Египтяне, братья, сегодня после долгих веков порабощения вы свободны!..»

Сразу же после вывода оккупационных войск правительство отменило закон о военном положении, введенный после революции, были также амнистированы все политические заключенные. Каждый египтянин должен был почувствовать, что еще одна из главных задач, которые ставила перед собой революция, успешно решена.

Насер счел необходимым теперь срочно выработать конституцию. Она была утверждена 23 июня 1956 года путем плебисцита. «Переходный период» закончился. Принятие конституции закрепило суверенитет Египта. Насер был избран президентом. Совет руководства революцией сложил свои полномочия.

С каждым годом Насер все больше убеждался в том, что Египет не может жить в изоляции. Еще в 1955 году вышла его работа «Философия революции», в которой Насер попытался подытожить опыт своего участия в Палестинской войне и революции. Антиимпериалистические тенденции книги были для всех очевидны. В «Философии революции» проводилась также мысль о культурной и исторической общности арабов и их связях с народами Азии и Африки.

Насер считал, что в условиях борьбы двух мировых систем — социалистической и капиталистической — колониальные и развивающиеся страны имеют реальную возможность добиться политической независимости, только встав на путь неприсоединения к военным блокам. Опыт убедил его впоследствии, что эти государства должны выступать единым фронтом, что они могут опираться в своей борьбе на Советский Союз и другие страны социализма.

Когда Пакистан, вступив в Багдадский пакт, окончательно связал себя с империалистическим лагерем, Насер открыто выказал свои симпатии немусульманской Индии. Это свидетельствовало о широте и прогрессивности взглядов Насера: не религиозная общность определяла направленность внешней политики Египта, а стремление укрепить связи с государствами, придерживающимися «позитивного нейтралитета», теоретические основы которого окончательно оформились на Бандунгской конференции. После окончания этой конференции, на которую съехались делегаты из 29 стран, представлявших более половины населения земного шара, Насер вместе с Неру, Сукарно и другими лидерами национально-освободительных движений по праву вошел в историю как один из создателей союза неприсоединившихся государств. Незадолго до конференции, когда Египет столкнулся с нажимом империалистических стран, толкавших его в Багдадский пакт, Насер смог на деле проверить, сколь сильна солидарность неприсоединившихся государств, а они, в свою очередь, — в какой степени серьезна решимость Египта идти по пути независимости.

В те февральские дни 1955 года, когда израильские войска наступали на Газу, Насер принимал одного за другим именитых гостей. Первым прибыл в Исмаилию на пароходе Иосип Броз Тито. Насер совершил с ним путешествие до Порт-Саида. За пять часов совместного пути Гамаль рассказал Тито о своих тревогах. Тот поддержал Насера, согласившись с тем, что Египет не должен связывать страну с империалистическим Багдадским пактом.

Затем в Каир прилетел Неру. Первая же беседа показала, что и Неру горячо приветствует намерение Египта отказаться от участия в империалистических военных блоках.

Бандунгская конференция принесла свои плоды. Лидеры неприсоединившихся стран действительно были готовы помогать друг другу. Перед Насером открывались теперь новые горизонты. Египетская революция получила мировое признание, а ее руководитель проявил качества незаурядного дипломата и политика.

Проводив Неру, Насер стал готовиться к встрече нового гостя.

На этот раз в Египет пожаловал заместитель английского премьера и министр иностранных дел Англии Иден…

Роскошные лимузины один за другим подъезжали к английскому посольству. Внутренний двор посольства сверкал иллюминацией, как в былые времена. Иден предполагал пробыть в Каире всего один день. Посол решил устроить торжественный ужин, так как хотел солидно обставить встречу Идена с Гамалем Абдель Насером…

Посол представил Гамаля Идену и его жене. Англичанка непринужденно подала руку для поцелуя. Насер смутился. Заметив это, Иден, искушенный светский лев, поспешил на помощь. Он заговорил о погоде. Гамаль с удивлением слушал, как Иден говорит по-арабски. Однако его речь удивительно соответствовала его черному, элегантному вечернему костюму. Как тонкий ценитель, он вел беседу об арабской поэзии и коране, пересыпая свою речь цитатами. Иден говорил безукоризненно правильно, на том классическом арабском языке, который уже давно стал достоянием литературы и совершенно не употреблялся в повседневной жизни. Чтобы рассеять недоумение, Иден тут же пояснил, что хотел в свое время заняться арабской филологией.

Насеру показалось, что лицо Идена как бы окутал туман. Глаза английского министра были абсолютно безжизненными. Великолепные манеры, светский лоск — все это было мишурой. Гамаль видел перед собой облаченную в черный вечерний костюм мумию.

Много раз приходилось Насеру встречать среди английских офицеров подобных людей: сидя в палатках, они состязались с шейхами бедуинов в декламации древних стихов. Но «эрудированные томми» не замечали и не хотели понять жизни, которая кипела вокруг.

Иден с удовольствием вспоминал о своих встречах с египетскими политиками в 1936 году, когда они приезжали в Лондон. Он даже сфотографировался тогда вместе с египтянами, щеголявшими в красных торбушах.[15] Эта фотография, рассказывал он Гамалю, и теперь висит в его доме…

Гамалю было стыдно за своего собеседника. А он, звезда английской дипломатии, с непоколебимым самодовольством продолжал этот нелепый разговор, то и дело поглядывая на свою красавицу жену. Она, впрочем, была горда своим супругом…

Подали виски с содовой. Насер держал в руке бокал с соком. Алкогольные напитки он не пил. Вокруг весело и оживленно разговаривали. Насер же сидел с серьезным лицом. Шутки, которые вызывали смех у великосветских джентльменов и леди,

не трогали его. Иногда Иден или его жена обращались к нему, чтобы узнать, каково мнение господина премьер-министра о той или иной реплике. Насер начинал отвечать и с удивлением обнаруживал, что его уже не слушают.

Ему хотелось поскорее перейти от пустяков к делу. Наконец он смог высказаться по поводу продолжавшейся эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала.

— Надеюсь, что это приведет к новой главе в истории наших отношений. Единственное, что может ухудшить их, это попытка Англии навязать Ближнему Востоку Багдадский пакт.

— Почему вы против Багдадского пакта? — поинтересовался Иден.

— Потому что мы против любых военных пактов, — ответил Насер.

— Но какие у вас основания вести кампанию против тех, кто поддерживает этот пакт?

Насер ответил Идену, что его правительство никогда не выступало с нападками на кого-либо, однако он считает, что пакт — это попытка разъединить арабские государства и изолировать Египет. Если к пакту присоединятся Сирия, Ливан и Иордания, а может быть, и эмираты Персидского залива, то Египту придется одному противостоять Израилю. Пакт ставит под угрозу арабское единство.

Услышав слова «арабское единство», Иден тут же прервал Насера:

— Разве не я первый призывал к арабскому единству? Еще в 1942 году я заявил, что Англия с сочувствием смотрит на попытки арабских государств создать политический союз.

— Нет, — ответил Насер, — не вам первому пришла в голову идея арабского единства.

Миссис Иден выглядела сердитой. Она не любила, когда перечили ее мужу.

— Поддержка, которую нам оказывают в стране, свидетельствует о том, что наша точка зрения соответствует желанию народных масс, — заметил Насер.

Однако Иден, будучи твердо убежден в том, что англичане лучше, чем кто-либо, разбираются в чаяниях и помыслах арабов, заявил, что народы ближневосточных стран рвутся в бой против коммунизма.

Впрочем, Насер, как пишет присутствовавший при этом разговоре Хейкал, не особенно возражал Идену. Египетский лидер хотел, чтобы Иден поверил в то, что он, Насер, хотя и не желает связывать себя договором, ничего не имеет против Багдадского пакта.

— Англия готова обсудить с вами внутриегипетские проблемы, но мы не можем согласиться с вашей позицией относительно общеарабских дел, — сказал Иден. Словом, английский министр вел себя, по словам Насера, как «принц с нищим».

На следующий день Иден уехал в Багдад. Вскоре, став премьер-министром, он выступил с предложением прекратить арабо-израильский конфликт и признать существующие границы.

Арабские страны положительно отнеслись к этой инициативе. Насер заявил, что предложение Идена — хорошая основа для переговоров. Но Израиль встретил его в штыки. Лондон между тем по-прежнему оказывал нажим на арабские страны, стараясь втянуть их в Багдадский пакт.

В конце 1955 года новый английский министр иностранных дел Селвин Ллойд приехал в Каир.

На берегах Темзы, очевидно, рассчитывали, что вовлечение Иордании в Багдадский пакт может заставить Насера отказаться от нейтралитета. У Лондона были все основания полагать, что она не подведет. Англичане надеялись на старого и опытного Глабба-пашу, жившего постоянно в Иордании. Он великолепно знал арабский язык, ходил в чалме и бедуинской одежде, был «своим человеком» при дворе короля.

Поэтому, прибыв в Каир, Селвин Ллойд сразу же напомнил Насеру о том, что позиции Англии в Иордании крепки. Однако в тот момент, когда происходил этот разговор, подошел чиновник английского посольства и вручил Селвину Ллойду телеграмму, в которой сообщалось, что Глабб-паша изгнан из Иордании.

— Когда вы получаете информацию о том, что арабские народы мечтают о вступлении в военные пакты, от таких людей, как Глабб-паша, вы не должны им верить, — сказал английскому министру Насер.

Селвин Ллойд решил, что выдворение генерала Глабба не обошлось без вмешательства египтян.

В беседе были также затронуты и экономические проблемы. Вести переговоры с Насером было нелегко. Селвин Ллойд начал юлить. Он хотел дать понять своему оппоненту, что, хотя Англия и заинтересована в переговорах, она в то же время не может жертвовать своими интересами. Он принялся разъяснять, насколько важен для Англии весь промышленный комплекс, созданный для добычи ближневосточной нефти, частью которого является Суэцкий канал.

Насер резонно заметил: если страны, на территории которых иностранные компании ведут добычу нефти, делят с ними доходы из расчета «фиф-ти-фифти»,[16] то почему же Египет получает

всего шесть процентов за проход танкеров по Суэцкому каналу? Ведь английский министр иностранных дел только что говорил — канал входит в единый нефтяной промышленный комплекс.

Вскоре Селвин Ллойд отправился на Бахрейн, поближе к центрам добычи нефти. На острове его встретила огромная толпа демонстрантов. Они швыряли в английского министра тухлые яйца и гнилые помидоры и кричали: «Долой колонизаторов! Да здравствует Насер!» Английскому министру с трудом удалось скрыться от негодующей толпы.

Вспоминая, какой урок он получил в Каире, Селвин Ллойд подумал, что в приеме, который ему был оказан на Бахрейне, повинен Насер. С тех пор все провалы английской политики на Ближнем Востоке он связывал с именем Насера.

Насер надеялся, что отставка Глабба-паши побудит арабские страны поддержать политику позитивного нейтралитета. Эту надежду укрепляла и состоявшаяся вскоре встреча глав трех государств: Египта, Саудовской Аравии и Сирии. Был заключен договор, в котором король Сауд, Насер и президент Сирии Шукри аль-Кувватли выражали стремление к сотрудничеству. Это явилось еще одним ударом по империализму.

«Вы, американцы, концентрируете ваше внимание на военных базах, но эти базы вместе с размещенными на них атомными и водородными бомбами окажутся бесполезными. Вы можете создать военные базы, но вокруг каждой из них существуют тысячи патриотических баз», — сказал Насер в одном из выступлений. Империалистические круги, к которым были обращены эти слова, усилили кампанию против Египта. К примеру, в «Дейли телеграф» была опубликована статья под заголовком «Тайный план Абдель Насера», автор которой утверждал, что Насер ведет подрывную работу против капиталистических стран.

С ведома и под руководством ЦРУ издавались и переправлялись в Египет листовки антинасеровского содержания. Как потом стало известно, в США даже обсуждался вопрос о том, кто будет руководить Египтом после свержения Насера: назывались кандидатуры лидера некогда популярной партии «Вафд» Наххаса и генерала Нагиба.

Были предприняты и экономические санкции. Англичане резко сократили закупки длинноволокнистого египетского хлопка. Тогда Египет, чья экономика в то время целиком зависела от сбыта хлопка, обратился за помощью к Советскому Союзу. Страны социалистического лагеря сразу же закупили треть египетского урожая.

Египетская разведка сумела достать список вооружения,

поставленного Лондоном Тель-Авиву. Изучив его, Насер смог убедиться в том, что разговоры западных дипломатов о «сохранении равновесия сил» являются лишь пропагандистскими трюками, ведущими к ослаблению Египта. Оказалось, что израильская армия вооружена гораздо лучше, чем египетская. Теперь Насер понял, почему англичане и американцы не хотят продавать ему оружие. Оставался один путь — закупить оружие у социалистических стран. Американцы не верили, что Насер решится на это. Джон Фостер Даллес считал, что Насер просто хочет оказать на него давление. Англичане реагировали по-иному: английский посол посетил Насера и предупредил его об «опасных последствиях» этого шага. Дальше события развивались так: один египтянин, работавший в американской разведке, связался с резидентом ЦРУ в Каире Джоном Айклбергером и сообщил ему, что подписано соглашение о поставках оружия. «В три часа ночи, — пишет Хейкал, — Айклбергер позвонил мне по телефону. Он был очень возбужден. Айклбергер настаивал на том, чтобы я помог Насеру избежать „коммунистической ловушки“. Он просил подождать, пока прибудет специальный посланник из Вашингтона, который находился уже на пути в Каир». Но Насер больше не верил американцам.

27 сентября 1955 года должен был состояться парад. Огромная толпа иностранных корреспондентов прибыла на это обычное для Египта мероприятие. В назначенное время на трибуну поднялся Гамаль Абдель Насер. Он, как всегда, начал говорить спокойно, делая время от времени паузы… Насер обстоятельно рассказал о том, как революционный режим безуспешно пытался закупить оружие в капиталистических странах. Журналисты сидели молча, вслушиваясь в каждое слово, зная по опыту, что главное еще впереди.

«…Правительство Чехословакии, — заявил Насер, — выразило готовность поставить нам оружие в пределах наших потребностей на основе чисто торговой сделки…»

Насер еще продолжал свою речь, а телетайпы уже разнесли по всему миру «сенсационную» (так считали журналисты) новость, которую Джон Фостер Даллес назвал «самим опасным шагом со времени войны во Вьетнаме».[17]

А Гамаль словно дразнил империалистов, отвечая на многочисленные вопросы осаждавших его ежедневно журналистов: корреспонденту американского радио он напомнил о том, что с просьбой о продаже оружия Египет обратился прежде всего к США. Когда не в меру дотошные газетчики спрашивали его о количестве закупленного оружии или о его видах, он иронически улыбался и говорил: «Это военная тайна».

Вообще-то никакой особой сенсации не было. На следующий же день после заключения соглашения о закупках оружия Насер лично поставил об этом в известность послов США и Великобритании. Насеру было выгодно показать Вашингтону и Лондону, что есть страны, готовые оказать египетскому народу бескорыстную помощь.

Решительность и твердость Насера вызвали беспокойство в Вашингтоне, и в Египет срочно прилетел представитель министерства иностранных дел США по делам Ближнего Востока Д. Аллен. Но он уже не мог изменить ситуацию в пользу США. Египтяне больше не нуждались в предложениях американского эмиссара. Полтора часа прождал Аллен вместе с американским послом в приемной, прежде чем Насер согласился их выслушать.

В эти несколько дней Насер стал самым популярным человеком на всем Арабском Востоке. В Багдаде и Касабланке, в Адене и Дамаске, в Аммане и Бейруте на стенах домов и в витринах магазинов появились портреты премьер-министра Египта.

Вскоре в Каир приехала делегация американских сенаторов. В сопровождении своего посла гости побывали у Насера. Едва они вышли из здания, как какой-то коротконогий человек быстро подскочил к ним с железной банкой. Посол вывернул карманы, показывая, что у него нет при себе денег. Сенаторам пришлось раскошелиться.

На следующий день каирская газета опубликовала сообщение о том, что члены сената США пожертвовали деньги на покупку чехословацкого оружия. Американскому послу пришлось срочно организовывать пресс-конференцию, на которой было заявлено, что сенаторы пожертвовали деньги семье инвалида.

А парад, состоявшийся в Каире, удался на славу. Над Каиром пронеслись современные реактивные самолеты советского производства с египетскими опознавательными знаками. По улицам и площадям прогрохотали тяжелые танки и самоходные орудия. Никогда раньше египетская армия не имела такого отличного оружия. Иностранные военные атташе, присутствовавшие на параде, едва успевали делать заметки в блокнотах. Четыре часа продолжался парад, и четыре часа простоял под палящими лучами солнца Насер. В этот момент он гордился своей страной, своей армией.

Вместе с египетскими войсками перед трибунами прошли символические подразделения других арабских стран. Тут были и бедуины в клетчатых головных уборах — «укалях», прибывшие из Иордании, и горнолыжники из Ливана, и верблюжья кавалерия из Саудовской Аравии, и юные, еще безусые йеменские курсанты. Их

участие в торжествах как бы подчеркивало ту особую роль, которую играл Египет в арабском мире.

Еще в первые послереволюционные дни «свободные офицеры» заявили, что они намерены осуществить многовековую мечту египтян — построить Высотную плотину на Ниле.

В течение долгих лет Египет вел с Международным банком реконструкции и развития переговоры о строительстве этой плотины. В Вашингтоне с египетским послом Ахмедом Хуссейном беседовал по этому вопросу Д. Даллес. «Я объяснил мистеру Даллесу, что Египту жизненно необходима помощь США в строительстве плотины, — докладывал посол. — Я объяснял ему, что, несмотря на то, что Советское правительство предложило нам лучшие условия, чем Международный банк, мы по-прежнему предпочитаем заключить соглашение с банком. Я объяснил ему, что не в интересах банка задерживать решение о финансировании строительства плотины, так как это вынудит Египет принять советское предложение».

«Это, — писал Хейкал, — была личная инициатива посла, и Советский Союз еще не делал в это время никаких предложений. Ахмед Хуссейн действовал на свой страх и риск».

Ахмед Хуссейн был весьма практичным человеком. Он ловко использовал шоковое состояние американцев, в которое они впали после заключения соглашения о поставках оружия Египту из социалистических стран. Всецело зависящий от США Международный банк обещал возместить половину расходов, если Англия и США предоставят остальные деньги, то есть 200 миллионов долларов. Но англичане и американцы соглашались покрыть только расходы первого года строительства.

Насер не решался начинать строительство плотины, рассчитанное на десять лет, так как он не был уверен в том, что оно успешно завершится, ибо позиция Англии и США вынуждала Египет ежегодно вести переговоры о займах, а кредиторы пользовались бы этим, чтобы оказывать на молодую республику давление.

Стало известно также, что США обусловливают свою помощь в строительстве Высотной плотины различными требованиями. Прежде всего Египет должен заявить, что он не заключит с восточноевропейскими странами новой сделки о поставках оружия. Кроме того, Насер, используя свою роль лидера на Ближнем Востоке, должен был гарантировать мир с Израилем.

Было ясно, переговоры с США зашли в тупик. Вскоре это действительно подтвердилось. США изменили свое первоначальное решение и отказались финансировать стройку.

Насер узнал об этом в самолете на пути из Югославии в Каир. Вместе с ним летел Неру. Ознакомившись с заявлением госдепартамента США, он подошел к министру иностранных дел Махмуду Фавзи и сказал: «Это не просто отказ. Это незамаскированный удар по новому режиму, воспринимающийся как призыв к египетскому народу о его свержении…»

Самолет прибыл в Каир ранним утром…

Однако Неру вынужден был прервать свой визит: надвигались грозные события.

Насер никак не мог забыть разговор с Селвином Ллойдом. В самом деле, почему бы Египту не воспользоваться своими суверенными правами и не добыть деньги на строительство Асуанской плотины, получая всю сумму за проход судов через Суэцкий канал? Почему, собственно, египтяне должны делиться своими доходами с иностранцами?

Заранее подбирал Насер людей, которые могли бы подготовить сложную и ответственную операцию по национализации канала. Среди них были инженер Махмуд Юнис, доктор Мастафа Хефнави и другие. Насер познакомил их со своими планами, каждому дал конкретное задание…

Хефнави, например, готовил текст закона о национализации.

В 1968 году кончался срок действия концессии, и «Всеобщая компания морского Суэцкого канала», большинство акций которой принадлежало правительству Великобритании и французским предпринимателям, намеревалась заблаговременно продлить ее.

Насер старался предугадать, что может произойти после того, как он объявит о национализации канала. Всю ночь просидел он за работой. Наутро на столе лежал готовый план, который назывался так — «Если бы я был на месте Идена».

«Иден должен реагировать грубо, — писал в этом документе Насер, вспоминая о своей встрече с ним в Каире. — В то же время, чувствуя слабость своей позиции, он, вероятно, попытается прибегнуть к силе. Но он не может осуществить полную оккупацию страны…

Но какие силы сможет Англия направить в Египет?..

Вероятно, Иден попытается втянуть в авантюру Францию. А может быть, именно Франция проявит инициативу. США благословят эти действия, но молча. Ведь никто не возьмется предсказать, как это отразится на предстоящих президентских выборах… Возможности у агрессора невелики. Русские будут действовать решительно. Что еще может предпринять агрессор? Атаку на Александрию из Ливии. Для этого нужны крупные силы,

потому что в этом случае они вынуждены будут идти на Каир. Обстреливать Александрию с моря, как это сделал в 1881 году адмирал Симур, они вряд ли будут. Это невыгодно — опасна реакция мирового общественного мнения. Вероятны также десанты с целью захвата канала. Значит, надо укрепить войска, стоящие на канале, оголив ради этого даже Синай…»

То есть, несмотря на провокацию в Газе, Насер считал, что Иден не согласится на участие Израиля в этой операции.

«Наиболее, опасно, — продолжает Насер, — немедленное вмешательство. Вернее всего, это произойдет в начале августа. С каждой неделей шансы Идена на успех будут уменьшаться. Мы поведем политическую работу. Вторая неделя августа — опасность 60 процентов. Третья неделя — 50 процентов. Четвертая — 40 процентов. Конец сентября — 20 процентов…»

Этот документ дает нам возможность познакомиться с методами работы Насера и убедиться в правильности его прогнозов.

Все рассчитав, Насер с нетерпением ожидал дальнейших событий. 23 июля 1956 года он присутствовал на открытии нефтеперегонной станции на линии Суэц — Каир. Насер хотел воспользоваться этим случаем, чтобы объявить о национализации канала. Но нужно было еще уточнить некоторые детали. Пришлось отложить это важное мероприятие. Однако выступал Насер решительно: «Умрите от собственной ярости, — эти слова, обращенные к США, прогремели на весь мир. — Египет построит плотину, даже если придется вцепиться в гранит ногтями».

Слушая Махмуда Юниса, руководившего строительством нефтепровода, Насер решил назначить его председателем Комитета по национализации. После окончания торжеств он встретился с Махмудом Юнисом.

В эту ночь Насеру принесли данные об английских войсках, дислоцированных в Средиземноморье. Оказалось, что англичане не могут немедленно начать вторжение, так как им потребуется не менее двух месяцев для того, чтобы сосредоточить силы.

Махмуду Юнису Насер приказал немедленно ехать в Исмаилию, где размещалась администрация Суэцкого канала, и слушать его речь по радио 26 июля 1956 года, с которой он в тот день собирался выступить в Александрии.

Они договорились, что, как только Насер произнесет слово «де Лессепс»,[18] Юнис немедленно приступит к выполнению плана. Если же де Лессепс не будет упомянут в речи, то Махмуд Юнис должен дожидаться дальнейших распоряжений. Юнис уже подготовил список военных и гражданских инженеров, которых он взял вместе с собой для проведения операции. Каждый

получил конверт с инструкциями, запечатанный красным сургучом.

Прежде чем выступить, Насер собрал в Александрии министров. Там за два часа до митинга он изложил правительству план национализации канала. Некоторые были напуганы. Насер заявил, что он берет на себя ответственность за свои действия. Совещание закончилось, а какое-либо официальное решение так и не было принято, сообщает Хейкал.

Гамаль не успел заранее подготовить речь. Лишь во время заседания совета министров на конверте он записал несколько тезисов. Насер не мог даже обдумать их по пути на митинг, так как, стоя в открытой машине, он приветствовал толпившихся вдоль дороги египтян.

И тем не менее это была одна из его самых сильных и волнующих речей.

Для того чтобы Юнис не прослушал условный сигнал, Насер несколько раз повторил слово — «де Лессепс».

Для проведения операции Юнис организовал четыре группы. Одна осталась в Каире, вторая отправилась в Порт-Саид, третья — в Суэц. Юнис с главной группой уехал в Исмаилию.

В тот момент, когда Насер произносил речь, Юнис сидел в своей машине. Услышав слово «де Лессепс», он сразу же направился к директору кампании Суэцкого канала…

С момента своего создания «Всеобщая компания морского Суэцкого канала» была фактически государством в государстве. Она имела свой флаг, свой шифр. Египтяне могли лишь мечтать о том, что в 1968 году, когда кончится срок концессии, им удастся улучшить условия нового договора. Теперь же они стали хозяевами канала!

Решение Насера о национализации канала и тон, которым об этом было заявлено, явились для Идена полной неожиданностью. Вечером 26 июля он устроил прием в честь находившегося в Англии короля Ирака Фейсала. На ужине присутствовали также Нури Саид и многие видные политические деятели Англии. Нури Саид впоследствии рассказал о том, что произошло, на этом приеме.

За несколько часов до национализации канала консерваторы, члены так называемой «Комиссии 1922 года», обычно сидевшие на задних скамьях парламента и нередко критиковавшие политику лейбористского правительства, выразили Идену благодарность за «искусство, с которым он выполняет свою нелегкую миссию».

В хорошем расположении духа Иден приступил к обсуждению

вопроса о том, какие меры предпримет Насер после отказа Англии и США финансировать строительство Асуанской плотины. Иден считал, что Насер теперь окончательно загнан в угол.

Король Фейсал с интересом слушал, как английские политики спорили о руководителе Египта. Разошедшийся Иден был совершенно убежден в том, что Насер уже повержен. Они подыскивали подходящую кандидатуру на его место.

Ужин подходил к концу, когда один из секретарей Идена передал ему записку. По мере того как он читал ее, лицо его покрывалось красными пятнами. Объявив гостям о решении Насера, он окончательно потерял над собой контроль.

— Какое он имел право! — кричал английский премьер-министр, потрясая запиской. — Как, по-вашему, я должен поступить? — спросил он, обернувшись к Нури Саиду.

— Перед вами только один путь! — с горячностью воскликнул иракский «канцлер». — Нужно как можно скорее нанести удар.

Иден с благодарностью взглянул на него. Как хорошо, что союзники его понимают: ведь только сегодня утром он говорил на заседании совета министров о том, что против Насера следует действовать решительно. Правда, спешить некуда. Европейских специалистов выдворят из Египта, а арабы все равно не сумеют наладить работу на канале. В этом Иден был совершенно уверен. А значит, надежды Насера не оправдаются. Вот тогда и возникнет идеальная ситуация для вмешательства. Но вскоре Иден с удивлением узнал, что Насер предложил всем иностранным специалистам оставаться на своих местах.

С точки зрения международного права Насер не нарушал законов. Канал был проложен по египетской территории. В международной практике имелись прецеденты, когда государства национализировали частную собственность на своих территориях.

Единственным документом, который могли попытаться использовать против Египта капиталистические страны, являлась Константинопольская конвенция 1888 года. Согласно этому документу канал должен был оставаться свободным и открытым для торговых и военных судов всех стран как в мирное, так и в военное время. Но компания Суэцкого канала никогда не несла ответственности за свободу судоходства. Ее гарантировало египетское правительство.

Однако англичане и французы, достаточно искушенные в юрисдикции, заявили, что неопытная египетская администрация не справится с эксплуатацией канала.

Иден тотчас провел серию совещаний. Нури Саид по-прежнему советовал ему предпринять активные действия.

— Если оставить его безнаказанным, он задушит всех нас, — говорил он. (Через два года пророчество Нури Саида сбылось: в Ираке произошла революция…)

Иден решил начать агрессию. Юридическая сторона дела его больше не интересовала.

Однако военные напомнили Идену о том, что у Египта есть новейшее оружие советского производства. Оказалось также, что в случае прекращения работы Суэцкого канала Англия останется без горючего, поскольку имеющиеся запасы истощатся через три недели.

Тем временем Египет обратился за помощью к дружественным государствам, и лоцманы-добровольцы из социалистических стран согласились приехать на канал и заменить тех специалистов, которые отказались сотрудничать с египетской администрацией. Условия Константинопольской конвенции о проходе судов через Суэцкий канал полностью соблюдались.

Позиции Идена слабели с каждым днем. И нервы его тоже сдавали. Даже американская разведка отмечала, что со времени национализации Суэцкого канала Иден заметно осунулся и начал проявлять признаки неуравновешенности.

Но агрессивные планы Идена были поддержаны. На следующий день после объявления о национализации, когда английский премьер-министр информировал президента США Эйзенхауэра о том, что Англия намерена прибегнуть к силе, в Лондон прибыл один из приближенных Бен-Гуриона — Шимон Перес. Из Лондона он направился в Париж. Его агент Джозеф Нахмиас устроил для него ряд важных свиданий во французской столице. Перес познакомил французского министра обороны с позицией Израиля, предлагавшего свои услуги для организации агрессии. В Париже и Лондоне это предложение было воспринято с ликованием. Начались конкретные переговоры. Израиль предполагал захватить Суэцкий канал. Англия и Франция намеревались послать экспедиционный корпус. Бен-Гурион отдал приказ о приведении израильских войск в боевую готовность. Руководить операцией должен был Моше Даян. Несколько раз в эти дни ему пришлось вылетать в Париж. Французы выражали недовольство по поводу своих нерешительных союзников — англичан. Бесславный конец оккупации Египта заставил их более осторожно подходить к новой авантюре. Даян подбадривал и англичан и французов, а заодно подсовывал новые списки вооружения, которое Израиль рассчитывал получить от своих европейских союзников. Те не жалели средств, считая, что, чем больше оружия они поставят Израилю, тем быстрее энергичный

Даян, активность которого они успели оценить, сможет начать вторжение.

Тем временем Англия и Франция усилили экономические санкции против Египта. Они заморозили египетские вклады в английских и французских банках. Судам этих стран в Средиземном море было предложено укрыться в портах Мальты и Кипра. Даллес приезжал в эти дни в Лондон и встречался с Иденом. На переговорах между ними было признано целесообразный созвать в Лондоне конференцию представителей государств, подписавших Константинопольскую конвенцию 1888 года, а также стран, заинтересованных в судоходстве по Суэцкому каналу.

Конференция приступила к своей работе 16 августа. Представители двух стран — Кипра и Греции — не приехали к ее открытию. Не было на конференции и делегата Египта.

Вначале Абдель Насер хотел возглавить египетскую делегацию. Однако английский премьер-министр выступил по телевидению с оскорбительной для египетского президента речью.

«Насер — враг, — заявил Иден, потрясая перед телекамерой бумагой. — Вот черный список дел Насера…»

Это послужило поводом для отказа от поездки: не прислав делегации, Египет, таким образом, развязал себе руки в отношении решений, которые могли быть на конференции приняты. Во время ее работы преобладали антиегипетские тенденции. Но это не означало, что на конференции не раздалось голосов в защиту Египта. Делегаты СССР, Индии, Индонезии и Цейлона решительно поддержали египетский народ в его борьбе и отказались подписать резолюцию, которая призывала к созданию международной комиссии по управлению каналом.

В Египет направилась делегация для разъяснения решений конференции. Иден требовал, чтобы во главе этой делегации поставили его, но большинство участников конференции поддержало кандидатуру премьер-министра Австралии Мензиса. Кроме него, в Каир прибыли представители Ирана, Эфиопии, США и Швеции.

Уже на следующий день после своего приезда делегаты имели возможность побеседовать с Насером. Пятого сентября в отеле «Маниал» — бывшем дворце принца Мухаммеда Али, дяди свергнутого Фарука, Насер устроил в честь делегатов ужин.

6 сентября делегация в третий раз встретилась с Насером. На этот раз Мензис приложил все усилия для того, чтобы Насер согласился на международное управление каналом. Но Насер отклонил предложение. Он считал, что в этом случае Египет

вновь бы утерял контроль над каналом.

Мензис убеждал Насера в том, что международная администрация сможет решить любую проблему.

— Вы думаете, что это положит конец всем трудностям, а я придерживаюсь противоположного мнения, — отвечал Насер.

— Нет, ваше превосходительство! Нежелание доверить управление каналом международной администрации ведет к трудностям, — вспылил Мензис.

Насер решительно захлопнул папку с документами, подготовленную для переговоров.

— Вы, кажется, угрожаете мне. Хорошо. Переговоры закончены, — заявил он.

Вмешался министр иностранных дел Эфиопии. Он сказал Насеру, что Мензис оговорился, что он не думал никому угрожать. То же самое говорил и швед.

— Извините, — растерянно бормотал Мензис, — я не имел в виду этого…

Но Насер знал, что делает.

— Если вы говорите, что мой отказ выполнить решения конференции ведет к трудностям, то это самая настоящая угроза. Я не согласен продолжать переговоры под давлением.

5 октября вопрос о Суэцком канале был передан на обсуждение в Совет Безопасности ООН, который заседал в течение девяти дней. Организация Объединенных Наций подтвердила свободу судоходства по Суэцкому каналу, выразила уважение к суверенитету Египта, призвала не ориентироваться на «политику отдельных государств». Пошлина должна была взиматься на основе договоренности Египта со странами, пользующимися каналом, и частично идти на его реконструкцию. Насер положительно оценил решения, принятые Советом Безопасности, так как они, по мнению египетского президента, предотвращали военную угрозу. Для их претворения в жизнь ООН предложила организовать встречу министров иностранных дел Англии, Франции и Египта.

Ее наметили провести 29 октября в Женеве. Но она так и не состоялась. С Кипра и Мальты уже доходили до Египта вести о сосредоточении английских войск. Капитаны судов, проходивших через Суэцкий канал, рассказывали о появлении английских боевых кораблей. Насер приказал сконцентрировать в дельте Нила и вдоль канала воинские подразделения, переброшенные из Синая.

Между тем в конце октября Бен-Гурион и Даян прибыли в Париж и провели последние секретные переговоры с Ги Молле и французскими генералами. На следующий день к ним

присоединился Селвин Ллойд.

И англичане и французы были убеждены, что США благосклонно отнесутся к агрессии. Но как поступит Советский Союз? Этого они не знали. Бен-Гурион заявил, что «не стоит беспокоиться на этот счет». Он считал, что контрреволюционный путч в Венгрии не позволит Советскому Союзу активно вмешаться в события на Ближнем Востоке.

Через два дня после возвращения Даяна и Бен-Гуриона из Парижа израильские войска перешли границу Египта и начали быстро продвигаться к Шарм-аль-Шейху.

В тот день в семье Насера праздновали день рождения сына. В гости были приглашены друзья маленького Абдель Хамида. Неожиданно Гамалю, с интересом слушавшему ребячьи разговоры, принесли текст перехваченного египетскими радистами приказа, который предназначался для израильских бронетанковых частей на Синае.

Основная масса египетских войск стояла у канала. Насер полагал, что войска необходимо сосредоточить около жизненно важных центров страны. Однако над Иорданией был сбит израильский самолет, в сумке погибшего офицера оказались секретные документы израильского генштаба. Израильтяне собирались захватить Синай и Суэцкий канал. Ночью наперерез врагу была двинута часть египетских войск. Утром 30 октября 1956 года египетские подразделения вошли в соприкосновение с неприятелем. Наиболее крупные бои завязались под деревней Абу-Агила. Здесь, на перекрестке дорог, израильской мотомеханизированной бригаде противостояли два египетских пехотных батальона. В течение нескольких суток израильские войска пытались захватить деревню.

Около сорока танков и восемь самолетов потеряли израильтяне в боях, в результате которых выявилось превосходство боевой техники египтян. Египетские солдаты выказали отменное мужество.

На международной арене события развивались не менее стремительно.

На следующий день после начала израильской агрессии египетские послы в Париже и Лондоне были одновременно вызваны в министерства иностранных дел. Им зачитали ультиматум правительств Англии и Франции, в котором выдвигалось требование о прекращении военных действий и отведении египетских и израильских войск на десять миль по обе стороны канала. Египту предлагалось также добровольно согласиться на «временный захват» английскими и французскими

войсками важных позиций в районе Порт-Саида, Исмаилии и Суэца. В ультиматуме подчеркивалось, что если одна или обе стороны откажутся принять эти требования, то войска Великобритании и Франции приступят к выполнению возложенных на них задач.

Египетское правительство отклонило ультиматум. Израиль же, как это и было заранее предусмотрено, согласился подчиниться требованиям Англии и Франции. В то время израильские войска находились уже на расстоянии сорока миль от канала, и англо-французский ультиматум, по сути дела, подхлестывал их, предоставляя им возможность наступать.

В тот же день в девять часов вечера Насер вызвал к себе английского посла Тревельяна.

— Мы получили сегодня ваш ультиматум, — сказал он.

Посол чувствовал себя неловко.

— Это не ультиматум, — попробовал разрядить он обстановку.

— Мы воспринимаем этот документ как ультиматум, — снова подчеркнул Насер и передал ему готовый ответ египетского правительства, заявив, что Англия и Франция намереваются начать агрессию против Египта.

— Согласно имеющемуся у меня тексту цель вмешательства — приостановить боевые действия и защитить канал, — начал было опять посол.

— Мы сами можем защитить канал и с завтрашнего дня будем вынуждены отстаивать его не только от израильтян, — прервал его Насер.

Сэру Тревельяну оставалось лишь просить Насера об охране английских граждан и их собственности.

На следующий день английские и французские самолеты начали бомбить египетские военные базы.

Западная печать ополчилась против Насера. Его сравнивали с Гитлером и Муссолини, называли «антисемитом» и «шовинистом». Английская радиостанция, расположенная на Кипре, открыто призывала египтян к свержению Насера.

Услышав рев реактивных самолетов и взрывы бомб, Насер выехал посмотреть, что творится в столице. Каирцы приветствовали Насера, узнав президентский автомобиль. Он понял, что может рассчитывать на поддержку народа.

В результате бомбардировки была выведена из строя радиостанция. Тогда Насер отправился в Аль-Азхар. Там перед тысячами египтян, собравшимися на площади, он произнес речь. В его ушах еще звучали голоса воодушевленных людей, готовых идти в бой, когда, вернувшись в свой рабочий кабинет, он узнал,

что группа бывших политических деятелей и промышленников добивается приема с тем, чтобы уговорить его принять англо-французские условия.

— Каждый, кто придет ко мне с разговорами о капитуляции, будет расстрелян перед входом в президентский дворец, — заявил Насер.

В городах срочно раздавалось оружие. Рабочие, вооруженные винтовками, стояли за станками, вечерами они же выходили на улицы в нарядах народной милиции. Патриоты под руководством армейских офицеров прямо на городских площадях проводили военные занятия.

Насер избрал в качестве своей резиденции бывшее здание Совета руководства революцией. Ответственность за судьбы египтян тяжелым бременем легла на его плечи. Все эти дни он спал всего по два-три часа в сутки.

— Разбудите, когда начнется бомбежка, — говорил он обычно, укладываясь на походную кровать, которая была поставлена в его кабинете.

Однажды после бессонной ночи Насер решил отправиться на фронт. Как ни уговаривали его остаться в Каире, ссылаясь на то, что вражеская авиация контролирует дороги, 5 ноября он все же покинул Каир. В пути его настигла очередная тревожная весть: в Порт-Саиде и Порт-Фауде высадился англо-французский десант, численность которого свидетельствовала о том, что начата крупная операция. Пришлось возвращаться назад.

Египетским частям, сдерживающим израильское наступление, был отдан приказ отходить к каналу. Только окруженный со всех сторон гарнизон Абу-Агилы продолжал отчаянно сопротивляться. Вскоре он вышел из окружения и пробился к каналу. В конце концов израильским войскам удалось захватить Шарм-аль-Шейх. Египет потерял важный стратегический пункт, но сохранил армию. Однако ее возможности были ограничены: в воздухе господствовала вражеская авиация, ибо Египет не имел достаточного количества хорошо подготовленных летчиков. Несмотря на это, египетские авиаторы неплохо проявили себя. Однажды три египетских самолета возвращались на свою базу с боевого задания. На подходе к аэродрому «Кибрит» они вступили в бой с израильскими истребителями. Один израильский самолет был сбит, остальные улетели.

О героизме египтян свидетельствуют и другие факты. Египетский эскадренный миноносец вышел на рейд перед Хайфой и потопил три торпедных катера, заставив меткими выстрелами замолчать береговую артиллерию противника. Затем египетский

миноносец, взявший курс на север, был атакован двумя израильскими миноносцами. Им на помощь подошло еще несколько военных кораблей, поддерживаемых авиацией. Но египетский миноносец продолжал отчаянно сопротивляться. Уже горел израильский миноносец, однако снаряд повредил рубку египетского корабля. Объятый пламенем, он продолжал отстреливаться до последнего снаряда…

Перед высадкой в Порт-Саиде английская и французская авиация подвергла город варварским бомбардировкам. Было разрушено много жилых домов. Предвидя возможность оккупации города, местные власти отдали приказ об эвакуации женщин и детей в Дамиету и Матарию.

6 ноября, то есть на следующий день после высадки десанта, авиация противника совершила еще несколько налетов на город. Вслед за тем английские и французские суда вошли в порт, обстреляв жилые кварталы из корабельных орудий.

Насеру докладывали, что в Порт-Саиде начались репрессии. Местный стадион был превращен в концентрационный лагерь. Туда бросали без разбора схваченных на улице людей. По ночам английские — солдаты грабили дома мирных жителей. Никто не тушил возникавших в городе пожаров. Вскоре перестал работать водопровод.

Когда английские войска высаживались в Порт-Саиде, Насер отдал приказ египетским войскам отступить без боя. В этом городе, окруженном топкими лиманами, прижатом к каналу и морю, не хватало оперативного простора для танковой атаки. Но подразделения народной милиции и национальной гвардии, египетская администрация во главе с губернатором Мухаммедом Риадом остались в Порт-Саиде. Теперь Насер думал о том, как организовать в городе отпор оккупантам.

Была налажена связь с Риадом, его снабжали средствами, в Порт-Саид переправлялось оружие для создававшихся подпольных групп Сопротивления.

Патриоты начали действовать с первого же дня оккупации. В тот момент, когда английские войска входили в город, группа египтян, укрывшихся в городском парке, открыла огонь по колонне вражеских солдат. Земля горела под ногами захватчиков. «Федаи» нападали на английских и французских солдат, несших караульную службу, взрывали машины, выводили из строя боевую технику противника. На военном аэродроме, строго охранявшемся оккупантами, партизаны сумели подорвать несколько боевых самолетов.

Насер повел активное дипломатическое наступление. Египет поддерживали Советский Союз, страны социалистического

лагеря, арабские государства, развивающиеся страны Азии и Африки. В решении ООН, принятом 1 ноября большинством в 64 голоса, отмечалось, что Израиль виновен в нарушении соглашения о перемирии. Англия и Франция были объявлены агрессорами. Совет Безопасности потребовал немедленно прекратить боевые действия и вывести войска с оккупированных территорий. Насер вновь добился победы с помощью политических средств. Через несколько суток Совет Безопасности откликнулся на просьбу Насера и согласился на введение в Египет чрезвычайных сил ООН. Однако их прибытие несколько задерживалось. Оккупанты незамедлительно воспользовались этим: Каир, Александрия подверглись новым варварским бомбардировкам. В это тяжелое для Египта время Советское правительство выступило с заявлением, в котором осуждалась интервенция империалистических держав. В Порт-Саиде на следующий же день состоялись народные демонстрации, с которыми оккупанты не решились расправиться.

В знак солидарности с египетским народом патриоты Сирии и Саудовской Аравии взорвали нефтепроводы.

7 ноября в ООН был принят новый документ, в котором выражалось требование прекратить агрессию. В Египет стали прибывать чрезвычайные силы ООН. Неприсоединившиеся страны проявили солидарность с Египтом. Индия, например, заявила о своем намерении выйти из Британского содружества наций в знак протеста против английской политики.

«Возможность присылки добровольцев из стран советского блока многими воспринималась в этот момент весьма серьезно, — пишет английский журналист Роберт Стефенс. — Это и было одной из причин той поспешности, с какой прибывали в Египет вспомогательные силы ООН, а американцы оказывали давление на Англию, Францию и Израиль с тем, чтобы заставить их вывести войска».

Интервенты вынуждены были отступить. В Порт-Саид вошли египетские войска.

Итак, египетский народ победил: англичане и французы оставили Порт-Саид, израильские войска отошли за линию перемирия. Египтяне теперь не только полностью контролировали канал, но и конфисковали склады бывшей компании Суэцкого канала. На английское и французское имущество был наложен секвестр. Пал последний империалистический бастион на территории страны…

Глава 6

Древний Абу эль-Гуль («Отец ужаса» — так называют египтяне сфинкса) — очевидец многих потрясающих событий. И все же изваяние вряд ли может поведать больше чудес, чем обычный египтянин — свидетель революции 1952 года, после которой начали осуществляться вековые мечты египетского народа. Египет всегда называли ласково и вместе с тем с горечью — «дитя Нила». С горечью, потому что в течение многих лет «дитя» не могло встать на ноги. Страна спала. Века проносились, не потревожив ее покоя. И вот (разве это не чудо!) наступило время, когда «дитя» начало ходить. Революционеры вписали самую важную главу в историю Египта…

Широко зашагали по долине Нила столбы — опоры высоковольтной Асуанской линии. Загудели натянутые провода. Пройдет немного времени, и Египет будет залит электрическим светом.

Заводские трубы и здания цехов вклинивались в однообразные пейзажи страны, зеленые поля наступали на пески, возникали новые города, приходилось сдавать в архив старые географические карты, еще недавно служившие верой и правдой. Такие же, только внешне менее заметные перемены происходили и в обществе.

Душой этих перемен был Насер, которым гордился не только Египет, но и весь арабский мир.

Он знал, что после ликвидации тройственной агрессии империалисты не оставят в покое Египет. Насер не сомневался в том, что они не прекратят борьбы против национально-освободительных движений и революционных режимов в арабских странах. Первоочередную роль в этом они отводили сионистам. Едва завершился вывод оккупационных войск, как в Каир приехал известный индийский журналист, главный редактор журнала «Блиц» Каранджия. Насер принял его у себя дома. Каранджия недавно побывал в Багдаде. Там через английского офицера ему удалось получить план превентивной войны, разработанный израильским генеральным штабом.

Каждый день президент знакомился с наиболее важными сообщениями, делал пометки в блокноте или давал указания своим помощникам. Сведения, добытые индийским журналистом, он отметил двойной чертой.

Из этих документов выяснилось, что Израиль задолго до 1956 года готовился к агрессии против Египта и других арабских

стран. В них подробно излагались стратегические и тактические планы израильского командования. Позднее, в феврале 1960 года, Бен-Гурион открыто заявил: «Мы должны предвидеть решающее испытание нашей военной силы в течение второго десятилетия существования нашего государства». В другой раз он выразился более определенно: военное испытание предстоит «в первой половине» 60-х годов. К тому же действия Израиля корректировались империалистическими державами.

Не успели еще израильские войска эвакуироваться из Синая, а США уже выступили с так называемой «доктриной Эйзенхауэра», заявив, что будут оказывать финансовую помощь только тем правительствам, которые намереваются вести борьбу против «международного коммунизма на Ближнем Востоке». Применительно к Египту подспудная цель новой доктрины была ясна. США боялись, что, победив Израиль политическими средствами, Египет приобретет слишком большой авторитет. Вашингтон рассматривал укрепление суверенитета Египта как угрозу, так как независимые страны тяготели к странам социалистического лагеря. Насер был готов к такой реакции США еще тогда, когда заключил контракт о поставках оружия из Чехословакии.

Теперь он все более и более убеждался в том, что национальные интересы Египта требуют сближения с Советским Союзом.

На протяжении многих лет арабские страны жили довольно изолированно друг от друга. В XX веке в каждой из них начался процесс зарождения местного национализма. Так, например, иракские националисты объявили себя наследниками древней культуры Шумерского царства и Вавилона. Тунисцы называли себя финикийцами и говорили, что в их жилах течет кровь защитников Карфагена, египтяне гордились пирамидами, которые «создавали их предки», и т. д. Величие древних культур служило для них источником национальной гордости и историческим подтверждением права на независимость, за которую они боролись.

На этих идеях воспитывался Насер и его окружение. Но уже во время Палестинской войны 1948 года Насер начинает понимать, что империалисты виноваты в разъединении арабских народов. Узкому египетскому национализму он позднее противопоставил идею «арабского единства». Так как ближневосточные страны должны были, по его мнению, не только бороться вместе за независимость, но и сотрудничать в дальнейшем, строя новую жизнь. Ведь объективно египтяне были

связаны с другими арабскими народами и историей, и общностью культурных традиций, и языком.

Еще накануне тройственной агрессии, словно предчувствуя, что призыв к «арабскому единству» доставит много хлопот, английский посол Тревельян убеждал Насера взять пример с Ататюрка: «Почему Ататюрк смог успешно проводить свою политику? Он убедил другие державы в том, что его интересует только развитие Турции, а не внешние авантюры».

Первой проверкой на практике идеи «арабского единства» был союз с Сирией. Насер справедливо писал еще в «Философии революции», что безопасность Египта зависит от того, окажут ему поддержку другие арабские государства или нет. Во время последней войны сирийский народ помог Египту. Сирия заявила о готовности послать в братскую страну добровольцев.

В 1957 году в газетах появились сообщения о том, что некоторые государства — участники Багдадского пакта разрабатывают планы агрессии против Сирии. Руководители Сирии видели в Насере национального героя, способного предотвратить угрозу военного вмешательства. Тогдашние сирийские лидеры также рассчитывали на то, что, объединившись с Египтом, они приобретут себе авторитет в арабском мире. Между Сирией и Египтом еще раньше были заключены культурные и военные соглашения. На международной арене они отстаивали принципы позитивного нейтралитета.

В январе 1958 года в Каир приехала делегация сирийских политических деятелей, возглавлявших различные партии и группировки. В ее составе был министр иностранных дел Салах Битар. Он просил ускорить работу по объединению. После этого последовали переговоры на разных уровнях между ответственными государственными деятелями Египта и Сирии. 1 февраля 1958 года во дворце Кубба встретились президенты двух стран. Переговоры завершились обнародованием манифеста об образовании Объединенной Арабской Республики. Все граждане нового государства получали равные права.

5 февраля 1958 года президенты Насер и Шукри аль-Кувватли обратились к народам двух стран с речами, в которых они разъяснили политику нового государства. Народам Сирии и Египта предложили выразить свое отношение к объединению. Они также должны были выбрать президента ОАР. 21 февраля 1958 года состоялся референдум, а на следующий день было официально объявлено о том, что президентом избран Гамаль Абдель Насер.

Десятки тысяч людей вышли на улицы Дамаска встречать Насера, который впервые приехал в Сирию. Любое из арабских

государств могло присоединиться к Объединенной Арабской Республике.

Создание ОАР всполошило реакционные арабские режимы. Король Сауд решил, что настало время избавиться от Гамаля Абдель Насера. Его агенты сообщали, что им удалось нащупать в окружении Насера человека, который может организовать покушение. Они завербовали самого начальника сирийской военной разведки Сираджеддина. На его счет в Мидлендский банк был переведен миллион фунтов. Одного только заговорщики не знали, что Сираджеддин поставил обо всем в известность Гамаля Абдель Насера и получил от него приказание продолжать игру. Прежде всего Сираджеддин заявил агентам Сауда, что причитающаяся сумма слишком мала для такой опасной операции. Король Сауд денег не жалел. И счет Сираджеддина в Мидлендском банке увеличился еще на девятьсот тысяч фунтов. Он обещал подложить бомбу в самолет, на котором летел Насер. Но в назначенный срок разорвалась «бомба» совсем иного рода. Документы, свидетельствовавшие о заговоре, в том числе банковские чеки, были продемонстрированы на пресс-конференции иностранным журналистам.

По-своему отреагировали на образование ОАР иракские власти. В Ираке и Иордании у власти находились представители одной, Хашимитской династии. Нури Саид срочно предложил Иордании создать вместе с Ираком Объединенное Хашимитское королевство с сохранением тронов короля Фейсала и короля Хуссейна. Однако спустя некоторое время восставший иракский народ смел ненавистный королевский режим.

Вскоре еще одно арабское государство заявило о желании присоединиться к ОАР. Весьма характерно, что на этот раз это была не республика, а Йеменское мутеваккелийское королевство.

Королем Йемена в это время был имам Ахмед, именовавший себя «повелителем правоверных». Этот средневековый халифский титул выражал претензию королей династии Хамид эль-Динов на ведущую роль в арабском мире. Не только XIX, но и XX век обошел Йемен стороной. Но объединение Египта с Сирией было встречено там с энтузиазмом: на улицах йеменских городов — Ходейды, Сана и Таиза состоялись митинги, во время которых народ бурно выражал свое стремление к единству.

Имам Ахмед — типичный средневековый феодал, сидя в своем замке, прикидывал, как можно использовать в своих интересах возникшую ситуацию.

У него были старые династические распри с королем Саудом. Еще в 20-х годах тот попытался лишить Хамид эль-Динов трона.

Правда, потом «владыки арабов» попытались пойти на мировую. В знак «дружбы» Сауд подарил Ахмеду коня. Имам, не любивший оставаться в долгу, тотчас одарил своего соседа черноокой красавицей, убежавшей потом от своего повелителя с парикмахером-итальянцем. Но обмен дарами так и не смог ликвидировать недоверия и неприязни в отношениях между этими королями.

Теперь имам Ахмед решил, что наступил его час. Он полагал, что присоединение Йемена к ОАР поможет ему в борьбе с Саудом.

Насер оказался в неловком положении. Хотя Йемен был и монархическим государством, однако президент ОАР в разгар кампании за претворение идеи «арабского единства» в жизнь не мог игнорировать желание Йеменского народа. В конце концов нашлась приемлемая форма: ОАР и Йемен составили федерацию. Вскоре Насера точно так же, как совсем недавно в Дамаске, радостно приветствовали жители Ходейды и Таиза. Но объединение не было эффективным. Оно не вышло за рамки совместных заявлений политического и экономического характера. Правда, в Йемен были направлены египетские технические и военные специалисты, йеменцы смогли больше узнать о египетской революции.

В апреле 1958 года Гамаль Абдель Насер совершил свою первую поездку в Советский Союз.

Стоял солнечный весенний день, когда самолет приземлился на Внуковском аэродроме. Тысячи людей с цветами встречали египетского президента. В толпе мелькали смуглые лица египтян — работников посольства, студентов, обучавшихся в московских вузах. Празднично одетые москвичи с флагами СССР и ОАР в руках выстроились вдоль пути следования президента. Насер ехал мимо березовых и сосновых рощ, мимо кварталов новостроек и старинных особняков Замоскворечья. Когда колонна автомашин миновала Большой Каменный мост, переводчик предложил гостю посмотреть направо. Насер увидел величавые красные стены Кремля и белые златоглавые соборы, ослепительно сверкавшие на солнце.

И вот первая деловая встреча с советскими руководителями. Насер внимательно вглядывался в лица, многие из которых были известны ему по портретам. Он не знал еще, как поведут себя эти люди. Доброжелательность, с которой его встретили на аэродроме, располагала к откровенности, придавала уверенность. Прежде всего Насер выразил благодарность советскому народу и правительству за помощь, оказанную Египту в трудное время. Он говорил о борьбе, которую ОАР вела, отстаивая свою

независимость, о том, как он понимает политику «позитивного нейтралитета», об «арабском единстве», о давлении, оказываемом империалистическими государствами на молодую республику, о планах на будущее. В стране уже проведены и будут проводиться экономические преобразования.

1 Мая Насер присутствовал на параде. Впервые увидел он вооруженные силы страны, овеянные славой побед во второй мировой войне. Солдаты, проходившие чеканным шагом по брусчатой мостовой, защищали мир, который так нужен был Египту.

Насер был очень доволен посещением Советского Союза. 16 мая 1958 года в газете «Правда» было опубликовано «Совместное заявление о результатах переговоров между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Объединенной Арабской Республики в связи с пребыванием в СССР президента Гамаля Абдель Насера». В нем отмечалось, что оба правительства «осуждают колониализм во всех его проявлениях и аспектах и поддерживают право народов на самоопределение и независимость…

Оба правительства рассмотрели вопрос о правах арабов Палестины и их изгнании… Кроме того, они рассмотрели вопрос о вытекающем из этого нарушения прав человека и угрозе миру и безопасности в этом районе. Оба правительства подтверждают свою полную поддержку законных прав арабов Палестины…

Оба правительства заявляют, что экономические и культурные соглашения, заключенные между Советским Союзом и Объединенной Арабской Республикой, отвечают этим условиям и основаны на здоровых принципах. Они также заявляют о своем полном удовлетворении развитием экономического и культурного сотрудничества между их странами и торговым обменом между ними. В этой связи правительство Объединенной Арабской Республики выразило признательность по поводу существенного вклада Советского Союза в программу индустриализации ОАР…»

Теперь по приглашению президента Тито Насер намеревался отправиться в Югославию.

Вскоре на борту яхты «Аль-Хуррия», некогда принадлежавшей королю Фаруку, Насер отплыл из Александрии на остров Бриони. Впервые он взял с собой в зарубежную поездку жену и детей. На острове он узнал о событиях, потрясших весь Ближний Восток.

В начале июля 1958 года иракский генерал Абдель Карим Касем получил приказ вступить в Иорданию. Реакция готовилась нанести удар по сирийско-египетскому единству.

В штабе Абдель Карима Касема состоялось срочное совещание: обсуждался давно вынашиваемый план государственного переворота. Офицеры-патриоты решили, что пришел их черед действовать. Контакты с демократически настроенными политическими деятелями показали, что инициатива военных будет поддержана народом.

В ночь с 13 на 14 июля войска генерала Касема окружили королевский дворец. Жители иракской столицы поспешили на помощь повстанцам. Утром 14 июля Багдадское радио передало сообщение о том, что в Ираке произошла революция. Король Фейсал, Нури Саид и другие представители ненавистного режима были убиты. Иракская революция явилась новой победой арабского национально-освободительного движения.

В тот же день стало известно, что 6-й американский флот получил приказ двигаться к берегам Ливана. Англичане перебрасывали свои войска в Иорданию и Кувейт. Империалисты боялись, что волна национально-освободительного движения сметет и другие верные им режимы.

Арабский мир бурлил как вулкан. Радист яхты «Аль-Хуррия» работал без отдыха. Насеру приносили одно за другим сообщения. Он поддерживал постоянную связь с Каиром по радио. Президенту ОАР пришлось прервать свой визит. Тито не рекомендовал ему возвращаться на яхте. Египетская разведка тоже опасалась, что 6-й американский флот может предпринять провокации в нейтральных водах. И на самолете лететь было опасно: недавно израильский истребитель сбил египетский самолет, на борту которого должен был находиться маршал Абдель Хаким Амер.

Все-таки Насер решил возвращаться на яхте. С борта судна он отдал распоряжение направить в Багдад военную делегацию. Воинские части, расположенные в Сирии, получили приказ подготовиться к оказанию помощи революционному режиму в Ираке.

Яхта уже находилась в нейтральных водах, когда пришла телеграмма от Тито, который настоятельно советовал Насеру вернуться в ближайший югославский порт. Советское правительство послало в Югославию специальный самолет, который Насер мог использовать по своему усмотрению. Стояла глубокая ночь, были потушены огни. Над яхтой пролетел израильский самолет-разведчик, и она застопорила ход.

Утром Гамаль пересел на сопровождавший яхту миноносец, оставив семью на «Аль-Хуррии», которая взяла курс на Бриони. В его голове созрел новый план. Вместо того чтобы возвращаться в Каир, он решил нанести короткий визит в Москву. В это

тревожное для всех арабских стран время он хотел посоветоваться с советскими руководителями. В следующую же ночь Насер вылетел в Москву.

Ранним утром 17 июля самолет приземлился на знакомом уже Насеру Внуковском аэродроме. Две автомашины с задернутыми шторами поджидали его у здания аэровокзала. По дороге Насер узнал, что американские войска высадились в Ливане.

В десять часов утра начались переговоры с советскими руководителями. Вскоре Насер улетал из Москвы…

Пролетая над Багдадом, Насер послал приветственную телеграмму руководителям иракской революции. В Дамаске с балкона президентского дворца он обратился с речью к народу.

Охарактеризовав положение, создавшееся на Ближнем Востоке, как новый заговор империалистических государств, Насер заявил, что Советский Союз полностью поддерживает борьбу арабских народов. Как и в дни Суэцкого кризиса, Советское правительство выступило с заявлением, в котором выражалось требование немедленно прекратить агрессию.

Империалисты чувствовали, что их авантюра на Ближнем Востоке приняла опасный для них характер. Американским и английским войскам, переброшенным в арабские страны, пришлось снова убираться восвояси.

Теперь наконец обстановка позволяла серьезно взяться за решение социальных и экономических проблем.

На скалах Нубии высечены слова:

> Слава тебе, Нил, выходящий из этой земли,
> Приходящий, чтобы оживить Египет…

Ему пели гимны. Его обожествляли. Потому что жизнь египтян на протяжении тысячелетий зависела от капризов великой реки. Иногда Нил бунтовал: выходя из берегов, он разрушал деревни и уничтожал посевы. Мечта о свободе для египтянина неразрывно связывалась с мечтой о плотине.

Национализация Суэцкого канала принесла ОАР некоторые финансовые средства… Было решено использовать их для строительства Высотной плотины на Ниле. Но этих средств не хватало. Отказавшись финансировать строительство, США считали, что Советский Союз не в состоянии помочь Египту. Даллес так и заявил на заседании сенатской комиссии 28 сентября 1957 года: «В принципе допустимо, что Советы согласятся оказать помощь, как приманку. Но они никогда не

смогут построить эту плотину».

Но Даллес жестоко ошибся. В декабре 1958 года Советский Союз подписал соглашение о предоставлении экономической и технической помощи в строительстве первой очереди Асуанской плотины. При этом за основу был принят проект советских специалистов, признанный лучшим на международном конкурсе.

Никогда раньше Александрийский порт не принимал такого количества грузов, как в те дни. День и ночь у причалов разгружались суда. На берегу выстраивались целые пирамиды пахнущих смолой ящиков. Земля содрогалась от рева многотонных советских самосвалов, бульдозеров и экскаваторов. На железнодорожных вагонах, из которых формировались составы, уходившие из Александрии, ставилась короткая надпись: «Высотная Асуанская плотина». Грузы отправлялись также и по Нилу на наспех сооруженных плотах, баржах и на фелюгах. Толпы крестьян выходили на берег реки, провожая барабанным боем вереницы плотов и фелюг. Из-за барханов пустыни выныривали на верблюдах бедуины и, увидев речные караваны, палили в воздух…

Маленькая железнодорожная станция Асуан на юге Египта, которую с трудом можно было отыскать на карте, удостоилась вдруг внимания крупнейших международных агентств, газет и журналов. Даже высокопоставленным служащим египетских министерств пришлось задолго до 9 января 1960 года забронировать места в единственной на весь город гостинице «Катаракт».

Наступил торжественный день. В десяти километрах от города на каменистой площадке, с которой хорошо видны Нил и окаймляющие его утесы, раскинулся огромный шатер, рассчитанный на несколько тысяч человек. Рядом был сооружен каменный постамент с нишей. Около него феллахи в голубых галябиях держали стреноженного быка. Шатер не вместил всех собравшихся, люди сидели на прибрежных скалах, стояли вдоль дороги, ведущей из Асуана.

Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, гул многотысячной толпы стих. Колонна черных машин, показавшихся из-за поворота, остановилась перед шатром. Первым из машины вышел Гамаль Абдель Насер. Он радостно улыбался, подняв руку над головой в знак приветствия. Люди кричали, как солдаты во время атаки. Полицейские, взявшись за руки, едва сдерживали напор толпы. Вместе с Насером прибыли гости из многих стран, в том числе и советская правительственная делегация. Жестом он приглашает всех осмотреть модель будущей плотины. Затем в нишу каменного

постамента заложили документы, связанные со строительством плотины, коран, монеты — это для потомков. Наконец нишу замуровали, стреноженный бык дернулся в предсмертных судорогах. Традиционное жертвоприношение совершилось. Так египтяне поступали всегда, предпринимая великие дела. Гамаль Абдель Насер с гостями вошел в шатер. С трибуны, украшенной флагами ОАР и СССР, он горячо поблагодарил Советский Союз за помощь в строительстве плотины. Затем Насер и гости одновременно приложили пальцы к кнопке взрывающего устройства. Дрогнули черные скалы. К небу взметнулось коричневое облако песка и камней. Тысячи людей с кирками и лопатами бежали к месту взрыва. Тяжело рыча, разворачивались бульдозеры и экскаваторы. Великое покорение Нила началось…

Через несколько лет в одном из почтовых ящиков асуанские служащие нашли письмо:

«Дорогой дедушка, ты завещал нам любить свой дом и не покидать земли, на которой мы родились. Мы так и поступаем. Куда бы ни забросила нас судьба, мы возвращаемся в родную деревню, к своему дому, около которого до сих пор плодоносит посаженная тобой пальма. Ты знаешь, как бедна наша земля. Семья твоя стала больше, в прошлом году у Хуссейна и Абду родились еще два сына. Теперь мы, трое взрослых, должны искать себе приработка. Недалеко от Ком-Омбо строится большая плотина. И мы решили пойти туда лодочниками на перевозку грузов.

Если бы ты, дедушка, смог вернуться сейчас, ты бы не узнал свой край. Все на глазах меняется. Весь Египет зашевелился. По дорогам день и ночь идут большие машины.

Нил скоро разольется. В местах, где раньше была пустыня, строятся дома. Там будет Новая Нубия. Вчера приезжал эффенди[19] и сказал, что наши деревни тоже переведут на новое место. Там будет много воды и земли. Прежняя наша деревня окажется под водой. Жаль только оставлять посаженную тобой пальму. Хорошо ли тебе, дедушка, в том мире?..

Твой внук Хасан Шихата».

Ежедневно несколько таких посланий отыскивают в ящиках египетские почтовые служащие. Древний обычай писать умершим родственникам до сих пор еще жив в Египте. Такие письма пишут взрослые и дети в минуты тоски по своим родным и близким, желая поделиться с ними самым сокровенным. Автор письма, по-видимому нубийский крестьянин Хасан Шихата, вовлечен в водоворот исторических событий. После того как началось строительство Асуанской плотины, переезжает вся Нубия. Это драматический момент, но как ни жаль Шихате родного очага и

посаженной руками деда пальмы, а там, на новом месте, будет «много воды и земли». И приходится нарушать заветы предков. «Весь Египет зашевелился»: в этих словах и попытка самооправдания, и чувство сопричастности к тем великим переменам, которые происходят в стране.

18 января 1960 года Каирское радио сообщило о том, что строительство второй очереди плотины будет также вести Советский Союз. После посещения Асуана в 1963 году Ричард Никсон заявил: «Теперь я целиком и полностью убедился, что Высотная плотина после ее возведения будет одним из чудес света».

Каждое утро, как сводки с фронта, приносили Насеру отчеты, посвященные работам на Ниле. Империалистическая пропаганда по-прежнему сеяла недоверие к советским специалистам и технике. На страницах буржуазной печати появлялись составленные «экономистами» выкладки, из коих следовало, что строительство нанесет ущерб египетской экономике. Представители египетской буржуазии тормозили строительство и пытались подорвать сотрудничество египетских и советских рабочих, рассчитывая организовать антикоммунистическую кампанию. Но простых египтян нельзя было обмануть, они видели, с каким энтузиазмом работают советские люди.

Профессия строителя превратилась в одну из самых уважаемых в Египте. Возведение Высотной Асуанской плотины сулило много выгод стране. Ведь наряду с плотиной, позволявшей оросить огромные земельные пространства, строилась и мощная ГЭС. Национальный доход ОАР в результате строительства Высотной плотины должен был значительно возрасти.

«Идеология Насера, — отмечают советские историки И. Беляев и Е. Примаков, — как государственного деятеля и политика — это идеология тех представителей средних социальных слоев, которые, начав с последовательного патриотизма, постепенно сближаются с научным социализмом. Переходный период для такого рода деятелей длится долго. Ясно, однако, что тенденция идейной эволюции Насера была достаточно определенной. Такие деятели, как он, шли и идут влево, ведя за собой народы своих стран, целые группы государств „третьего мира“. Опыт Насера, проведенные в этой стране реформы и социальные преобразования заслуживают самого серьезного изучения. В этом опыте есть, разумеется, свои положительные и свои отрицательные стороны. Насер, как революционер и политик, и египетская национально-

освободительная революция предстают перед нами во всем их многообразии, сложности, противоречивости».

Насер видел, что политическая система, существовавшая в стране, не соответствовала размаху происходящих перемен. Надо было мобилизовать и направить народные массы на решение сложных экономических задач. Он неоднократно заявлял, что хочет создать общество «благоденствия, процветания, равных возможностей» и т. д. Говорил он и о намерении создать «кооперативное социалистическое общество». Национализация иностранных банков, страховых, торговых, промышленных компаний укрепила государственный сектор, роль которого постоянно возрастала.

Империалистические державы сделали попытку задушить Египет экономической блокадой. Тогда он переориентировался в области торговли на страны социалистического лагеря, а также на государства Азии и Африки.

Но эти же годы отмечены и бурным ростом крупной национальной буржуазии. Часть акций, принадлежавших иностранцам, перешла в руки египтян. Буржуазия жадно стремилась заполнить «вакуум», образовавшийся после ликвидации господства иностранного капитала. Для нее наступил на какое-то период «золотой век».

Опыт показал, что крупная буржуазия живет ради своих эгоистических интересов. Она не хотела принимать участия в индустриализации страны. В то время как страна напрягала все силы для того, чтобы построить Высотную Асуанскую плотину, египетские промышленники переводили свои капиталы за границу. Тогда правительство по инициативе Насера разрабатывает десятилетнюю программу экономического развития, начиная с 1960 года. Для ее осуществления необходимо было нанести удар по крупной буржуазии. Доверенным лицам, которые отправлялись в поездки по социалистическим странам, Насер поручал серьезно изучить те или иные стороны их общественной жизни и организации экономики. В этом плане большое впечатление произвела на него поездка в Советский Союз.

В июле 1961 года издаются исторические декреты, в соответствии с которыми в собственность государства перешли все частные банки, крупнейшие промышленные и страховые компании. Отныне устанавливался принцип, согласно которому ни одно лицо не имело права владеть акциями более чем на сумму в десять тысяч фунтов. На крупные доходы вводился прогрессивный налог.

Финансовые воротилы начинают скупать земли.

Правительство наносит новый удар — выходит закон, ограничивающий землевладение.

Получают новые привилегии трудящиеся. В стране, в частности, вводится бесплатное среднее образование.

Но феодалы и крупная буржуазия не хотели сдаваться. Они прибегли к традиционному методу — саботажу. Если раньше руководители ОАР говорили о классовом сотрудничестве, то теперь Насер открыто заявил о том, что в Египте развернулась ожесточенная классовая борьба. В ноябре 1961 года он распустил Национальный союз, который враждебно отнесся к прогрессивным реформам. От Насера отдалились и некоторые его ближайшие сподвижники. Подал в отставку Абдель Латиф Багдада — вице-президент ОАР. Выходец из богатой семьи, он всегда поддерживал египетскую буржуазию. Багдади выступал также против поставок оружия из СССР.

Насер знал, что в любую минуту можно ожидать контрреволюционных выступлений как в Сирии, так и в Египте. Особенную активность в борьбе против новых реформ проявляла сирийская буржуазия.

Однако Насер не отступал от намеченной цели. На имущество шестисот богатейших людей Египта он наложил секвестр, примерно сорок из них были арестованы. И хотя через несколько месяцев арестованные вновь вышли на свободу, все те, у кого секвестровали имущество, оказались в изоляции: им запретили принимать участие в политической жизни ОАР. Против Насера снова ополчилась зарубежная печать: большинство лиц с секвестрованным имуществом носили не египетские фамилии. Этого оказалось достаточно, чтобы прилепить Насеру ярлык «антисемита» и «фашиста». Среди людей, читающих ежедневно утренние газеты, мало кто задавал себе вопрос: как получили вдруг столь широкую международную поддержку эксплуататоры египетского народа?

В те дни, когда лекторы разъясняли народным массам значение новых мероприятий, сирийская реакция начала подготовку к перевороту в стране. Положение усугублялось теми ошибками, которые были допущены при объединении Египта и Сирии. В свое время на переговорах по поводу образования ОАР Насер потребовал распустить все политические партии Сирии, и теперь в стране не оказалось ни одной организованной политической группы, на которую Насер бы смог опереться. Баасисты, которые раньше поддерживали его, сейчас находились в оппозиции и действовали нелегально.

Социально-экономические реформы осуществлялись в Сирии «по египетским образцам», без учета местных особенностей. В

стране начало возникать недовольство объединением. Этому в немалой степени способствовали грубость и бестактность многих официальных лиц — египтян, приехавших на работу в Сирию.

28 сентября 1961 года в Сирии произошел переворот. Враги рассчитывали, что Насер направит войска. Но он не хотел воевать с сирийским народом. В этот момент Насер сумел сохранить самообладание. «Мы должны иметь смелость признать наши ошибки», — сказал он. В любой, даже самой невыгодной, ситуации президент ОАР находил реалистическое, правильное решение. Через несколько дней он заявил, что Сирия может выйти из ОАР. Египет, однако, будет называться Объединенной Арабской Республикой и сохранит за собой прежний флаг как символ единства арабских народов.

Многие думали, что Египет откажется от прогрессивных реформ. Но этого не произошло.

30 июня 1962 года после длительного обсуждения, в котором приняли участие депутаты, принадлежащие ко всем социальным группам страны, была принята Хартия национальных действий. В ней определялось развитие политической и экономической структуры Египта.

Во вступлении к хартии Насер объяснил, почему революция 1919 года не дала ощутимых результатов. Прежде всего это произошло потому, что ее руководители не осознали необходимости проведения социальных реформ в стране. Они не выработали своей стратегии. Империалисты предоставили стране лишь формальную независимость. Вместо свободы египтяне получили конституцию, которая оказалась лишь камуфляжем для прикрытия прежней зависимости. Таким образом, буржуазная демократия в Египте обернулась «постыдным фарсом». Те, кто эксплуатировал египетских рабочих и крестьян, могли диктовать им свою волю. Ведь демократия должна основываться на социалистических идеях, поэтому каждому гражданину ОАР необходимо гарантировать свободу от эксплуатации во всех ее формах, уверенность в будущем. Планировалось наступление на частную собственность.

На основе хартии провозглашалось создание политической организации — Арабского социалистического союза. Национальная ассамблея считалась отныне парламентской ветвью АСС. Во главе его стоял исполком, руководимый президентом, который одновременно являлся председателем АСС.

«Равенство возможностей» — основной принцип хартии. Все имеют право на пользование медицинскими услугами, на образование, на работу и на социальное страхование. Женщине предоставлялись равные с мужчиной права.

Хартия национальных действий явилась выдающимся документом арабского освободительного движения. Она представляла собой теоретическое обоснование прогрессивных социально-экономических реформ, осуществлявшихся в Египте, в ней ощущалось влияние идей научного социализма и как бы обобщался опыт всех развивающихся государств.

Глава 7

На этот раз революция докатилась до самого забытого уголка на Ближнем Востоке — Йемена. Один из йеменских патриотов с горечью рассказал однажды Насеру такую притчу: «Недавно Аллах, создавший мир, решил посмотреть, что же произошло на земле, как живут люди. Все изменилось вокруг. Дымились трубы заводов, а на месте пустынь зеленели поля, каналы соединили реки… Пролетая над разными странами, он ничего не мог узнать. И вдруг Аллах радостно воскликнул: „Узнаю, это Йемен“».

Время действительно словно не коснулось этой страны. До сих пор здесь господствовали родо-племенные отношения и натуральное хозяйство. В Йемене не существовало железных дорог и даже шоссейные были построены совсем недавно. Негласным указом короля в стране запрещались: кино, европейские танцы и литература, переливание крови и ношение шляп европейского образца. Были запрещены даже поцелуи.

И вот 26 сентября 1962 года только что вступивший на престол после смерти своего отца новый имам Йемена был свергнут. На улицы йеменских городов вышли демонстранты с республиканскими флагами, без умолку трещали барабаны, лихо танцевали мужчины, взмахивая над головами кривыми ножами. К дворцу, в котором теперь заседало новое республиканское правительство, со всех концов страны собирались люди, чтобы заявить о поддержке республики.

Низложенный имам Бадр бежал и вскоре при пособничестве Саудовской Аравии и империалистических стран сформировал отряды из монархистов, к которым присоединился и ряд племен. Все это воинство двинулось на Йемен. Президент Йемена Абдалла ас-Саляль обратился к Египту за помощью. Через два дня в йеменский порт Ходейда стали прибывать египетские корабли с солдатами. «Та антинародная война, которую ведет Саудовская Аравия в Йемене, поддерживая свергнутый режим, чревата тяжелыми последствиями для короля Сауда», — говорилось в передаче каирской радиостанции «Голос арабов».

В марте 1964 года в Египте издается декрет, отменявший выкуп за реквизированные у помещиков земли. Большая часть земель оказалась в руках феллахов. Отныне иностранцам запрещалось владеть землей.

В стране росло число кооперативов. Они предоставляли крестьянам семена, удобрения, сельскохозяйственную технику, помогали в продаже урожая. На землях, отвоеванных у пустыни,

создавались крупные государственные фермы. Еще в 1963 году было освоено 29 500 федданов в провинции Аль-Тахрир. Пустыня превратилась в цветущий сад. Еще более грандиозные планы разрабатывались на будущее.

Еще в феврале 1964 года были обнародованы новые законы о выборах в Национальную ассамблею. Многие избранные депутаты были рабочими и крестьянами. Впервые в парламент страны попали женщины. Национальная ассамблея должна была обладать исполнительной властью наряду с законодательной. Она получила право контролировать деятельность министров. Правда, Насер сам признавал, что ассамблее еще предстоит преодолеть немало трудностей. Она должна стать действенным органом власти. «Правительство пока еще держит себя над народом…» — говорил Насер в день открытия ассамблеи.

Президентом на следующие шесть лет был избран Насер. Во время работы ассамблеи предполагалось сделать Насера пожизненным президентом ОАР. Узнав об этом, он заявил: «У президента и так большие полномочия. Им нет границ. Принять ли это предложение? Нет, конечно… Благодарю вас за ваши чувства. И прошу не подходить к делам с сентиментальной стороны. К ним надо подходить по-деловому…»

В своей речи он заявил, что наступает новая эпоха. По классам феодалов и капиталистов нанесен жестокий удар. Это, в свою очередь, привело к тесному сотрудничеству Насера и его сторонников с марксистами. Отныне египетские марксисты привлекаются к активной деятельности в государственных учреждениях. Некоторые из них избираются в органы АСС. Они обсуждают проблемы социалистического строительства на страницах египетских газет и журналов.

Перекрытие Нила между тем с каждым днем приближалось. По гребню строящейся плотины, похожей на спину огромного нильского крокодила, двигался поток самосвалов. Пороги и скалы из черного и красного асуанского гранита создавали причудливые нагромождения. И все это сверкало под ослепительно ярким солнцем, от которого зелень нильских берегов казалась изумрудной.

Правительство ОАР готовилось ко дню перекрытия как к величайшему национальному празднику. В Асуан прибывали делегации из многих стран мира, в том числе и из Советского Союза.

В ночь на 14 мая зарево огней Асуанской плотины напоминало восход солнца. В этот день в 12 часов 35 минут президент Насер в присутствии иностранных гостей нажал кнопку

взрывателя. Нильская вода устремилась в новое русло. С момента взрыва и до следующего утра продолжалось перекрытие. Наступил момент, когда строители с левого и правого берегов ринулись друг к другу в объятия. Вечером по новой дороге через Нил проехал Насер в сопровождении гостей…

На голубых галябиях арабских строителей появились советские ордена и медали, на рубашках советских специалистов — египетские. Указом Президиума Верховного Совета СССР президенту ОАР Гамалю Абдель Насеру было присвоено звание Героя Советского Союза. Во дворце Кубба состоялся прием, на котором присутствовало около пяти тысяч человек. Когда приглашенные заняли места за столами, Насер выступил с речью:

«Я буду говорить о великой стране и ее великом народе, о нашем друге, — сказал он, — который в трудные годы пришел к нам на помощь, — я буду говорить о Советском Союзе!..»

Успешно осуществленное перекрытие Нила означало, что через несколько лет страна получит неограниченные энергетические возможности. Теперь, выступая на митингах, Насер все чаще и настойчивей говорил о создании тяжелой промышленности. Углублялось и понимание некапиталистического пути развития. Если в первые годы после принятия законов о национализации речь шла об «арабском» или даже об «исламском» социализме, то теперь Насер счел нужным внести в этот вопрос ясность. В марте 1966 года ему был задан вопрос: «Каков наш социализм — научный или арабский?» Насер заявил прямо и недвусмысленно: «Национальная хартия говорит о научном социализме… В термине „арабский социализм“ отражается комплекс национальной неполноценности…»

В 1966 году была завершена первая пятилетка. Национальный доход страны вырос на одну треть. Из аграрной страны ОАР превратилась за эти годы в аграрно-индустриальную.

Согласно новому семилетнему плану предполагалось увеличить капиталовложения в египетскую промышленность в сто раз. Была разработана широкая программа мероприятий по улучшению материального положения трудящихся. Кодекс о труде вводил в стране семичасовой рабочий день, значительно повышал минимум заработной платы. Еще с 1964 года действовал закон об обязательном социальном страховании. Национализация промышленных предприятий сопровождалась провокациями и актами саботажа. То же происходило и в деревне, феодалы противились проведению аграрной реформы.

Небольшое селение Камшиш в провинции Мануфия вошло в историю Египта как символ борьбы против реакции и феодализма. Камшиш расположен всего в нескольких километрах

от другого села — Деншавай, где накануне первой мировой войны произошло крестьянское восстание против колонизаторов — англичан. Деншавай, потом Камшиш — это как бы этапы борьбы египетского народа за национальную независимость, потом за социальное раскрепощение.

30 апреля 1966 года в Камшише раздался выстрел, прокатившийся гулким эхом по всей стране. От руки убийцы пал активист Арабского социалистического союза Салах Хуссейн. Убийство организовали феодалы аль-Фики, бывшие ранее безраздельными хозяевами в Камшише. Местная полиция и деревенские власти попытались скрыть преступление.

Тогда вдова убитого, двадцатисемилетняя Шахинда, приехала в Каир и потребовала, чтобы ее выслушали. Она рассказала в АСС о террористической деятельности феодалов, пытавшихся затормозить проведение аграрной реформы.

Обо всем этом стало известно Насеру. В Камшиш срочно выехал ответственный работник АСС. Местные представители власти были отстранены от расследования. Начался пересмотр дела.

Выяснилось, что в дни тройственной агрессии аль-Фики отравили в деревне скот, чтобы спровоцировать крестьян на антиправительственное выступление. Когда проводились выборы в местные органы власти, они подделывали бюллетени, чтобы протащить своих людей. И кроме того, аль-Фики записали излишки земли на «мертвые души».

Но проведением аграрной реформы в Камшише руководил уроженец этого же селения Садах Хуссейн, который хорошо знал жизнь крестьян. Он создал в деревне сразу же после революции крестьянский комитет. В результате интриг помещиков он оказался в тюрьме. Потом Салах был вынужден уйти из Каирского университета, где он учился. Несмотря на это, Салах продолжал борьбу. Он предупреждал работников АСС, что нельзя недооценивать активность помещиков. Тогда феодалы решили расправиться с ним. Следствие показало, что убийца Салаха получил оружие и 200 фунтов от одного из членов семьи аль-Фики.

Были пересмотрены и другие дела об убийствах в деревнях, выяснилось, что еще один активист АСС, Ахмед Дасуки, был убит феодалами в селении Мухаммед-Султан, а десять феодалов провинции Кафр-аль-Шейх утаили пять тысяч федданов земли, подлежавших экспроприации.

Насер требовал решительного искоренения остатков феодализма в деревне. Этого же хотела массы феллахов, которые под руководством комитетов АСС вышли на демонстрации,

прокатившиеся до всей стране. Но реакция не сложила оружия. Она продолжала оказывать сопротивление…

Многое изменилось за эти годы в стране. Только жизненный уклад Насера не претерпел никаких изменений. Президент по-прежнему жил в маленькой вилле, которую он снимал, еще будучи преподавателем военной академии.

Насер первым просыпался в доме. Вставал он обычно часов в шесть утра, пил чай, закусывал белым соленым сыром, съедал традиционную для простолюдина тарелку бобов и уходил в свой кабинет. Он уже углублялся в дела, когда оживал дом. С криками дети мчались умываться…

У Насера было мало свободного времени. Но одного правила он придерживался неизменно, когда находился в Каире. В три часа вся семья собиралась за обеденным столом. Больше всего ждали этих минут дети — Насер был необычным отцом. Он никогда не повышал голоса на детей, никогда не вмешивался в их дела, не навязывал своих вкусов. Но он всегда знал, чем они живут, чем интересуются. Он умел тактично и ненавязчиво высказать им свое мнение по тому или иному вопросу, направить их энергию на полезное дело. Каждое слово или поступок отца были для детей примером, которому они стремились подражать.

В редкие дни отдыха Гамаль выезжал на загородную дачу в Канатир-аль-Хеярия.

Там он мог вволю насладиться природой, гуляя с детьми по парку. Было у него одно увлечение, которое захватило и детей. Он очень любил заниматься фотографией. Благодаря этому в семейном альбоме Насера сохранилось много снимков, сделанных им во время этих прогулок. Точно так же президент любил кинофильмы, которые он, как заправский киномеханик, показывал дома.

Самыми большими праздниками в семье были дни рождения детей. По этому поводу устраивался чай. Гамаль выкраивал часок-другой для того, чтобы торжественно вручить имениннику подарок, поиграть с детьми.

Насер не любил отмечать свои дни рождения. Газетам было категорически запрещено публиковать что-либо по этому поводу. Если кто-нибудь приходил в этот день, гостя поили чаем и угощали традиционными пирожными. Гамаль обожал сладкое. Он никогда не пил алкогольных напитков, правда, много курил. Если раньше его любимыми сигаретами были американские, «Кент», то теперь Насер перешел исключительно на египетские — курил только «Клеопатру».

Однажды, когда ремонтировалась его вилла, Насеру предложили перебраться во дворец Кубба, где каждый член семьи

получил по огромной комнате. Жизнь во дворце стала быстро угнетать его. Семья оказалась как бы разделенной.

«Дети, — вспоминал Гамаль, — бегали по коридорам дворца, то и дело натыкаясь на дорогие вазы и старинные вещи. Мне приходилось платить за каждый разбитый старинный предмет. Я не мог вынести бремя жизни во дворце».

Насер был предельно честен и строг к себе. Ему присылали миллионы фунтов в качестве пожертвований с тем, чтобы он направил их туда, куда сочтет нужным. Они переводились в банк на счет под номером «один» и шли на нужды Египта; когда президент умер, на этом счету было два с половиной миллиона фунтов. На личном же счету Насера лежало всего 610 фунтов.

Обо всем этом хорошо было известно египтянам. Впервые страной, в которой на протяжении многих лет царила коррупция, руководил бессребреник. В этом отчасти и заключался секрет успеха Насера как государственного деятеля. Что бы ни писали про него английские и американские газеты, сколько бы ушатов грязи ни выливали на него израильские пропагандисты, какие бы ошибки ни допускал сам Насер, в какой бы трудной ситуации он ни оказывался, — ничто не могло лишить его доверия и любви народа.

Каир становился не только Меккой представителей национально-освободительных движений арабских стран, но и столицей борющейся Африки.

В Каире происходили крупнейшие международные конференции. В 1964 году, например, здесь состоялась Вторая конференция глав африканских государств.

ОАР оказала материальную и военную помощь народу Конго в его борьбе против империалистов. Большое значение сыграла поддержка ОАР для победы алжирской революции. Египетские солдаты сражались в Йемене, ОАР поддерживал народы Марокко, Судана, Ирака, Сирии, Южного Йемена. Насер считал, что оказание посильной помощи другим народам — революционный долг ОАР. В его выступлениях настойчиво проводилась мысль о координации действий освободившихся стран в борьбе против империализма. Со многими прогрессивными деятелями Насера связывала крепкая дружба. С большой симпатией относился президент ОАР к Эрнесто Че Геваре и Фиделю Кастро. В 1962 году во время работы Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, на которой присутствовали главы многих государств, Насер отправился в Гарлем, где в скромном негритянском отеле жил Кастро, и выразил ему свое восхищение по поводу кубинской революции.

В феврале 1965 года Че Гевара вторично приехал в Каир. Насер и Че Гевара посетили Асуан. Гость заявил, что подобной стройки ему не довелось еще видеть ни в одной из развивающихся стран.

— Даллес говорил нам, что мы проклянем тот день, — рассказывал Насер, — когда возьмемся за строительство этой плотины, потому что египетский народ вынужден будет многим пожертвовать… Но действительная революция как раз и определяется готовностью людей терпеть лишения ради развития…

Теперь, когда строительство первой очереди Высотной плотины завершалось, весь мир видел, как просчитались империалистические страны. Поняли ли это в Вашингтоне и Лондоне? Правительство США решило, что «лучший способ держать Насера вне советского блока — это оказывать ему помощь». Да, политика угроз не принесла никаких результатов. После прихода к власти Кеннеди сказал, что США готовы поддержать арабов. Насер реагировал на это заявление спокойно и осторожно. И, как показали дальнейшие события, он поступил весьма предусмотрительно. Прошло немного времени. Кеннеди направил Насеру письмо, в котором потребовал отказаться от закупок советского оружия.

В ответном письме Насер напомнил Кеннеди о том, что США отказали Египту в поставках оружия, в финансировании строительства Асуанской плотины, а Советский Союз оказал помощь египетскому народу. Президент ОАР сообщал, что он будет по-прежнему поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом, поскольку таково желание египетского народа…

Но и после этого Кеннеди продолжал оказывать давление на Насера. В ОАР прибыл новый посол США Бадо, бывший в течение десяти лет ректором американского университета в Каире. Насер невольно улыбнулся, он еще не забыл своих бесед с Иденом, считавшим себя знатоком арабских дел.

Однако Бадо тут же приступил к активным действиям, он налаживал контакты с египетскими промышленниками, чиновниками, писателями, общественными деятелями. В Египет зачастили американские сенаторы. Бадо употреблял все свое влияние на то, чтобы помочь им встретиться с Насером. Американские политики прилагали максимум усилий для того, чтобы завоевать его расположение. Но те же сенаторы, возвратившись в США, выступали с антинасеровскими речами, требуя экономической блокады ОАР. Правительство Кеннеди

продолжало оказывать военную помощь Израилю.

В ноябре 1964 года в Конго были сброшены бельгийские парашютисты. Эта акция, одобряемая США, была направлена против конголезского народа. В знак протеста против политики США на улицы Каира вышли демонстранты. Через несколько дней Насер заявил, что ОАР поддержит борьбу конголезского народа.

«Если послу США не нравится это, пусть пойдет и выпьет Средиземное море, — сказал он под восторженные крики египтян, — а коль этого мало, то пусть выдует и Красное море тоже…»

Насер понимал, что над страной нависла новая угроза. На этот раз Израиль готовился к войне еще более тщательно, чем в 1956 году. Моше Даян с удостоверением военного корреспондента израильской газеты «Маарив» побывал во Вьетнаме. Там он наблюдал за боевыми действиями американских войск и даже принял участие в битве под Данангом. Даян вел беседы с генералами, в общем, приобретал опыт. В связи с этим Даяну вновь пришлось надеть военную форму, на сей раз американскую. До этого в Вашингтоне Даян встретился с министром обороны Макнамарой и генералом Максуэллом Тэйлором. Его опекал сам генерал Уэстморленд.

Вернувшись в Израиль, Даян не ограничился опубликованием статей о своем пребывании во Вьетнаме. Он прочитал также несколько закрытых лекций для солдат и офицеров.

В 1966 году ОАР заключила договор об обороне с Сирией, согласно которому в случае войны руководство вооруженными силами обеих стран должно было осуществляться объединенным командованием.

Вскоре Израиль решил проверить, как будут реагировать арабские государства на военные провокации. Израильские войска разрушили три иорданских селения. Израиль пытался оправдать очередную агрессивную акцию ссылками на нападения палестинских партизан. Ни Египет, ни Сирия не были связаны с Иорданией никакими обязательствами. Но значило ли это, что они должны бездействовать?..

По Иордании прокатилась волна массовых демонстраций, народ требовал у короля Хуссейна оружия. Началась кампания взаимных обвинений: печать Саудовской Аравии и Иордании упрекала Насера в том, будто бы он не хочет потребовать вывода войск ООН с Синая, который позволил бы закрыть проход в Акабский залив для израильских судов.

Израиль вел себя крайне агрессивно и нагло.

7 апреля израильские бомбардировщики проникли в глубь

территории Сирии на 70 километров. В наземных операциях агрессор использовал танки и артиллерию. Это напоминало репетицию войны.

27 апреля МИД СССР сделал заявление, в котором отмечалось, что Израиль ведет опасную игру. Тогда забеспокоились Англия и США: находившийся в Средиземном море 6-й американский флот был приведен в состояние боевой готовности. Английская авиация начала концентрироваться на Кипре.

В мае 1967 года Израиль отмечал девятнадцатую годовщину своего образования… Военный парад состоялся в израильском секторе Иерусалима, хотя всему миру было известно, что столицей Израиля является Тель-Авив. Таким образом, израильские власти открыто выказали свои претензии на Иерусалим.

В тот же день Насер отдал приказ о направлении египетских войск на Суэцкий канал.

18 мая президент ОАР официально обратился к Генеральному секретарю ООН У Тану с требованием вывести трехтысячный контингент международных войск с Синая.

Насер отдает египетскому флоту приказ не пропускать в Акабский залив израильские корабли, а также суда других стран, везущие стратегические грузы, которые предназначались для Израиля.

Израиль оставил Сирию в покое. Израильские войска стягивались к границе с ОАР. 30 мая король Хуссейн прилетел в Каир для того, чтобы подписать с Насером соглашение об обороне.

Но и в этот период Насер старался избежать вооруженного столкновения, так как он полагал, что арабы еще не готовы к войне с Израилем.

Правда, впоследствии сионисты лицемерно обвинили его в том, что он заявил о намерении уничтожить Израиль. На самом деле 25 мая, выступая на межарабской конференции Федерации профсоюзов, проходившей в Каире, Насер сказал, что если начнется война, то она может привести к уничтожению Израиля. Депутат английского парламента Кристофф Мейхью спросил Насера, что это означает. Египетский президент пояснил, что он употребил слово «уничтожение» в военном смысле, а не в политическом, ибо говорил о вооруженных силах Израиля, а не о народе.

О том, что ОАР ни в коем случае не хочет начинать первой военных действий, Насер сказал У Тану во время его визита в Каир.

Когда началось экстренное заседание Совета Безопасности, в США вылетел президент Израиля Шазар. Он вел переговоры с Джонсоном и премьер-министром Англии Вильсоном, тоже пожаловавшим в США. «Джерусалем пост» писала, что они обсуждали «план совместных действий против Египта». Израиль, таким образом, заручился поддержкой Лондона и Вашингтона.

В Израиле к тому времени уже было сформировано «правительство войны». Даян, получивший портфель министра обороны, отдал приказ о всеобщей воинской мобилизации…

Глава 8

Для египетских солдат, только что переброшенных на Синай и едва успевших занять боевые позиции, день 5 июня начался как обычно…

Во вражеском же стане надрывались телефоны, в разных направлениях мчались «джипы» с офицерами связи. Около восьми утра вся израильская авиация была поднята в воздух. Египетские самолеты были уничтожены прямо на аэродромах.

Израильское командование выбрало для нападения именно те несколько минут, когда происходила смена ночных и дневных дежурных, сидевших в кабинах самолетов.

Затем началась наземная атака. Израильские поиска наступали в четырех направлениях: на Газу, Абу-Агилу, Аль-Кантару и Шарм-аль-Шейх. Это была хорошо организованная и обученная армия. Египет же к войне не был готов. Египетский народ был занят мирным, созидательным трудом. На дальнейшем развитии событий сказался и тот факт, что значительная часть египетской армии находилась далеко от родины, в Йемене.

Когда Насеру доложили о том, что израильские самолеты бомбят каирский военный аэродром Каиро-Вест, он кинулся к телефону. Но телефонист никак не мог соединить его ни с главнокомандующим Амером, ни с министром авиации Сидки Махмудом. В этот момент маршал Амер и группа генералов вылетели на Синайский полуостров. Но разбомбленный аэродром в Аль-Арише не мог принять самолет, тогда пилот получил распоряжение вернуться в Каир. Оказалось, что приземлиться в Каиро-Весте тоже нельзя. Египетской зенитной артиллерии был отдан приказ не открывать огня до тех пор, пока самолет с главнокомандующим находится в воздухе. За это время израильская авиация успела натворить много бед.

Наконец самолет приземлился на гражданском аэродроме, и маршал Амер сам поспешно позвонил Насеру. И хотя исход войны был уже предрешен, именно тогда, когда Амер находился в воздухе, он уверял, что «все пока идет хорошо». Ему вторил военный министр Бадран. Когда израильские войска начали атаку, египетские офицеры кинулись к телефонным аппаратам. Однако ничего путного они узнать так и не смогли. Словно смерч, надвигались на египетские позиции окутанные тучами песка израильские танки. Самолеты шли волна за волной, сбрасывая зажигательные бомбы, наполненные напалмом. Неся большие потери, египетские войска стали отходить через безводную Синайскую пустыню к Суэцкому каналу…

Утром 6 июня в Каире стало известно о поражении. Насеру доложили, что и на иорданском фронте создалось крайне тяжелое положение. Враг захватил весь Иерусалим. В этот же день Совет Безопасности потребовал прекращения военных действий.

И все же Насер рассчитывал, что египетская армия сможет, по крайней мере, «задержаться на восточном берегу Суэцкого канала». Однако Амер уже отдал приказ о немедленном отводе войск на западный берег.

В течение 7 июня израильские войска продолжали наступление. 8 июня ОАР приняла предложение Совета Безопасности о прекращении огня. Но еще 9 июня израильские войска вели бои на восточном берегу канала. Путь на Каир был открыт…

Создалась опасная ситуация. 9 июня 1967 года в Москве состоялась встреча руководителей коммунистических и рабочих партий, а также правительств социалистических стран. В специальном заявлении социалистические государства потребовали, чтобы Израиль немедленно прекратил военные действия и отвел свои войска с оккупированных арабских территорий за линию перемирия. Вслед за этим Советское правительство обратилось к США с тем, чтобы они заставили Израиль прекратить военные действия.

Израиль был вынужден уступить…

Уже на третий день агрессии известный сионист Джон Кимши писал в английской газете «Ивнин стандарт», что у Насера «крупные неприятности», так как армейское командование настроено по отношению к нему оппозиционно. Кимши утверждал также, что в «Каире, вероятно, произошел военный переворот».

А вот что было в действительности.

8 июня в недавно построенном на окраине Каира огромном здании Генерального штаба состоялось совещание генералов. На нем присутствовали Амер и Бадран. На следующий день в Генштаб приехал по приглашению генералов президент Насер.

— Что ваше превосходительство думает о случившемся? — в упор спросил его военный министр.

— Обстановка сложная, — ответил спокойно Насер. Он намеревался обсудить с генералами создавшееся положение.

— Кто виноват в поражении? — снова задал вопрос Бадран. На этот раз в его тоне Насер уловил оттенок грубости.

— Вы думаете, что сейчас подходящее время решать этот вопрос? — осторожно спросил Насер, чувствуя, что собравшиеся уже выработали какой-то план.

— Конечно, — сказал военный министр. Его тотчас поддержал другой генерал, Гиляль Абдалла. Было ясно — генералы боялись, что именно им как непосредственным виновникам придется отвечать за поражение.

— Мы все несем ответственность, — вмешался в разговор премьер-министр Закария Мохиеддин.

— Но ведь приказ отдавал президент, а не мы, — сказал Бадран, выразительно глядя на Гамаля.

Этот разговор происходил в четверг, а в пятницу должен был состояться традиционный молебен в мечети Хуссейна, куда в этот день обычно стекается огромное количество народа со всех концов страны.

— Хорошо, — сказал Насер. — Я хотел объявить об отставке завтра в мечети. Но раз вы так хотите, я объявлю о ней сегодня вечером…

На экранах телевизоров Насер выглядел больным и подавленным…

Сколько раз слышал Египет этот голос! Он звучал раньше сильно и страстно. Маститые стилисты, тонкие ценители арабского языка всегда с изумлением слушали выступления Насера. Он говорил с легким александрийским акцентом, языком улицы, презрев все каноны изысканной литературной речи. И его понимали во всех арабоязычных странах.

Правда, раньше он говорил о победах. Победа революции, победа над Нилом, ликвидация тройственной агрессии, феодализма, активная борьба с безработицей, нищетой… Много побед было связано с именем Насера. И, слушая его речи, люди, которые не умели читать и писать, повторяли вслед за оратором странные, непривычные слова и учились постигать их смысл. «Революция», «прогресс», «социализм»… Социализм… Что это такое? Это «счастливый дом»… Это «гарантированная работа»… Это «справедливость». Так объяснял Насер идеи революции простым людям.

Сейчас он собирался говорить совсем о другом.

«Этот час для работы, а не для печали…» — начал Насер свою самую знаменитую и самую трагическую речь.

«Сердце мое, египтяне, всегда с вами…»

Срывающимся, полным неподдельного горя голосом Насер рассказывал людям об успехах, достигнутых после революции, и о том, что теперь стране нанесен жестокий удар. Всю ответственность за поражение Насер целиком брал на себя. «Остаток жизни я решил провести обыкновенным рядовым гражданином своей страны», — сказал Насер. Он подавал в отставку и обещал не вмешиваться больше в политику. «Пусть

Закария будет вашим президентом», — сказал он, выдвинув перед собой Закарию Мохиеддина.

Когда Насер начал свое выступление по телевидению, генералы еще заседали. Они поразились, услышав, что Насер назначает Закарию своим преемником, так как считали — президентом должен стать Абдель Хаким Амер. Но теперь, после речи Насера, Амер чувствовал, что, как главнокомандующий, он должен поступить точно так же: через несколько минут Амер заявил о своей отставке.

В истории Египта это был, по-видимому, первый случай, когда речь политического деятеля незамедлительно произвела ошеломляющий эффект. Диктор, сменивший Насера у микрофона, начал что-то говорить, потом замолчал и заплакал. На затемненных улицах Каира рыдали мужчины и женщины…

В этот момент взвыли сирены, которые применялись обычно для оповещения жителей о воздушных налетах. Вслед за этим глухо прозвучали какие-то взрывы. Люди думали, что началась очередная израильская бомбежка. Но никто не уходил с улиц. Несколько раз обеспокоенные генералы предпринимали попытки разогнать толпу, инсценировали воздушную тревогу, но все оказалось напрасным. С криками: «Гамаль, вернись! Насер, веди нас!», при свете горящих факелов из свитых в трубки газет каирцы шли в Маншият-аль-Бакри, где жил их Гамаль.

Людская буря бушевала всю ночь на улицах Каира. Сотни тысяч египтян пришли утром к зданию Национальной ассамблеи, скандируя «Насер! Насер!» и угрожая расправой тем депутатам, которые не проголосуют за Гамаля. Все улицы от Маншият-аль-Бакри до центра столицы были заполнены демонстрантами. Миллионы людей хлынули со всех концов страны в Каир. Волна демонстраций в поддержку Насера прокатилась по всем арабским столицам. Арабские студенты, обучавшиеся за рубежом, явились в египетские посольства с его портретами.

Закария Мохиеддин с заготовленной речью в кармане направился к зданию радио и телевидения, но стоявший перед входом часовой преградил ему дорогу. Закария тотчас принял решение. Через несколько минут его машина ехала в Маншият-аль-Бакри…

— Гамаль, — сказал он, — если ты сейчас же не возьмешь свое требование об отставке обратно, я застрелюсь. — И Закария положил перед собой пистолет.

Насер спокойно улыбнулся, взяв пистолет…

Отставка президента была отклонена.

«…От имени миллионов, в сознании которых ты зажег своим мудрым руководством свет в день 23 июля, от их имени мы

говорим тебе: „Нет“. „Нет!“ Ты наш вождь, президент нашей республики и останешься нашим вождем и президентом», — говорилось в заявлении Национальной ассамблеи.

«Я намеревался выполнить свое решение об отставке, — сказал Насер. — …Но я не могу противоречить голосу народных масс. Поэтому я не покину своего поста, на котором, как требует народ, я должен оставаться до тех пор, пока не закончится период ликвидации последствий агрессии. После этого необходимо провести референдум».

Вскоре офицеры, непосредственные участники последних боев с оккупантами, узнав о том, что произошло в Генштабе, потребовали предать суду военного трибунала тех, кто настаивал на отставке Насера. Сто гвардейцев, охранявших дом Насера, направились в Генштаб и арестовали Бадрана и генералов. Правда, некоторым удалось сбежать.

Насер словно переродился. Его поддержал народ. А Амер чувствовал себя обиженным. Ему хотелось, чтобы египтяне относились к нему так же, как к Насеру. Вскоре стало известно, что бывший главнокомандующий уехал на родину в Верхний Египет. Насер, хорошо зная своего друга, понимал — тот что-то задумал.

Насер теперь должен был решить весьма сложную проблему: с чего начать реорганизацию армии и восстановление порядка в стране? Подавая в отставку, Насер знал: часть его коллег во главе с Закарией Мохиеддином считает, что военное поражение вынуждает ОАР пойти на сближение с США. Насер недаром предложил назначить президентом Мохиеддина. Альтернатива была ясна — продолжение борьбы или сговор с США, что фактически зачеркивало все достижения революции. Народ выбрал его, Насера, а это означало, что египтяне намерены продолжить борьбу.

Ответственность за поражение, конечно, несли все. Однако главных виновников египтяне выявили сразу же: пресыщенный, самодовольный бюрократ, присосавшийся к режиму; сын помещика, надевший офицерскую форму лишь для того, чтобы сделать карьеру; мироед, эксплуататор, до которого еще не добралась революция. Этим беспринципным негодяям были чужды интересы страны.

Уясняя постепенно размеры катастрофы, многие египтяне приходили в отчаяние. Этим воспользовались контрреволюционеры. Они стали распространять в стране слухи, сваливая вину за поражение на Советский Союз. Все усилия реакционеров были направлены на то, чтобы подорвать

традиционную египетско-советскую дружбу.

Однако их расчеты не оправдались. Еще 10 июня Насер получил послание, в котором советские руководители заверяли египетский народ и президента Насера в том, что СССР поможет восстановить военную мощь ОАР и ликвидировать последствия агрессии. Через несколько дней после этого уже велись переговоры с Насером.

Когда вопрос об израильской агрессии обсуждался на специальной сессии Генеральной Ассамблеи, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин лично выехал в Нью-Йорк для того, чтобы возглавить советскую делегацию на переговорах в ООН.

Насер с присущей ему энергией, не теряя ни минуты, принялся за перестройку вооруженных сил. Пятьдесят высших офицеров и генералов были вынуждены подать в отставку.

11 июня генералы потребовали восстановить Амера на посту главнокомандующего. Шесть бронемашин направилось к дому Насера. Но Насер не поддался на угрозы.

Этот инцидент положил начало конфликту между Насером и Амером. Насер считал, что обюрократившийся командный аппарат армии, возглавлявшийся Амером, не смог организовать оборону страны.

Каждый раз, когда Насер видел своих сыновей Халида и Абдель Хакима, он вспоминал историю дружбы с людьми, имена которых носили его дети. Халид Мохиеддин… Он пожертвовал дружбой ради тех принципов, в которые горячо верил. Гамаль это хорошо знал и простил его…

Теперь сам Насер должен был сделать выбор…

Насеру докладывали о том, что дом Амера превратился в гнездо заговорщиков: там собираются офицеры.

Президент ОАР дважды предупреждал Амера, прося его не устраивать подозрительные совещания.

Постепенно сборища в доме Амера, у которого побывали губернаторы многих провинций, министры обороны и внутренних дел, стали вызывать опасения служб безопасности.

Стало известно, что Амер, выступая перед своими гостями, открыто критиковал путь, пройденный ОАР со времени революции. Прежде всего он возражал против прогрессивных преобразований. Амер также требовал амнистии для всех политических заключенных (в основном это были «братья-мусульмане», известные своей ненавистью к революционному режиму), заявляя, что это поможет укрепить «национальное единство».

В это время в стране уже велась энергичная работа по

реорганизации армии. 19 июня Насер сформировал новое правительство. Он терпеливо разъяснял народу, что «военная неудача — это еще не поражение», что ОАР не должна отказываться от прежнего курса. Реакция, намеревавшаяся использовать трудное положение, в которое попала страна, выдвинула демагогический лозунг «национального единства».

29 июня произошла встреча Насера с Амером, который потребовал освобождения всех арестованных генералов. Президент согласился на это, желая достичь действительного единства и принудить Амера отказаться от раскольнических действий. Однако освобожденные генералы отправились не домой, а прямо к Амеру…

Деятельность Амера приобретала все более вызывающий характер. Он и его приспешники распространяли среди офицеров список, в котором перечислялись следующие требования: роспуск АСС, освобождение всех политзаключенных, создание оппозиционной партии, осуществление «свободы печати» и установление «демократии». В свою очередь, Бадран активно вербовал сторонников в армии.

26 августа Амер предполагал, заручившись поддержкой 400 курсантов десантной школы, захватить штаб армии. После этого, считая, что войска ему подчинятся, он намеревался продиктовать свои условия Насеру.

Но путчисты опоздали. Насер получил неопровержимые доказательства их преступной деятельности. За двадцать четыре часа до выступления заговорщики были арестованы. Но Насер и тут пощадил Амера: ему приказали «не выходить из дома». Все новые и новые подробности выявлялись на допросах. Оказалось, что одним из главных руководителей подготовлявшегося переворота являлся Бадран, который хотел лично сформировать правительство. Среди участников заговора было несколько генералов, бросивших во время боев свои дивизии на Синае…

Заговор военных отвлекал внимание Насера от насущных проблем.

Враг стоял на берегу Суэцкого канала, того самого канала, который египтяне считали символом независимости своей страны. Агрессоры надменно смотрели на Сирию с Голанских высот. Израильские солдаты стирали белье в Иордане. Над Иерусалимской большой мечетью развевался флаг со звездой Давида.

Однако главная цель агрессии не была достигнута: арабы по-прежнему доверяли прогрессивным режимам. Ни один из них так и не пал, расчеты империалистов не оправдались.

Ближний Восток кипел от горечи и негодования. Было решено созвать в Хартуме конференцию глав арабских государств. На Насера ложилась огромная ответственность. Как выразитель идеи арабского единства, он хотел добиться того, чтобы все арабские государства объединились для продолжения борьбы против агрессора и согласились оказать не только моральную, но и материальную помощь странам, пострадавшим во время войны.

Бои на Суэцком канале все еще продолжались на некоторых участках. Египтяне делали все, чтобы удержать за собой клочок земли у входа в канал. Таким образом, участники Хартумской конференции видели, что, несмотря на поражение, египетская армия по-прежнему существует.

На конференции сразу же определились два течения: умеренное и радикальное. Арабские страны, тесно связанные с США, как, например, Саудовская Аравия, боялись жертвовать своими экономическими интересами. Тогда в августе 1968 года так и не было принято предложение о наложении эмбарго на поставки нефти странам, оказывавшим помощь Израилю. Насер не настаивал, ибо не хотел обострять обстановку, арабы должны были продемонстрировать свое единство. И он добился этого. Пришлось пойти на компромисс с Саудовской Аравией в вопросе об Йемене. В ответ на вывод египетских войск из Йемена король Саудовской Аравии Фейсал обещал больше не помогать йеменским монархистам. А это позволило разрешить главную проблему: нефтедобывающие страны согласились оказывать финансовую помощь арабским государствам, подвергшимся агрессии. Девяносто пять миллионов фунтов стерлингов выделялись ежегодно ОАР в качестве компенсации за временное бездействие Суэцкого канала. Результаты Хартумской конференции свидетельствовали о том, что арабские страны встали на путь борьбы с израильскими агрессорами.

13 сентября военный трибунал вызвал Абдель Хакима Амера для допроса.

Из уважения к прошлым заслугам Амера с этим известием к нему направились новый главнокомандующий генерал М. Фаузи и начальник Генерального штаба генерал А. Рияд.

Выслушав их, Амер отказался давать показания. Он нервничал, зачем-то вышел в спальню, потом вернулся, то и дело поглядывая на часы. Когда он снова начал разговаривать, Рияд заметил, что Амер что-то жует. Затем с ним стало происходить нечто необычное. Подумав, что Амер теряет рассудок, Рияд спросил, в чем дело. Амер ответил, что принял яд…

В военном госпитале Маади, куда Амера доставили, ему

промыли желудок. Через час он почувствовал себя лучше, его под охраной перевезли на правительственную виллу.

На другой день Амер проснулся поздно. Его осмотрели врачи. Дыхание было нормальным. Резей в желудке не было, но больной жаловался на усталость. Во время обеда врач подал ему стакан сока гуавы и две таблетки. После этого Амер снова уснул.

В шесть часов вечера дежурный врач увидел, что Амер проснулся и зашел в ванную. Через несколько минут один из санитаров прибежал к врачу и заявил, что Амер впал в бессознательное состояние. Привести его в чувство не удалось. Когда из Маади приехала машина «скорой помощи», Амер был уже мертв.

15 сентября радиостанция «Голос арабов», прервав свои передачи, объявила о том, что бывший главнокомандующий вооруженных сил ОАР Абдель Хаким Амер покончил жизнь самоубийством, приняв яд. Насер отдыхал в то время в Александрии. Узнав о случившемся, он тотчас же выехал в Каир.

В десять часов вечера Гамаль вошел в дом, где лежало тело его товарища. Постепенно съезжались друзья Амера, бывшие «свободные офицеры».

«То, что произошло с Амером, не может зачеркнуть его деятельность в те годы, когда он был соратником, другом и братом Насера по борьбе», — писала на следующий день «Аль-Ахрам».

Однако необходимо отметить, что бывший главнокомандующий не спешил ликвидировать господствовавшие в армии старые порядки, которые по-прежнему мешали выдвижению на командные посты солдат и талантливых младших офицеров, выходцев из народа. Кроме того, он не уделял должного внимания дисциплине.

Через три с половиной месяца 55 человек были привлечены к судебной ответственности: они обвинялись в заговоре, имевшем целью изменение государственного строя ОАР с помощью военной силы. Показания подсудимых приоткрыли завесу над взаимоотношениями, которые существовали между Насером и его окружением накануне июньской войны. Выяснилось, что военная элита во главе с военным министром Бадраном не подчинялась распоряжениям Насера и фактически поставила себя над правительством. Бадран часто давал Насеру заведомо ложную информацию. В частности, после поездки в Советский Союз накануне израильской агрессии в отчете, поданном Насеру, военный министр исказил содержание переговоров с советскими лидерами.

Президент ОАР не хотел мстить своим недавним коллегам.

Военный трибунал вынес мягкие приговоры. Многих зачинщиков переворота вообще оправдали. Но через несколько дней в Каире вспыхнули народные демонстрации, участники которых требовали пересмотра приговоров. Народ знал, кто виноват в поражении. Военный трибунал собрался вновь. Наиболее активные заговорщики были осуждены на пожизненные каторжные работы…

21 февраля 1968 года на демонстрацию, организованную арабским социалистическим союзом, вышли жители Хелуана — одного из крупнейших рабочих пригородов Каира. Рабочих поддержали студенты Каирского университета, всегда игравшего активную роль в политической жизни страны. Они требовали от правительства быстрого искоренения ошибок, которые выявились во время войны, и решительной борьбы против реакции.

Насер реорганизовал правительство, сместив Закарию Мохиеддина с поста премьер-министра. Чувствуя, что военные непопулярны в народе, он также вывел из правительства четырех офицеров, заменив их гражданскими лицами — профессорами университета.

В марте Насер выступил перед рабочими Хелуана. В эти же дни в беседе с журналистами он снова подчеркнул, что Израиль ведет теперь против арабов «холодную войну»:

— Израиль, например, заявляет, будто сто миллионов арабов потерпели поражение от двух миллионов израильтян, — говорил Насер. — Типично пропагандистский трюк. Сто миллионов арабов, которые не использовала свои возможности и не собрали воедино силы… Сила империалистического лагеря, которая противостояла арабам, была значительно большей… Мы проиграли, но поражение не грех. Стыдно, когда отказываются от своих принципов…

Не было в Египте человека, который не слушал бы его пламенных речей. «Рабочие борются за свои права. Крестьяне борются за свои права. Студенты тоже борются за свои права. Весь трудовой народ борется за свои права… — объяснял Насер в типичной для себя манере, рассчитанной на то, чтобы его слова дошли до сознания каждого, даже неграмотного человека. — Конечно, в дни кризиса, в дни поражения, которые мы переживаем, появляются оппортунистические силы…» «Но, — продолжал он убеждать людей, — развитие страны целиком зависит от нас самих. Судьба революции зависит тоже от нас. Если мы хотим, чтобы революция продолжалась… если мы действительно хотим строить свою страну, мы должны жертвовать…»

Вряд ли можно было найти в эти дни слова, которые

действовали бы на людей сильнее, чем слова Насера. Прежде всего, и это знали в стране, он жертвовал собой.

Он уже давно не походил на юного лейтенанта «Джимми», который бродил с друзьями в окрестностях Мункабада. Тяжелая и грузная походка свидетельствовала о постоянной усталости, а седые пряди волос — о том чувстве ответственности за страну, которое его никогда не покидало. С тех пор как ОАР оказалась на грани катастрофы, он лишь урывками бывал дома. В одном из интервью того времени ему был задан неловкий, но по-житейски попятный вопрос: «Не жалеет ли он, Гамаль Абдель Насер, о том, что много лет назад лишил себя обыкновенных человеческих радостей, став руководителем Египта?»

Гамаль задумался… Он действительно отказывал себе во многом, к примеру, не имел возможности беспечно побродить по каирским улицам, посидеть за столиком в открытом кафе и поболтать со случайным прохожим…

Но это была лишь внешняя сторона его жизни, а журналистов интересовало другое: не жалеет ли Насер теперь, после поражения, о том, что связал в 1952 году свою судьбу с революцией?

— Нет, — ответил наконец Гамаль. — Я не жалею, что пожертвовал личной жизнью… Когда я вспоминаю эти пятнадцать лет, мне кажется, что мы смогли кое-что сделать… Революция дала возможность всем людям получить работу, в шесть раз увеличила наш национальный доход. У нас есть сейчас больницы и школы. Наши дети могут продолжать образование в зависимости от своих склонностей, а не благодаря положению, которое занимают их родители в обществе. Моя дочь, например, не смогла поступить в Каирский университет, потому что недобрала двух баллов. Но сын моего шофера прошел в университет по конкурсу.

В послевоенные дни египетский народ, как никогда раньше, почувствовал цену тем переменам, которые произошли в стране за послереволюционные годы. Массы народа пришли в движение, активизировалась политическая жизнь.

Насеру удалось нащупать пульс страны. Встречи с рабочими, феллахами, представителями интеллигенции подготовили его к решительным действиям. 30 марта 1968 года он провозгласил Манифест национальных действий. В своей речи, произнесенной в этот день, Насер потребовал усилить роль АСС как политической организации, объявил войну бюрократии, заявил о твердом намерении строить в стране социализм и призвал использовать все ресурсы ОАР для достижения одной цели — освобождения оккупированных территорий.

Теперь президент призывал египтян работать с полной отдачей сил для того, чтобы достичь победы. «У Насера только два глаза, — говорил он. — У него только двадцать четыре часа в сутки… Нас здесь тридцать миллионов. У каждого из нас по два глаза. Каждый из нас видит… Так давайте вместе бороться против эксплуатации… Мы сможем победить любого врага, если каждый будет чувствовать ответственность за себя, за свой дом, за своих детей…»

«Я хочу сказать вот что… Если мы живем в стране, где произошла революция, — продолжает Насер, — то нам обязательно должны противостоять контрреволюционеры… Что представляет собой контрреволюция? Союз феодалов с капиталистами. Союз империализма и реакции…»

«Первый шаг, который мы должны сделать, — это восстановить вооруженные силы. Второй — укрепить экономику. Суэцкий канал закрыт… Надо иными средствами добыть деньги, которые мы получали за его функционирование, — увеличением мощности тяжелой индустрии, созданной нами потом ж кровью в прошлые годы борьбы. Деньги — нервы войны. Как мы сможем воевать, если не окрепнем экономически?»

И снова, в который уже раз, объяснял Насер, что такое революция:

«Революция — выбор трудного пути. Мы не искали легких путей… В тот день, когда мы выберем легкий путь, мы перестанем быть революционерами. Легкий путь — это отказ от новых планов, желание жить так, как мы живем сегодня. Кто имеет работу — работает, а кто не нашел работы — не работает… Каждый свободен… И каждый за себя отвечает. Это легкий путь… Путь труден потому, что необходимо изменить общество и создать братство, основанное на достоинстве, свободе и социализме».

В Манифесте национальных действий подчеркивалась руководящая роль трудящихся во всех сферах деятельности и значимость профсоюзов. В этом документе указывалось на необходимость крепить единство народа и армии в говорилось о создании новой конституции, соответствующей уровню развития страны.

Таким образом, Манифест подтверждал идеи принятой еще до войны Хартии национальных действий. Однако они теперь увязывались с современными конкретными задачами, стоящими перед ОАР. В Манифесте, например, четко определялось понятие «национальное единство».

После поражения в войне 1967 года споры вокруг этого термина вспыхнули с новой силой. Некоторые требовали вернуть

прежним хозяевам национализированную собственность и обеспечить тем самым «национальное единство». Насер сразу же вскрыл классовую сущность тех, кто выступал с такими призывами. Эти требования исходили от реакционеров, выступавших с эксплуататорских позиций. В Манифесте прямо говорилось о том, что ведущая роль в «национальном единстве» должна принадлежать рабочему классу и осуществляться через политическую организацию — Арабский социалистический союз.

2 мая был проведен референдум, утвердивший Манифест. Затем последовали выборы в Национальный конгресс АСС, который 23 июня уже приступил к работе.

Насер был душой всех этих событий.

Летом 1968 года Насер почувствовал себя плохо: врачи констатировали — обострение диабета. По настоянию медиков он отправился на лечение в Советский Союз. Он удивлял лечащих врачей своей дисциплиной и волей. Когда ему запретили курить, он тотчас вытащил из кармана сигареты и зажигалку и подарил их переводчику. Но, как ни настаивали врачи на продолжении лечения, оставаться больше месяца за границей Насер не мог. Положение дел в стране требовало его личного присутствия.

С сентября 1968 года египетская артиллерия начала в ответ на провокации агрессора обстреливать через канал израильские позиции. Сооруженная врагом на восточном берегу Суэцкого канала укрепленная «линия Барлева» была сильно разрушена. Насер постоянно повторял, что египетский народ не одинок в своей борьбе: его поддерживают Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

Однако оккупанты продолжали испытывать терпение египтян. В один из октябрьских дней 1968 года израильский крейсер «Элат» прорвался в бухту Порт-Саида. Один из египетских ракетных катеров получил приказ открыть огонь. Первой же ракетой «Элат» был потоплен…

Тогда израильтяне обстреляли города, расположенные вдоль Суэцкого канала. Запылал нефтезавод в Суэце. Насер отдал распоряжение об эвакуации мирного населения в глубинные районы ОАР.

Потопление «Элата» явилось первой победой египтян после июньской войны 1967 года. К тому же они убедились в эффективности советского оружия.

Однако в ноябре 1968 года начались студенческие волнения, явно инспирированные реакцией.

Насер выступил с речью на собрании Национального конгресса АСС и охарактеризовал студенческие волнения как «безответственные и контрреволюционные». Он призвал

студентов укреплять национальное единство и предупредил, что правительство не потерпит беспорядков.

После выступления Насер возвратился домой. Он чувствовал себя очень плохо, ломило виски. Надев пижаму, Гамаль сел на стул и опустил ноги в таз с горячей водой и солью — старинное «средство от всех болезней», хорошо знакомое крестьянам в Бани-Муре. Затем включал транзистор. С точностью до минуты он знал, когда и на какой волне нужно ловить ту или иную станцию. Один за другим дикторы зачитывали сводки новостей. Париж, Лондон, Москва, Бейрут, Каир… Началась трансляция митинга, на котором он только что выступал. В комнату врывался рев многотысячной толпы: «Бир-рух би д-дам нефдик, я, Гамаль!»[20]

Даже в эти часы, когда все в доме, за исключением дочери Гуды, спали, он продолжал работать.

Гуда не ложилась до тех пор, пока не засыпал отец. Она всегда сидела наготове с карандашом и бумагой, ожидая, что отец позовет ее и попросит что-нибудь записать.

Но иногда он так уставал, что дома уже ничего не мог делать. Как и всякому человеку, порой ему бывали нелегко. Тяжелым камнем давили воспоминания.

«Граждане! Тревога! Всем занять места в укрытиях. Слушайте дальнейшие распоряжения!»

Эти слова, усиленные громкоговорителями, стали привычными для тех, кто еще оставался в городах, расположенных в зоне канала. Порт-Саид, Тауфик, Фуад, Исмаилия, Кантара подвергались регулярным артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с воздуха. Зияли чернотой пробоины в стенах домов, хрустела под ногами штукатурка, гулял ветер в церквах с покосившимися крестами и в мечетях с обвалившимися куполами, сиротливо горбились манговые и апельсиновые деревья — на земле валялись срезанные осколками снарядов ветви с созревшими плодами.

Как только объявлялась тревога, связист, обосновавшийся в одном из ближайших к району обстрела бомбоубежищ, начинал настойчиво вызывать Каир. Донесения о ходе артиллерийских дуэлей, которые вели с израильтянами египтяне, немедленно передавались по специальному телетайпу Насеру. Обычно, прервав все дела, он внимательно изучал эти сводки. Подобные операции держали врага в напряжении, а египетскую армию в состоянии боевой готовности. Он понимал, что необходимы время и труд, прежде чем она будет в состоянии выполнить более сложные задачи.

Основой для политического урегулирования

ближневосточной проблемы являлась резолюция Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года, в которой подчеркивалась необходимость вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий. За эту резолюцию проголосовали Советский Союз, государства Восточной Европы и большинство развивающихся стран. С тех пор Насер поддерживал любую инициативу, которая помогла бы претворить эти решения в жизнь.

Генеральный секретарь ООН У Тан назначил шведского дипломата Гуннара Ярринга своим специальным представителем на Ближнем Востоке. Ярринг срочно выехал туда и вступил в контакты с правительствами арабских стран и Израиля. Но Израиль не желал признавать резолюций Совета Безопасности.

Пользуясь поддержкой США, израильские руководители делали все, чтобы затормозить и сорвать миссию Ярринга. Прежде всего Израиль не хотел освобождать захваченные земли и требовал «прямых переговоров» с арабскими странами, что в условиях оккупации части их территорий являлось ущемлением суверенитета.

Но Насер по-прежнему возлагал большие надежды на дипломатическую борьбу. В 1969 году произошло сразу два события, которые значительно изменили положение ОАР. В мае 1969 года в Судане в результате вооруженного переворота к власти пришли политические деятели, с которыми Насер смог установить хорошие отношения. В сентябре произошла революция в Ливии. Ее руководитель Каддафи был известен в ОАР тем, что во время израильской агрессии 1967 года с находившейся под его командованием воинской частью пересек ливийскую границу, намереваясь сражаться с оккупантами. Теперь американцам и англичанам пришлось срочно ликвидировать свои базы в Ливии, которые представляли собой угрозу для безопасности ОАР. Насер выехал в Ливию на торжества, организованные по поводу эвакуации военно-воздушной базы США в Уилусфилде. Толпы восторженных ливийцев приветствовали Насера.

И внутренние дела ОАР начали выправляться. Еще в июле 1969 года Насер объявил, что впервые после тридцатых годов во внешней торговле страны достигнут активный баланс. Причем две трети своих товаров ОАР экспортировала в социалистические страны.

В 1970 году должна была вступить в строй Высотная Асуанская плотина и ГЭС, построенные с помощью Советского Союза. Насер, продолжая вести борьбу с частным предпринимательством, предложил передать 700 тысяч федданов

новых земель, освоенных в результате строительства Асуанской плотины, государственным Компаниям.

В сентябре 1969 года Насер перенес инфаркт. Теперь он жил в нескольких километрах от Каира, в маленькой загородной вилле среди садов Канатир-аль-Хеярия.

Не все знали, насколько тяжело болен Насер, и поэтому туда то и дело приезжали из Каира посыльные, министры, работники АСС. Президент по-прежнему был в курсе всех дел.

В эти дни египетские десантники начали проводить военные операции на оккупированных территориях, а летчики стали совершать первые боевые вылеты.

Кабинет министров по-прежнему собирался каждую неделю по воскресеньям, а в субботу четыре-пять министров встречались для обсуждения экономических проблем… В конце концов Насер не выдержал, перебрался в Каир и приступил к работе.

Израильтяне давали понять, что они не намерены уходить из Иерусалима, с Голанских высот, из некоторых районов западного берега Иордана, Шарм-аль-Шейха, из Синайского коридора, ведущего к западному берегу Акабского залива. Позднее они заявили, что останутся и в Газе.

Эти претензии Израиль решил подкрепить силой.

Однажды холодным январским утром над пригородами Каира, едва не задевая крыши домов крыльями, пронеслись израильские «миражи». В следующее мгновение раздались мощные взрывы. Так начались израильские налеты на внутренние районы ОАР.

Израильские стервятники регулярно через каждые три-четыре дня совершали свои бандитские рейды. Бомбы падали на столичные пригороды — Маади и Хелуан, десанты высаживались на побережье Красного моря и в Наг-Хамади.

Ранним мартовским утром, в тот момент, когда на сталелитейном комбинате в Абу-Заабале новая смена готовилась приступить к работе, «миражи» обрушили на него ракеты. Около ста человек пало жертвами этого варварского нападения. Но египтяне не дрогнули. На предприятиях страны даже повысилась производительность труда. Насер на весь мир заявил, что не только Израиль, но и империалистические страны, поставившие самолеты агрессору, несут ответственность за это преступление.

Израиль продолжал свои провокации. На этот раз в качестве мишени для ракет была избрана начальная школа в селении Бахр-эль-Бакар, вокруг которого, как и в Абу-Заабале, не было военных объектов. Насер понял, что надо немедленно пресечь разбойничьи

налеты. Он выехал в Советский Союз. И вскоре в Александрийском порту началась выгрузка нового советского оружия, необходимого для обороны страны.

Но все попытки решить ближневосточные проблемы на основе резолюции Совета Безопасности Израиль по-прежнему надменно отвергал.

Многочисленные поездки Ярринга в Каир и Тель-Авив не дали никакого эффекта. Не было достигнуто результатов и на четырехсторонней встрече СССР, США, Англии и Франции, ни на двухсторонней встрече представителей СССР и США.

Успешное отражение нескольких израильских авианалетов после ввода в действие современных ракетных установок обнадеживало, однако Насер понимал, что новая война сопряжена с большими жертвами, и поэтому не хотел упускать ни малейшей возможности мирного разрешения конфликта.

К 1 мая 1970 года в пригороде Каира Шобр-аль-Хейме, на свободном пустыре, где еще в 30-е годы рабочие тайно проводили маевки, был разбит огромный шатер. Сотни тысяч рабочих слушали выступление президента на первомайском митинге.

Насер возложил на США ответственность за поддержку агрессоров. Скомпрометированные своей ближневосточной политикой, 25 июня США выступили с так называемым планом Роджерса, в котором предлагали прекратить боевые действия на 90 дней и через посредничество ООН начать переговоры об отводе израильских войск с оккупированных территорий, а также о заключении мирного договора на основе признания арабами Израиля и решения палестинской проблемы. Однако в плане ничего не говорилось о будущих границах Израиля. Немудрено, что столь туманный план с самого начала вызывал сомнение и критику. Но Насер считал, что, поскольку это инициатива США, Вашингтон должен гарантировать ее осуществление. Он решил принять предложение Роджерса, что еще раз продемонстрировало искреннее стремление египетского президента к миру.

Теперь Насеру предстояло заявить о своих намерениях египтянам. Но как это сделать? На празднике, посвященном восемнадцатой годовщине египетской революции, Насер сказал:

«Мы хотим мира, но мир далек. Мы не хотим войны, но война вокруг. Будем же преодолевать трудности, какими бы они ни были, защищать справедливость и наше право, которое можно осуществить только при помощи вывода войск агрессора с каждой пяди арабской земли, оккупированной в 1967 году: из Иерусалима, с Голанских высот, с западного берега Иордана, из Газы и Синая. Справедливость не может восторжествовать без возвращения палестинскому народу его законных прав…»

В самом Египте несколько дней шли острые дискуссии о плане Роджерса.

На закрытом заседании Высшего исполнительного комитета АСС Насер заявил, что необходимо согласиться на прекращение огня. Начались бурные дебаты. Делегаты засыпали его записками. В течение трех дней он терпеливо отвечал на вопросы.

Наконец в актовом зале Каирского университета Насер объявил народу о своем решении, утвержденном исполкомом АСС.

Принятие плана Роджерса являлось для Насера вынужденной необходимостью, обеспечивающей передышку. Он много раз предупреждал арабских лидеров, чтобы они не возлагали слишком больших надежд на США.

В начале августа 1970 года замолкли пушки на берегах Суэцкого канала. Ярринг начал новый тур переговоров. 6 сентября представители Израиля прервали их под тем предлогом, что египтяне якобы нарушили соглашение о прекращении огня, ввезя новые ракеты в зону канала. (После вступления соглашения в силу Израиль и ОАР не имели права ввозить военную технику в сорокакилометровую зону по обе стороны от Суэцкого канала.)

И хотя египтяне ввезли ракеты до вступления в силу соглашения, Израиль начал восстанавливать разрушенные ранее фортификационные сооружения «линии Барлева» на восточном берегу канала. План Роджерса, таким образом, не был претворен в жизнь.

Насер сознавал, что принятие американской инициативы могло привести к расколу в арабском мире, но он, несомненно, полагал, что это не должно повлиять на избранный Египтом курс независимой политики. Имя Насера было по-прежнему популярным в народных массах.

Летом в Аммане — столице Иордании — вспыхнул вооруженный конфликт между палестинскими партизанами и армией.

Главы некоторых арабских государств, в том числе и Насер, помогли королю Хуссейну и палестинцам прийти к соглашению, но обстановка в столице Иордании оставалась крайне напряженной.

В начале сентября Всеобщий союз палестинских студентов организовал в Аммане международный семинар по проблемам Палестины. Наряду с видными общественными деятелями, приехавшими в Амман с искренней целью помочь палестинцам, в семинаре принимали участие какие-то подозрительные личности с бельгийскими, французскими и американскими паспортами, которые выдавали себя за «друзей» арабов, а на самом деле

стремились расколоть палестинское движение и настроить его руководителей враждебно по отношению к ОАР. Они допустили ряд грубых выпадов в адрес Насера и иорданских властей. Улицы Аммана фактически оказались поделенными в эти дни между иорданскими солдатами и «федаями». Иногда ночью раздавалась ожесточенная стрельба — каждая из сторон демонстрировала свою силу.

6 сентября, в последний день работы семинара, пришло сообщение о том, что палестинцы захватили один за другим несколько пассажирских самолетов. Дело осложнялось тем, что пилоту одного из самолетов, принадлежавшего американской компании «Пан Американ», было приказано лететь в Каир. Экстремисты пытались поставить ОАР в трудное положение и углубить конфликт между «федаями» и руководителями Иордании.

Правительство ОАР, как и руководители большинства других арабских стран, осудило диверсии на международных авиалиниях. Египетские дипломаты сыграли важную роль в освобождении заложников. Но в Иордании начался новый раунд кровавого конфликта между партизанами и режимом.

И все эти события, где бы они ни происходили, на борту израильского самолета в Лондоне или на улицах Аммана, так или иначе имели отношение к Насеру.

16 сентября король Хуссейн и палестинцы подписали соглашение. Однако через несколько часов бои опять возобновились.

Гражданская война в Иордании могла привести к вмешательству США или Израиля. Вопрос об интервенции обсуждался в Вашингтоне 21 октября.

Тогда Насер направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу — и снова Советское правительство выступило с заявлением, предостерегая империалистические страны от агрессии.

Тем временем в Каире должно было начаться совещание глав арабских государств. Пока короли и президенты слетались в ОАР, иорданская артиллерия продолжала обстреливать палестинские базы и лагеря беженцев в самом Аммане. По утверждению палестинцев, во время этих обстрелов погибло около 20 тысяч человек. Наконец участники совещания решили направить в Амман миссию для того, чтобы заставить стороны прекратить бойню. 26 сентября соглашения о прекращении огня наконец удалось достигнуть. Королю Хуссейну и Ясиру Арафату было

предложено вылететь в Каир.

Иорданские войска окружили отряды «федаев», поэтому Ясиру Арафату для того, чтобы добраться до самолета, пришлось переодеться в костюм бедуина. Вскоре перед отелем «Хилтон», где проходило совещание, появились оба противника. Они были вооружены и не хотели даже разговаривать друг с другом. Насер же пустил в ход другое оружие — сарказм и логику.

Король Хуссейн уверял, что он может очень легко покончить с палестинцами.

— Хорошо, — сказал ему Насер, как пишет Хейкал, присутствовавший на переговорах. — Допустим, вам это удастся. Однако в стране уже погибло двадцать-тридцать тысяч человек, а после окончания гражданской войны вы будете править королевством блуждающих теней!..

— Не думайте, что вы способны противостоять современной армии, — говорил он в то же время палестинцам. — Не надо переоценивать своих сил. Попытайтесь найти такое решение, которое поможет вам выжить и вести борьбу против израильских оккупантов.

Но король Хуссейн, так же как и Арафат, не спешили кидаться друг другу в объятия.

«Море крови разделило нас», — говорил Арафат. Король Хуссейн по-прежнему обвинял палестинцев в вероломстве.

Насеру пришлось употребить весь свой авторитет, чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки. Выглядел в это время он очень плохо, его утомили бесконечные дискуссии, наступило нервное истощение.

«Мы в гонке со смертью. Там гибнут мужчины, женщины и дети», — отвечал Насер, когда сотрудники просили его отдохнуть.

27 сентября состоялось заключительное заседание совещания. Король Хуссейн и несколько его офицеров сидели в одном углу, Арафат — в другом. Оба едва сдерживали себя, оба не расставались с пистолетами.

«Я, — пишет Хейкал в своих воспоминаниях, — полушутя предложил королю Фейсалу провести операцию по разоружению».

«Это может сделать только Насер», — ответил серьезно король Фейсал.

После двухчасовых дебатов была наконец сделана попытка подготовить соглашение. Насер вернулся в свою комнату на одиннадцатом этаже отеля. Он очень устал. И снова врач рекомендовал ему массаж. Но почему-то облегчения после сеанса массажа не наступало. И все-таки, подчиняясь врачу, он лег в постель и позвал массажиста. Через пару часов он уже снова вел

переговоры. В это время пришло срочное сообщение о том, что иорданская армия возобновила атаки на «федаев», стремясь вытеснить их из Аммана. Насер послал за Арафатом. Наконец совещание закончилось. И только после того, как соглашение было подписано, Насер почувствовал, как он устал.

В ту ночь Гамаль спал хорошо. Утром врач президента Сави Махмуд Хабиб осмотрел своего пациента. Пульс был нормальным. После обеда, однако, Насер снова пожаловался на усталость. Сави порекомендовал ему прилечь, но Насер не согласился. Он хотел во что бы то ни стало проводить своего последнего гостя — шейха Кувейта Сабаха Салима эль-Сабаха.

Время приближалось к трем. В салоне Каирского аэропорта сидели вице-президент ОАР Анвар Садат, Хуссейн эль-Шафи, шейх Кувейта, министр обороны и внутренних дел Кувейта Саад аль-Абдалла.

Только в три часа приехал Насер. Он медленно шел навстречу шейху Сабаху. Лицо президента выглядело усталым. Они поприветствовали друг друга и сели.

— Какие-нибудь новости? — поинтересовался шейх Сабах, думая, что Насер взволнован.

— Нет, нет. Ничего… — ответил президент.

— Есть новости из Аммана?

— Пока нет…

Преодолевая усилием воли навалившуюся на него огромную тяжесть, Насер продолжал поддерживать разговор.

Когда шли к самолету, он еле передвигал ноги. Едва гости поднялись в самолет, Насер попросил, чтобы ему подали машину.

Его отвезли домой. Доктор Сави, вызванный по телефону, помог ему надеть пижаму. Насер жаловался на сильное головокружение. В соседней комнате сидели жена и дети. Но Гамаль на этот раз не мог выйти к ним.

«Наклонившись, чтобы послушать его сердце, я вдруг в страхе отпрянул назад…» — вспоминает доктор Сави. Тут же на консилиум были собраны лучшие специалисты-медики. Следом за ним пришли соратники Насера.

— Скончался…

— Не может быть… — прошептал кто-то. Доктор заплакал.

Вечером 28 сентября вице-президент Анвар Садат объявил по радио о кончине великого сына египетского народа Гамаля Абдель Насера.

Как только стало известно о смерти Насера, толпы египтян со всех концов ОАР двинулись в Каир. Они ехали в попутных машинах, на крышах вагонов, шли пешком… Казалось, что население всей страны переместилось в Каир. Люди

располагались спать в подъездах домов, на полу мечетей, на тротуарах.

Делегации дружественных стран прибывали в Каир. Политбюро ЦК КПСС заявило, что Советский Союз будет по-прежнему оказывать помощь ОАР в ее борьбе против империализма. Советские руководители посетили в эти дни посольство ОАР. В Каир вылетела советская правительственная делегация во главе с А. Н. Косыгиным.

Через трое суток вертолет, в котором находился гроб с телом Насера, поднялся в небо.

Человек, вернувший народу Египта его достоинство, прощался с Каиром, с могучим Нилом, с заполнившими улицы города людьми.

Вдоль серебристой ленты Нила, извивавшейся среди отвоеванных у пустыни зеленых полей, мчались железнодорожные составы с оборудованием для новых строек…

Сделав несколько кругов над Каиром, вертолет приземлился перед зданием, где размещался когда-то Совет руководства революцией.

Гроб с телом Насера был бережно установлен на артиллерийский лафет…

Процессия медленно двигалась по мосту Каср эль-Нил, убранному траурными флагами. Телеграфные столбы, деревья на берегу облепили мальчишки. Всюду были люди, люди, люди. Толпа вставала непроходимой стеной перед камерами телеоператоров, не давая им возможности вести репортаж, каждый стремился пробиться к лафету и прикоснуться рукой к крышке гроба. То и дело на дороге возникали заторы.

Около ажурной белой мечети перед въездом в Гелиополис процессия остановилась. Рослые гвардейцы в парадной форме образовали коридор, по которому гроб с телом Насера пронесли в мечеть к специально приготовленной нише. Шейх Аль-Азхара, приложив ладони к ушам, поднял лицо к небу. Печальные слова молитвы разнеслись над страной. Затем грянули залпы орудий. Соратники Насера опустили гроб с его телом в нишу.

Телевидение прекратило трансляцию передачи. Разъезжались члены иностранных делегаций, прибывших на похороны. Но еще несколько дней и ночей перед мечетью Насера стояли тысячи египтян, словно надеясь на чудо.

Сорок дней висели траурные флаги на улицах Каира.

Глава 9

В окна редакции газеты «Аль-Ахрам», где я вел беседу с Хатимом Садеком, зятем президента Насера, доносился манящий шум каирских улиц. После освежающего дождя листва на деревьях казалась яркой.

Мне давно уже хотелось узнать, что представляет собой архив Гамаля Абдель Насера.

— Большой ли это архив? — спросил я.

— Очень большой, — ответил Хатим. — В кабинете президента осталась масса записей, набросков, журналов и книг с его пометками. Гамаль Абдель Насер был большим любителем чтения. Он выписывал много журналов, в том числе специальных, технических. К сожалению, архив еще не разобран.

— Значит, в архиве Насера могут оказаться неизвестные документы?

— Не думаю, — говорит Хатим. — Президент ничего не таил от народа. О своих идеях и принципах он заявлял открыто. Один из таких принципов — дружба с Советским Союзом, которую Гамаль Абдель Насер глубоко ценил и считал основой политики Египта.

— И как скоро будет разобран архив? — спросил я, подстегиваемый нетерпением, свойственным любому автору.

— После смерти Насера прошло слишком мало времени. Пока что мы не решаемся прикоснуться к его архиву…

Да, прошло действительно слишком мало времени… Еще не остыла, скорее даже наоборот, ожесточилась борьба вокруг его имени. Поэтому писать биографию Гамаля Абдель Насера трудно.

Насер умер, как боец на посту, в один из самых напряженных и трудных моментов истории. Он умер в то время, когда враг продолжал попирать оккупированную арабскую землю, когда конфликт между палестинскими «федаями» и иорданской армией достиг наивысшей точки и грозил перечеркнуть все те усилия, которые предпринял Насер.

Писать его биографию трудно и потому, что Насер — это вечное движение, постоянное развитие. Ничто не давалось ему просто, без боя. Его бытие словно соткано из борьбы.

Еще при его жизни Оксфордский университет опубликовал статистические данные, из которых следовало, что президент Насер — один из самых популярных государственных деятелей в мире. 287 книг на семнадцати языках было выпущено о нем к 1968 году. Количество публикаций, посвященных президенту

ОАР, в несколько раз возросло после смерти Насера. Такой широкий интерес к личности Насера был бы необъясним, если бы идеи, которые он выдвигал, после его кончины стали достоянием прошлого.

На протяжении многих лет сотрудники специальных служб США тщательно изучали Гамаля Абдель Насера, его характер, речи, манеру говорить. Даже тяжелая походка президента не ускользнула от взоров специалистов. Они внимательно рассматривали его фотографии, часами просиживали у киноэкранов, приказывая операторам по нескольку раз запускать одни и те же киноленты, запечатлевшие президента ОАР. Находясь за несколько тысяч километров, психологи пытались предугадать, как поступит Гамаль Абдель Насер в той или иной ситуации. Снова и снова «проигрывались» «оперативной группой» различные варианты его поведения. За долгие годы работы, с тех пор, как по распоряжению госдепартамента в США был организован строго засекреченный «игровой центр», эти люди стремились создать «модель», которая бы вела себя точно так, как Гамаль Абдель Насер.

Крупнейшие знатоки международной политики, дипломаты и разведчики были привлечены в этот «центр». Туда ежечасно поступала самая свежая информация из госдепартамента, ЦРУ и представительств США за рубежом, которая немедленно записывалась на перфокарты и перерабатывалась компьютерами. Специалисты должны были предсказать поведение крупных государственных деятелей.

В роли каждого лидера выступали постоянные «актеры». Роль Насера в этой «пьесе» «исполнял» Милс Коупленд, опытный, хотя и несколько хвастливый, американский разведчик, проработавший много лет на Арабском Востоке. Но ничто не помогло Соединенным Штатам в выработке разумной политики на Ближнем Востоке.

За последнее время появилось немало работ, авторы которых пытаются подогнать наследие Насера под шаблон, созданный Коуплендом.

Эти люди стали изображать Насера «сильной личностью» по западному образцу. Тем самым они хотели принизить его роль как национального героя. Последовательная борьба, которую Насер вел против империализма, изображалась ими как игра на противоречиях двух великих держав.

Реакционеры пытаются любыми способами приспособить «насеризм» для своих целей. Они понимают, что приверженность к «насеризму» является выражением патриотизма простых людей.

После израильской агрессии 1967 года стало очевидным: египтянин, любящий Насера, любит и свою родину. Благодаря Насеру народы Египта, Сирии, Ирака и других арабских стран объединились для борьбы против империализма. Арабские народы впервые почувствовали себя вершителями своих собственных судеб…

Когда в министерстве информации АРЕ[21] узнали о том, что эта книга готовится к печати, я получил приглашение посетить Бани-Мур.

…И вот мы входим в обыкновенный крестьянский дом из необожженного кирпича.

— Вот здесь, в этом доме, — рассказывает Атия, дядя Гамаля, — жил мой отец хадж Хуссейн — дед нашего президента.

После яркого солнца глаза не сразу привыкают к полумраку. Наконец я различаю кряжистую поленницу дров, припасенных рачительными хозяевами на зиму, пожелтевший, вырезанный из газеты портрет Насера на стене.

Покосившаяся деревянная дверь то и дело скрипит. Это жители деревни один за другим входят поздороваться с гостями. Скоро в довольно просторном помещении собирается много народу. Тогда Атия приглашает меня подняться на крышу. В своей длиннополой голубой галябии Атия выглядит величественно-строго. Его пожилое лицо изрезано морщинами. Руки мозолистые, грубые, но сколько достоинства и красоты в манерах этого крестьянина!..

Женщины, копошившиеся на плоской крыше у печи, отходят в дальний угол. Хуссейн, сын Атии, выводит оттуда молодую девушку.

— Моя сестра и кузина Гамаля Абдель Насера, — говорит он. — А это его бабушка, сестра хаджа Хуссейна, которая прожила больше ста лет. Она пекла маленькому Гамалю крестьянские лепешки…

— Впервые, — начинает рассказывать Атия, — мы увидели Гамаля, когда ему было три года. Сам я был лишь на шесть лет старше моего племянника. Поэтому взрослые поручали мне смотреть за мальчиком. Должен сказать, что, если бы не те заботы, которые выпали на долю Гамаля, он мог бы долго прожить. Наша семья отличается здоровьем. Дед Гамаля хадж Хуссейн прожил до 107 лет, в 65 лет женился в третий раз. Его последний сын Таха появился на свет, когда хаджу исполнилось девяносто лет. Мой брат Абдель Насер тоже прожил немало лет.

В следующий раз, — продолжал Атия, — мы увидели Гамаля молодым офицером. А потом однажды мы услышали, что он

входит в состав Совета руководства революцией… «Это же наш Гамаль!» — закричал я, услышав последние известия. Односельчане, что побогаче, не поверили. «Чтоб из вашей нищей семьи вышли такие люди?» — сказал мне, помню, сосед. Богатством мы действительно похвастаться не могли: три феддана земли, разбросанные в разных местах, пришлось разделить хаджу Хуссейну между детьми. А вскоре я совсем без земли остался. Поэтому, когда произошла революция, мне хотелось спросить Гамаля: что же будет дальше? Как жить станем? Я дважды встречался с племянником — в 1953 и 1954 годах, когда он приезжал в Бани-Мур. Но спросить постеснялся — он ведь все-таки был с товарищами, с офицерами. Не хотелось мне говорить при них про свою бедность. Гамаль и так все понимал. Однажды местный чиновник пригласил его на обед. Зарезал барана. А нас с отцом посадил в дальний угол. Тогда Гамаль встал и сказал так, чтобы и хозяина не обидеть, и чтобы поняли все: «Вы знаете, кто я? Я внук крестьянина хаджа Хуссейна», — сказал он, и в его словах чувствовалась гордость.

Легкий ветерок доносит с Нила острые пряные запахи. Быстро темнеет. Один за другим зажигаются огоньки в деревне, звонкими голосами перекликаются где-то женщины, босоногие девчонки гонят домой горбатых буйволиц с пастбища, мальчишки с узелками в руках на ослах отвозят в поле ужин отцам. Уборочная пора в самом разгаре. Но Атия не спешит уходить в поле.

— Много ли надо, чтобы обработать два феддана, — объясняет он свою неторопливость. — Раз сила еще есть — значит, справлюсь, — он показывает свои руки. — Еще отец учил: «Человека труд кормит». Это понимали в нашей семье все. Поэтому всю жизнь я ждал одного: земли, к которой мог бы приложить свои руки.

Вот сюда, на почетное место, — Атия показывает на стену, — мы повесили портрет нашего Гамаля. И ждали, когда революция дойдет до села. Мысленно мы были с нашим Гамалем в дни агрессии, следили за тем, как строится плотина на Асуане. У нас в селе тоже начались перемены. Пришло электричество, появились школа, больница, пункт помощи беднейшим крестьянам.

Мы знали, что в других деревнях отбирают землю у феодалов и делят ее между крестьянами, но в нашей деревне и отбирать-то было не у кого, кругом почти одна беднота. Так что от реформы мы получили немного. Один феддан стал я арендовать у государства, другой — у дальних родственников, что побогаче. Правда, в деревне создали кооператив, через него идет сбыт

продукции, там можно получить и сельскохозяйственные орудия, и денежную ссуду.

Однажды на окраине деревни соорудили каменный столбик с табличкой. На нем написали, что здесь будет построена образцовая деревня Бани-Мур. Все продумали архитекторы, даже план и место расположения виллы президента. Столбик с табличкой так и остался стоять на окраине, посреди поля, куда складывают теперь мешки с хлопком. А образцовой деревни не построили.

Гамаль сказал, что сначала должны стать образцовыми все пять тысяч египетских деревень. А потом настанет очередь и Бани-Мура, — немного с горечью, немного с сожалением говорит Атия. — Наш Гамаль не хотел, чтобы люди судачили, будто он отдал предпочтение своей деревне.

Мне вспомнились слова, сказанные президентом во время его последнего визита в Асьют в 1965 году. «Я пришел к вам не с подарками, — говорил он землякам, — все, что есть у меня, это огромная ответственность, которую я хочу возложить на ваши плечи». Созидать, бороться и строить. Это и есть та великая ответственность, которую Насер завещал своему народу.

«Хотим жить свободными людьми» Послесловие

После смерти Г. А. Насера власть в стране временно перешла согласно конституции в руки единственного в то время вице-президента А. Садата.

Соратники Насера, те, кто на протяжении многих лет вел вместе с ним тяжелую борьбу за укрепление национальной независимости, считали, что израильские агрессоры могут воспользоваться брешью, которая возникла в связи со смертью президента Насера, если почувствуют шатание и раскол в руководстве. Они не хотели, чтобы борьба за президентское кресло, которая могла возникнуть, отвлекала внимание и силы от решения основной наболевшей проблемы — ликвидации израильской оккупации арабских земель. Садат не встретил поэтому сколько-нибудь серьезной оппозиции, когда выдвинул свою кандидатуру на пост президента. В конце концов, он считался ветераном, одним из тех, кто работал вместе с Насером со времени революции 1952 года. 15 октября 1970 года состоялись выборы, и Анвар Садат стал новым египетским президентом.

Через несколько месяцев после парламентской сессии, утвердившей Садата в должности президента республики, иностранные корреспонденты, аккредитованные при египетском министерстве информации, были приглашены на заседание Верховного суда. Раньше иностранных корреспондентов обычно приглашали на заседания Верховного суда, когда выносились приговоры врагам египетской революции.

В этот раз были сняты со своих постов и преданы суду вице-президент республики А. Сабри, первый секретарь ЦК АСС Абу Нур, министр внутренних дел Ш. Гомаа и многие другие египетские руководители. В результате этих событий, официально названных «исправительным движением 15 мая», изменилось соотношение сил в египетском руководстве. Садату оказали поддержку силы, находившиеся в прошлом в оппозиции к президенту Насеру. В результате положение Садата значительно укрепилось. По его инициативе была проведена реорганизация Арабского социалистического союза, распущен действовавший в рамках АСС «Авангард социалистов».

Реакционные силы, опираясь на поддержку извне и спекулируя на трудностях борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, активизировали свою деятельность,

направленную на подрыв завоеваний июльской революции 1952 года, сразу же после смерти Насера. Под их давлением были освобождены из тюрем откровенные враги египетской революции, в том числе члены организации «братьев-мусульман». Многим из представителей буржуазии и феодальной верхушки возвращены политические права, которых они были лишены при Насере за свою контрреволюционную деятельность. Известные и в прошлом реакционные деятели вновь оживились, стали активно выступать на страницах египетской печати, захватывать важные политические позиции.

Национально-патриотические силы стремились отстоять достижения египетской революции, дать отпор происка реакции. В июле 1971 года Всеобщий национальный конгресс АСС принял «Программу национальных действий», в которой вновь подчеркивалась необходимость развития Египта по пути прогресса. Однако послабления, сделанные реакции и капиталистическим элементам, начали уже сказываться. Новый египетский парламент восстановил в апреле 1972 года право помещиков на получение компенсации за изъятую у них землю. Им были предоставлены значительные льготы.

Внешне Египет мало изменился в этот период. Портреты Насера продолжали висеть в общественных местах. Садат по-прежнему заявлял, что собирается продолжать линию своего предшественника.

27 мая 1971 года во дворце Кубба был подписан советско-египетский Договор о дружбе и сотрудничестве. Заключения этого договора давно добивалась египетская сторона. Об этом неоднократно ставил перед Советским правительством вопрос Насер.

Договор подытожил 15 лет плодотворного сотрудничества между СССР и АРЕ. Египетская печать высказывала надежду, что он станет «началом нового этапа советско-египетских отношений».

Через год, когда отмечалась годовщина заключения советско-египетского договора, египетская печать единодушно отметила, что его условия «выполняются пунктуально». Оценивая, в частности, военное сотрудничество, «Аль-Мусаввар», журнал совсем не левого толка, отмечал, что СССР полностью поддерживает АРЕ и другие арабские страны в их справедливой «борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии и оказывает им помощь». «Стало ясно, — писал журнал, — что возросла советская помощь по укреплению боевой мощи египетской армии. Эта помощь включает новейшие советские боевые самолеты». В тот период президент Садат сам признавал,

что империалисты ведут активную антисоветскую кампанию.

Они утверждали, будто СССР преследует на Ближнем Востоке свои корыстные цели. Активную помощь оказывала империалистам и китайская пропаганда. Так, например, китайская концепция о двух сверхдержавах стала постепенно занимать все большее место на страницах египетских газет я журналов. Еще в декабре 1971 года в Израиле был созван так называемый «научный семинар» по проблемам «советологии». В нем участвовали израильские и американские пропагандисты, ученые, деятели ЦРУ и «Шинбета». На семинаре обсуждалось «присутствие Советского Союза на Ближнем Востоке, в частности в Египте». Сама организация этого семинара показала, насколько обеспокоены они той поддержкой и помощью, которые оказывал Советский Союз арабским народам. Однако организаторы семинара, преследовавшего своей целью поиск пропагандистской аргументации, способной посеять сомнения в отношении целей Советского Союза на Ближнем Востоке, пытались изобразить его организацию чисто «научным мероприятием». Они отрабатывали на этой встрече пропагандистские ходы, с помощью которых рассчитывали поколебать единство арабов.

Участники совещания рекомендовали пропагандистским службам Израиля и США начать кампанию по дискредитации советской помощи арабским странам, и прежде всего Египту. Эти рекомендации были даны на основе доклада, подготовленного профессором Принстонского университета Хелбрином. Другой участник совещания, выступавший от имени Калифорнийского университета, Колкович, рекомендовал взвалить на Советский Союз ответственность за то, что на Ближнем Востоке уже много лет продолжается состояние «ни мира, ни войны». Некий Одиден Эрн из университета в Тель-Авиве заявил, что необходимо постоянно внушать арабам, будто Советский Союз преследует свои корыстные интересы на Ближнем Востоке, подчеркивать, что «социализм не имеет будущего в арабском мире».

Именно эти направления, разработанные на совещании в Израиле, и взяла себе на вооружение арабская реакция.

Египетский народ был глубоко уязвлен тем поражением, которое он понес в дни израильской агрессии в июне 1967 года. Требовались годы, чтобы восстановить военный потенциал египетской армии и подготовить ее кадры. Помощь СССР позволила Египту в кратчайшие сроки полностью восстановить и значительно укрепить свою обороноспособность, выстоять перед врагом. Но египтяне проявляли естественное нетерпение. Им хотелось поскорее смыть пятно поражения, которое оскорбляло их национальное чувство. В этих условиях реакция начала вести

антисоветскую кампанию, заявляя, будто СССР препятствует арабам начать освободительную войну.

Позиции СССР в вопросе ближневосточного урегулирования были всегда четки и последовательны. Советский Союз выступал за политическое урегулирование конфликта, однако он считал, что арабы вправе сами избрать те средства для решения вопроса, которые они сочтут необходимыми для себя.

Это были тяжелые годы для египтян. Поражение в дни июньской войны 1967 года лежало тяжелым бременем на национальном самосознании.

Израиль, несомненно, извлекал немалые выгоды из состояния «ни мира, ни войны». Сионистские организации развернули во всем мире кампанию за увеличение иммиграции в Израиль, шло интенсивное освоение оккупированных территорий. Израиль непрерывно укреплял свои вооруженные силы.

1971 год президент Садат назвал «годом решения». Но год прошел. Израильские войска продолжали оккупировать арабские земли, и, перевернув последний листок календаря, президент Садат назвал 1972 год «годом неизбежной битвы». Но опять ничего не произошло на линии противостояния. В 1973 году, выступая на Ассамблее египетского народа, Садат провозгласил «эру общей конфронтации с Израилем». В интервью, данном американскому журналу «Ньюсуик», он заявил, что в стране «все мобилизовано для битвы».

23 июля 1972 года президент Садат объявил о выводе из Египта советских военных специалистов. Это решение было предпринято по личной инициативе Садата. Советский военный персонал прибыл в Египет по просьбе и настоянию египетского руководства. В его задачу входила подготовка египетской армии. СССР не преследовал в Египте никаких корыстных целей. И поэтому, вполне естественно, СССР немедленно удовлетворил просьбу президента Садата.

«Я не провел и недели в Александрии, как со мной связался Киссинджер и потребовал встречи на любом уровне», — вспоминает Садат в книге «В поисках себя». Прошло, однако, немало времени, прежде чем Хафизу Исмаилу удалось начать переговоры в Париже с государственным секретарем США Киссинджером. Эти переговоры велись в обстановке особой секретности.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: «На что рассчитывал Садат в Октябрьской войне 1973 года?» На решительную победу над врагом и изгнание израильтян со всех оккупированных арабских территорий или на ограниченную военную операцию, которая позволила бы начать с помощью США

сепаратные переговоры?

«Еще при жизни Насера я говорил ему, что если бы мы заняли хотя бы десять сантиметров территории на Синае и удержали бы их, то это изменило бы все», — сетует Садат.

Несомненно, большинство египтян не разделяло подобных спекулятивных взглядов. И прежде всего их не разделял президент Насер, готовивший страну в борьбе с израильскими агрессорами. Их не разделяли, как зто теперь известно из опубликованных недавно мемуаров генерала Шазили, патриотически настроенные египетские военачальники. Египетские солдаты и офицеры проявили героизм и мужество в дни Октябрьской войны 1973 года при форсировании Суэцкого канала. В ходе этой войны была убедительно продемонстрирована и действенность советско-египетского военного сотрудничества. Ведь израильские укрепления на «линии Барлева», способные, как писала израильская печать, выдержать удар ядерного оружия, штурмовала египетская армия, обученная советскими специалистами, оснащенная современной военной техникой, произведенной в СССР. Успехи египтян могли быть еще большими, если бы не странное поведение Садата, который не хотел, чтобы египетская армия развивала наступление на горные перевалы Митла и Гиди. Не захотел Садат и поддержать наступление сирийцев активными действиями на египетском фронте. В результате этого инициатива в боевых действиях была упущена.

Принимая меры для укрепления военного потенциала Египта и Сирии, Советский Союз одновременно выступил с активными политическими акциями в поддержку справедливой борьбы арабских народов.

Несмотря на то, что соглашение о прекращении огня было достигнуто Советом Безопасности благодаря совместным усилиям СССР и США, Садат делал все, чтобы изолировать Советский Союз от участия в решении ближневосточной проблемы. Вскоре после окончания боев в Каир прилетает государственный секретарь США Киссинджер. Он благословляет Садата на переговоры с израильтянами на 101-м километре от Каира по дорого на Суэц. Там остановились части израильской армии.

Согласно советско-американской договоренности, зафиксированной ООН, не позднее декабря 1973 года в Женеве должна была начать работу Международная конференция по мирному урегулированию ближневосточного конфликта. США боялись, что арабские страны, опираясь на Советский Союз, смогут потребовать на этой конференции выполнения резолюций ООН, предусматривавших полный вывод израильских войск со

всех оккупированных арабских территорий, а также предоставления палестинскому народу права на самоопределение, образование самостоятельного государства. Киссинджер сделал поэтому все, чтобы убедить А. Садата в том, что США помогут решить ближневосточную проблему вне рамок Женевской конференции.

Открывшаяся в конце декабря Женевская конференция была отложена на неопределенный срок, а в январе в Египет снова пожаловал Киссинджер.

Он прилетел в Асуан, где в это время отдыхал президент Садат, в сопровождении большой группы специалистов и советников. Торг открылся. Несколько раз Киссинджер вылетал из Асуана в Тель-Авив и обратно.

Добившись первого соглашения о «разводе войск», США стали развивать свое дипломатическое наступление. Теперь они открыто требовали снижения цен на нефть и увеличения ее добычи, не снижая цен на промышленные товары, производимые Западом. Более того, США потребовали, чтобы доходы, получаемые от доставки нефти в США, использовались в Америке или в Европе. Они не хотели, чтобы арабы использовали эти деньги у себя дома или в странах «третьего мира» для борьбы против отсталости, в целях экономического развития и прогресса.

Американская пропаганда стала уверять своих читателей, будто интервенция США на Ближнем Востоке — единственное средство спасти западную цивилизацию от гибели, сохранить высокий уровень жизни народов Европы и Америки. Об этом открыто также заявила французская «Фигаро». Появились статьи, в которых говорилось о возможности использования иранских войск для подобного захвата. В обстановке подобных угроз со стороны империалистических монополий в адрес арабов израильская военщина начала всерьез подумывать о новой военной кампании против арабов.

В таких условиях государственный секретарь США Киссинджер начал свой новый раунд в арабских странах.

Позиция арабов на любых переговорах оказалась бы сильней, если бы они могли противопоставить противнику свое единство и опирались на Советский Союз. Весь арабский мир выражал надежду, что АРЕ нормализует свои отношения с Советским Союзом.

Соглашение о втором «разводе войск», заключенное 1 сентября 1975 года, вызвало резкое осуждение арабской общественности. Оно не затрагивало вопросы освобождения Голанских высот и Западного берега реки Иордан, обходило молчанием палестинскую проблему, то есть носило фактически

сепаратный характер. Однако даже и после выполнения решений этого соглашения за Израилем должно оставаться 87,5 процента площади Синая. В одном из пунктов соглашения содержался опасный элемент, еще более осложнивший положение на Ближнем Востоке. В нем говорилось о привлечении американских специалистов к наблюдению за прекращением огня. Они должны были обслуживать станции раннего обнаружения и предупреждения на Синае.

Израиль давал обязательство передать Египту нефтяные месторождения в Абу-Рудайсе, а египетским войскам разрешалось на 10 миль продвинуться к востоку на своей территории, оккупированной израильтянами. Однако Израиль сохранил за собой плацдармы в восточной части проходов Митла и Гиди, и его судам разрешалось провозить невоенные грузы по Суэцкому каналу. Стороны взяли на себя обязательство не прибегать к угрозе применения силы и военной блокады. Египет, таким образом, уже тогда фактически был выведен из борьбы.

Одновременно с заключением этого соглашения США увеличили помощь Израилю, гарантировав ему поставки самого современного вооружения.

В этот период особенно усилились нападки на прогрессивные реформы, осуществленные при Насере. Еще в январе 1970 года совет директоров Союза промышленности поставил вопрос о желательности поощрения деятельности частного капитала. В сентябре 1971 года президент Садат издал декрет «О привлечении арабского капитала в свободные зоны Египта». Вскоре после этого создается Международный арабский банк по внешней торговле и развитию в целях привлечения иностранного капитала в страну.

Затем были назначены правительственная комиссия по пересмотру основ египетской экономики и подкомиссия по выявлению «убыточных предприятий» госсектора.

Впоследствии стало ясно, что вышеупомянутая подкомиссия занималась, по сути дела, определением очередности возвращения предприятий госсектора их прежним хозяевам. После Октябрьской войны 1973 года о передаче предприятий в частные руки стали открыто говорить на заседании Национального собрания, в печати.

Египетское руководство открыто заявляло, что программные документы июльской революции, разработанные при Насере, якобы «устарели». 18 апреля 1974 года на совместном заседании членов ЦК АСС и депутатов Национального собрания А. Садат изложил так называемый «Октябрьский рабочий документ». В пространной речи президент заявил, что «египтяне являются

народом древней культуры, ворота которого открыты перед мировой цивилизацией, который далек от предрассудков, чужд формализму, взаимной ненависти, кровопролитию».

Немногие догадывались тогда, о каких «воротах» говорил президент. Ведь в том же «Октябрьском документе» было сказано, что госсектор сыграл решающую роль в осуществлении экономического противостояния в период между поражениями 1967 года и подготовкой к Октябрьским сражениям…

Но египетская реакция поняла сигнал сразу. Тем более что Садат недвусмысленно дал понять, что необходимо продолжить работу по передаче ряда государственных предприятий в частные руки. Уже на этом же заседании ряд депутатов Национального собрания выступил с предложениями о распродаже акций госсектора египетским в иностранным капиталистам… Затем эстафету приняла печать. Страницы египетских газет и журналов были отданы «профессорам»-реакционерам и продажным журналистам типа братьев Аминов и Аниса Мансура. Они развернули широкую атаку и против насеровских реформ, называя национализацию «грабежом и воровством имущества честных людей». Впрочем, президент Садат опасался открыто порвать со словом «социализм». Поэтому как в его выступлениях, так и в печати говорилось время от времени лишь о необходимости «очистить» социализм от ошибок прошлого периода, гарантировать «законность» и «демократию». О необходимости «защитить социализм» говорилось и в «Октябрьском документе».

В сентябре 1975 года, когда арабские народы отмечали пятую годовщину со дня смерти Насера, президент Садат выступил с речью, в которой извращалась суть советско-египетских отношений, умалялась военная помощь, которую оказал СССР Египту в дни Октябрьской войны 1973 года. Он говорил, что в Египте есть люди, которые «пытаются превратить Насера в своего кумира, а себя в жрецов этого кумира».

«Я жил рядом с Насером и принимал участие вместе с ним в делах я заверяю, что Насер вовсе не помышлял делать из себя идола под видом насеризма, — сказал А. Садат. — Насер был просто человеком со своими достоинствами, недостатками и ошибками…» Далее президент посвятил свою речь в основном «ошибкам». Одной из таких ошибок было, по мнению президента, то, что Насер позволил марксистам «оснастить Национальную хартию марксизмом, а потому хартия приняла форму марксистской идеологии, хотя сам Насер не являлся марксистом».

Это высказывание президента Садата представляется особенно важным, так как речь идет о Национальной хартии, о

том самом документе, который впервые в истории страны гарантировал египетским трудящимся участие в выборных органах государственной власти. Таким образом, президент Садат, выступающий под флагом демократизации, в данном случае критиковал документ, гарантирующий демократические права большей части египетского общества — рабочим и крестьянам. «Демократизация» же, о которой так много говорил Садат, направлена на то, чтобы вернуть привилегии социальным слоям, отстраненным от политической жизни страны при Насере.

В статье, опубликованной в газете «Аль-Ахрам», говорилось о необходимости переустройства социально-экономической структуры Египта таким образом, чтобы сделать его «безопасным» для реакционных арабских режимов и их покровителей — США, которые «тоже обещают помощь» экономическому развитию Египта, если там не будет революционного режима. «Садат, — писала газета, — смотрит вдаль и видит перспективу роста арабского капитала». «Раньше, — продолжает она, — национальные капиталисты игнорировались и третировались, им не доверяли, не давали возможности высказаться в отличие от рабочих и крестьян, а потому они удалились в тень… Садат же хочет вытащить национальную буржуазию на свет божий, дать ей работу и достойную роль наряду с иностранным капиталом».

Некто Гамаль аль-Назир в статье «Кого мы поощряем, лентяев или старательных?», опубликованной в «Аль-Ахрам», призывал отменить правительственную дотацию на товары народного потребления, поскольку она «способствует увеличению потребления хлеба и ситца» и «поощряет лентяев»!

Автор книги «Я говорю султану…» (имеется в виду Садат, к которому непосредственно обращается автор) И. Абдо вопрошает: «Как же мы жили 20 лет в таком обществе, где вождей и королей арабского мира поносили по радио, где ссорились с Америкой и ругали ее, несмотря на то, что США являются хозяином положения на Ближнем Востоке и покровителем Израиля?»

«Конечно, — уверяет Абдо, — нахождение у власти нового султана (Садата) — это гарантия для деятельности местного и иностранного капитала, но что будет после Садата? А если после Садата придет другой бенбаши (майор. — А. А.), который конфискует капиталы, владения и магазины или секвеструет их под предлогом необходимости проведения социальных преобразований и неизбежности социалистического пути развития, ликвидации империализма и реакции, эксплуататорского капитала, тогда что нам делать?»

«Вы, господин президент, взяли в свои руки власть после смерти Г. А. Насера и унаследовали правительство, засоренное

людьми, приученными к экономической политике, не сообразующейся с политикой либерализации. Поставьте на их место доверенных лиц! Порвите с прошлым! Мы этого долго ждали…»

В апреле 1976 года А. Садат объявил о разрыве договора о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Примерно в это же время был распущен АСС. На его базе были созданы три партии: центристская — Арабская социалистическая партия (проправительственная), правая — Либерально-социалистическая партия и левая — Национально-прогрессивная, объединившая широкие демократические силы. Лишь первые две партии располагали, однако, реальными возможностями для деятельности.

Национально-прогрессивная партия, созданная в январе 1977 года, обратилась вскоре с заявлением, в котором дала отпор клеветнической кампании, развернувшейся в египетской печати вокруг наследия Насера. В заявлении говорилось, что «и после смерти Насера имя его не дает покоя силам реакции, врагам социализма, освобождения и единства…». В нападках на Насера специалисты по «психологической войне» видят хорошую возможность для обработки общественного мнения с целью убедить его в том, что история страны не имеет никакого значения, что такие завоевания революции, как изгнание англичан, национализация Суэцкого канала, индустриализация, изменения экономической структуры, — это все «пустяки».

«Пропагандистская кампания расширилась и перешла от выпячивания отдельных отрицательных моментов, которые есть у каждой революции, к прямой фальсификации фактов, — говорилось в заявлении. — Предоставив сторонникам монархического режима, шпионам и пособникам США возможность выражать свое мнение в печати, официальные лица заняли позицию „сторонних наблюдателей“».

Цель кампании состоит в том, чтобы поколебать веру народов в свои силы, подготовить почву для возвращения власти капитала. Те, кто нападает на Насера, мечтали и мечтают об обществе, в котором вновь будут править иностранцы и капиталисты.

Кампания преследует и другую цель — отвлечь внимание от того, что происходит сейчас, взвалить на Насера ответственность за нынешнее снижение уровня жизни народа. Участники кампании ищут оправдания происходящему сейчас, забывая о том, что сумма иностранных займов, полученных Египтом за весь период выполнения первого пятилетнего плана, когда было построено рекордное количество заводов, школ, больниц и жилых

домов, равнялась сумме, которую сейчас страна одалживает за границей в течение всего 60 дней, оставаясь все равно в тисках экономического кризиса.

В январе 1977 года в Египте произошло повышение цен на многие товары первой необходимости. Это результат сокращения субсидий на основные продукты питания и потребительские товары, сделанного по просьбе кредиторов в США и международного валютного фонда.

На следующий же день в разных частях страны начались мощные демонстрации протеста и забастовки. Рабочие, служащие, студенты были возмущены постановлением правительства, но пожелавшего считаться и без того с бедственным положением трудящихся. Возгласы демонстрантов: «Насер! Насер!», прокатившиеся по улицам египетских городов, вызвали тревогу у тех, кто всеми силами старался свернуть страну с прогрессивного пути, проложенного первым президентом.

На другой день правительство отступило, отменив повышение цен. Однако это не остановило волнение. Тогда власти бросили на подавление беспорядков полицию и армию. На улицах египетской столицы развернулись сражения. Демонстранты кинулись громить ночные клубы, в которых буржуазия проматывала украденные у трудящихся деньги. Когда полиция применила слезоточивый газ, демонстранты, увидев на канистрах от газа американский ярлык, стали скандировать: «ЦРУ! ЦРУ!»

Египтянам было хорошо известно, что «жирные коты», разжившиеся на посреднических сделках Египта с западными фирмами, наживали себе состояние, в то время как народ голодал. Они всюду видели коррупцию. Только что газеты писали о расследовании дел бывших министров, нажившихся на покупке правительством четырех авиалайнеров «Боинг-707» стоимостью в 60 миллионов долларов.

В основе народного гнева находились, таким образом, социальные причины, и в первую очередь углубившаяся в последние годы пропасть между богатыми и бедными. Взрыв был естественной реакцией народных масс на этот процесс. Однако правительство поспешило обвинить в заговоре коммунистов. По стране прошли массовые аресты. Многих из арестованных обвинили в «распространении листовок, призывавших к свержению существующего режима». Вытащив на свет традиционное обвинение против коммунистов, правительство пыталось тем самым снять с себя ответственность за истинные причины народного недовольства, вызванного проводимой им

политикой «открытых дверей» и «экономической либерализации».

«Политика „открытых дверей“, — как писал в те дни в журнале „Ат-Талиа“ известный египетский публицист Лютфи аль-Холи, — не решила ни одной важной проблемы экономики и общества в целом. За период ее осуществления не введено в эксплуатацию ни одного сколько-нибудь весомого производственного объекта. Но эта политика утопила страну… в потоке импортных товаров роскоши».

Лидер Национально-прогрессивной (левой) партии, известный египетский общественный деятель Халид Мохиеддин призвал правительство объективно проанализировать социально-экономические причины прокатившихся по стране массовых волнений, вместо того чтобы искать «вешалку», на которую можно было бы повесить все обвинения.

Подвергнув резкой критике репрессии против всех потенциальных противников режима, член Национального собрания, бывший вице-президент Египта Камаль эд-Дин Хуссейн писал в телеграмме, отправленной в адрес президента Садата: «Принятые Вами решения ошибочны и антиконституционны. Они стали следствием близорукости Вашего правительства и политики глупцов».

Одновременно с кампанией, развернутой против левых сил, реакция снова повела яростные атаки на Советский Союз, утверждая, будто январскими событиями руководила «рука Москвы». Египетская реакция подготавливала, таким образом, социально-политическую почву не для того, чтобы ликвидировать причины недовольства египетского населения, а чтобы настежь распахнуть двери перед иностранным капиталом. На эти же цели, как показали события, была направлена и деятельность правительства в решении ближневосточной проблемы.

Расплачиваться за эту клевету и за «помощь» США в деле урегулирования арабо-израильского конфликта приходится египтянам своими национальными интересами, независимостью. Набившие руку антисоветчики типа Аминов, Мусы Сабри или Ихсана ибн аль-Кадуса уже не удовлетворяли спроса вершителей американской политики. Они желали убедиться, что антисоветский курс Садата — не тактика. Они хотели, чтобы антисоветские заявления делались устами официальных лиц. На страницах вновь созданного журнала «Октобер» появились «Мемуары» самого президента Садата. В них содержались откровенная ложь, фальсификация и клевета в адрес Советского Союза. Как отмечала газета «Правда», это была «клевета на многолетнее советско-египетское дружеское сотрудничество, грубо искажающее позицию Советского Союза в отношении

Египта и жизненных проблем его народа», «фальсификация истории героической борьбы египетского народа под руководством президента Насера и после его кончины за свою свободу, независимость, за переустройство общества на новых началах».

Автор пытался внушить читателям мысль, будто Советский Союз не оказывал Египту эффективной помощи в борьбе против израильской агрессии, отказывал ему в оружии. Однако о том, какую огромную помощь оказал Советский Союз Египту в борьбе против израильских агрессоров, хорошо известно не только арабским народам, но и их врагам.

Прошло совсем немного времени, и Садат «забыл» об этом. Он «забыл» даже, что Национальное собрание Египта приняло специальную резолюцию с выражением благодарности Советскому Союзу за помощь, оказанную в Октябрьской войне 1973 года Египту.

В марте 1976 года Садат пошел на одностороннее расторжение советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве и закрытие ряда советских учреждений в Каире и Александрии. Эти недружелюбные акции были предприняты, чтобы заверить израильских сионистов и их американских хозяев в том, что они не зря сделали ставку на А. Садата.

В октябре 1976 года СССР предложил свой план мирного урегулирования на Ближнем Востоке. «Путь к решению ближневосточной проблемы, — и мы об этом говорили много раз, — заявил Л. И. Брежнев 18 января в Туле, — лежит через Женевскую мирную конференцию по Ближнему Востоку». За созыв Женевской конференции высказывалась также XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Казалось, путь для мирного урегулирования ближневосточного конфликта открыт. Этот вывод можно сделать и из совместного Советско-американского заявления по Ближнему Востоку.

Однако израильские агрессоры стали чинить новые препятствия на пути к мирному урегулированию. Они заявили, что категорически отказываются сесть за стол переговоров вместе с представителями ООН и не пойдут на создание независимого палестинского государства.

События показали, что появления на карте Ближнего Востока палестинского государства не желают не только израильские сионисты, но и арабская реакция.

Египетское руководство встало вскоре на путь беспринципных сепаратных сделок с израильскими агрессорами.

Планы американского «урегулирования» показывают, что США намерены сделать Израиль доминирующей силой на

Арабском Востоке. Для того чтобы Израиль смог успешно осуществлять на Ближнем Востоке свои империалистические цели, американо-израильский план предусматривает вывод Египта из игры, его изоляцию в арабском мире и капитуляцию.

Поездка Садата в Израиль убедила арабов, что он пошел именно по этому пути, а его последующие шаги — что он готов сам участвовать в империалистических планах США и Израиля, в частности в Африке. Как писал израильский журналист Боаз Афарон, призыв Садата: «Давайте станем одной семьей», сделанный в Иерусалиме, — это призыв в участию в американской игре. Он означает создание блоков и распределение сфер влияния. Он означает, что, сделав определенные уступки, мы сможем стать соучастниками Египта в игре. Так, например, сферы влияния могут быть распределены следующим образом: сфера влияния АРЕ в Африке, Израиля — в Азии. На основе этой доктрины Египет не должен вмешиваться в палестинские дела.

Налицо, таким образом, откровенное предательство, нанесшее ущерб коренным интересам арабов, затруднившее справедливое урегулирование на Ближнем Востоке. Этот вывод подтвердила и последовавшие затем переговоры в Кэмп-Дэвиде, во время которых был подготовлен сговор США, Израиля и Египта, единодушно отвергнутый всеми арабскими государствами.

Весной 1979 года стали известны новые факты, связанные со смертью Г. А. Насера. Президент Египта согласно данным арабской печати погиб от руки своего массажиста — врача аль-Утейфи, бывшего агентом израильской разведки. Он втирал при массаже особую мазь, которая постепенно приводит к параличу сердца. Аль-Утейфи получил мазь от израильских спецслужб. Как сообщила арабская печать, в частности вашингтонский корреспондент амманской газеты «Ар-Рай», ссылающийся на дипломатические источники в США, правительство Израиля довело до сведения Садата, что то же самое могло бы случиться с ним и членами его семьи: ведь и они прибегали к услугам этого же врача.

Этого, однако, не случилось. Израиль, видимо, знал, каким курсом пойдет Садат, если окажется у власти.

Курс предательства вызывает у Садата страх, желание переписать историю, стереть из памяти египетского народа некоторые страницы, написанные его кровью. Известно, что попытки переписать историю по своему произволу делались еще в далеком прошлом египетскими фараонами, соскабливавшими имена своих великих предшественников с храмов, дворцов и

плотин. Однако как нельзя вернуть прошлое, так нельзя и вычеркнуть его из памяти. Поэтому, когда египтяне выходят на демонстрации, требуя свободы и хлеба, они скандируют слово «Насер». Это слово ассоциируется сегодня на Ближнем Востоке с понятием социально-экономического прогресса, борьбы против империализма и израильской агрессии, несмотря на то, что принципы «насеризма» неодинаково толкуются сегодня в различных странах. Насер не раз заявлял, что достижение справедливого мира на Ближнем Востоке возможно на пути укрепления внутреннего фронта, сплочения арабских сил, противостоящих Израилю и империализму, а не на пути сепаратных сделок и прислужничества империализму.

Через много лет после кончины великого сына египетского народа Г. А. Насера эти слова звучат актуально, с новой силой.

Основные даты жизни и деятельности Гамаля Абдель Насера

1918, 15 января — Родился Гамаль Абдель Насер.

1933 — Участвует в антианглийской демонстрации.

1936 — После окончания средней школы поступает на юридический факультет Каирского университета.

1937, 17 марта — Гамаля Абдель Насера принимают кадетом в Военную академию.

1938 — После окончания Военной академии направляется на службу в Мункабад.

1942–1944 — Создается организация «Свободные офицеры».

1944 — Женится на Тахии, дочери ковровщика Абдель Хамида Хазима.

1948, май — 1949, март — Участвует в Палестинской войне, находясь в действующей армии.

1952, 23 июля — Совет руководства революцией берет власть в стране в свои руки.

1953 — Египет провозглашен республикой.

1955 — Вышла работа Насера «Философия революции».

1955, 27 сентября — Насер объявил о закупке оружия в Чехословакии.

1956, 23 июня — Избран президентом.

1956, 26 июля — На митинге в Александрии объявил декрет о национализации Суэцкого канала.

1956, 30 октября — Начало тройственной агрессии.

1957, январь — апрель — Изданы декреты о национализации английских и французских банков и страховых компаний.

1958, 1 февраля — Провозглашена Объединенная Арабская Республика. Президентом страны избран Насер.

1958 — Впервые едет в Советский Союз, присутствует на первомайском параде в Москве.

1962, октябрь — Издан декрет Насера об образовании Арабского социалистического союза.

1966, май — Издан указ об образовании комитета по ликвидации остатков феодализма.

1967 — Израильская агрессия против арабских государств.

1967, ноябрь — Совет Безопасности ООН принимает резолюцию, требующую от Израиля вывода войск с захваченных территорий.

1968, 30 марта — Принята программа «30 марта», подтвердившая намерение Египта идти по некапиталистическому

пути.

1970, 28 сентября — Кончина Гамаля Абдель Насера.

Краткая библиография

Президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер. — «Правда», 1958, 29 апреля.

Гамаль Абдель Насер. [Президент Объединенной Арабской Республики. Биогр. справка]. — «Новое время», 1958, № 9, с. 31.

Речь Гамаля Абдель Насера [на митинге трудящихся в Порт-Саиде]. — «Правда», 1964, 20 мая.

Выдающийся сын арабского народа. [Памяти Г. А. Насера]. — «Правда», 1970, 30 сентября.

Ю. Патомов. Борец за новый Египет. [К 3-й годовщине со дня смерти Г. А. Насера]. — «Правда», 1973, 28 сентября.

Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет. Время президента Насера. М., «Мысль», 1974.

Гамаль Абдель Насер. Философия революции. Каир, 1955 (на арабск. яз.).

Гамаль Абдель Насер. Собрание речей, выступлений и заявлений президента. Каир (на арабск. яз.).

Анвар Садат. Революция на Ниле. Каир (на арабск. яз.).

Анвар Садат. Сын мой, таков твой дядя Гамаль. Каир (на арабск. яз.).

Анвар Садат. Исчерпывающий рассказ о революции. Бейрут (на арабск. яз.).

Анвар Садат. В поисках себя. Каир, 1978 (на арабск. яз.).

Рашид аль-Баррави. От Багдадского до Исламского пакта. Каир, 1966 (на арабск. яз.).

Рифаат Саид. История социалистической мысли в Египте. Бейрут, 1970 (на арабск. яз.).

Hamphrey Trevelyan. The Midle East in Revolition. London, 1970, 1971.

Peter Mansfield. Nasser. London, 1971.

Robert Stephens. Nasser a political Biography. London, 1972.

Мухаммед Х. Хейкал. Абдель Насер и мир. Бейрут, 1972 (на арабск. яз.).

notes

Примечания

1

Арабское национальное сладкое блюдо.

2

Начальная школа религиозного характера.

З

Почетный титул человека, совершившего паломничество в Мекку.

4

Стихи из корана.

5

Аль-Азхар — знаменитый мусульманский университет в Каире, крупнейший центр по изучению арабского языка.

6

Дешевое национальное блюдо из бобов.

7

Роман переведен на русский язык.

8

Буржуазно-демократическая партия, выступавшая за независимость Египта.

9

Титул правителя Египта.

10

Феддан равен 0,43 гектара.

11

Багдадский пакт — образованный в 1955 году по инициативе США военный союз, направленный против СССР и национально-освободительных движений на Ближнем Востоке. В него вошли Турция, Ирак, Великобритания, Пакистан и Иран. Другие ближневосточные страны отказались принять участие в этом пакте, несмотря на давление со стороны США.

12

Первая политическая организация в стране — «Хизб аль-Ватан». Возникла в 1891 году, когда радикально настроенные офицеры во главе с Ораби-пашой выдвинули лозунг «Египет для египтян».

13

Хасан аль-Тухами — один из «свободных офицеров».

14

Кафедра египтологии Каирского университета была основана выдающимся русским ученым В. С. Голенищевым.

15

Красная турецкая феска.

16

«Пятьдесят на пятьдесят» процентов. Принцип раздела доходов между нефтяными компаниями и правительствами, долгов время применявшийся в арабских странах.

17

Имеется в виду война, которую вели французские колонизаторы против вьетнамского народа при поддержке США.

18

Французский инженер, возглавлявший строительство Суэцкого канала.

19

Так египетские крестьяне часто называют горожан.

20

«Душой и кровью пожертвуем для тебя, Гамаль!»

21

АРЕ — Арабская Республика Египет. Так стал называться Египет с сентября 1971 года.